

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2023 Том 15 № 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2
<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал
Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор, Австралийский Национальный университет, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, [DOAJ](http://DOAJ.org), [Cyberleninka](http://Cyberleninka.ru), индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 05.05.2023. Выход в свет 15.05.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 10,73. Тираж 500 экз. Заказ № 681. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2023 VOLUME 15 NUMBER 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhasan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Комаров А.Н. Взаимоотношения США и Канады в 1950–1980-е гг.: консенсус или разногласия? 115

Kuklin N.S. Rethinking the Globalization Through the Lens of the Indonesian Traditional Political Culture (Переосмысление глобализации через призму индонезийской традиционной политической культуры) 126

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Ateed E. H., Ozel Ozcan M. S. Critical Analysis on the Impediments of Regional Integration in Central Asia (Препятствия к осуществлению региональной интеграции в Центральной Азии: критический анализ)..... 137

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

Уразбахтин Р. И. Условия содержания военнопленных французов в британской тюрьме в г. Чатем в 1803–1814 гг.: регрессионный анализ продолжительности плена и смертности. 158

Кутищев А.В. Покорение Пьемонта. Война за испанское наследство 1701–1714 гг. 182

Кудласевич Н.Н. Хронология раскола в Эстонской Православной Церкви в свете отношений между Московским и Константинопольским Патриархатами 196

Корбан Л. М., Попова Е.А. «Страсбургские чудеса Пресвятой Марии» и влияние городского собора на паломничества в Эльзасе в XIII в. 207

ИЗ ИСТОРИИ АФРИКИ

Брындина В.Н. «Самый замечательный человек среди арабов, суахили и полукровок»: образ Типпу-Типа в мемуарах и путевых заметках европейцев второй половины XIX в. 216

РЕЦЕНЗИИ

Уразбахтин Р. И. Рецензия на книгу: Morieux R. The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. Oxford: Oxford University Press, 2019 233

ИСПРАВЛЕНИЯ

Аксенова А.А. Исправление к статье «Формирование египетской коллекции Национального музея Республики Татарстан: вклад в развитие отечественной египтологии» 239

CONTENTS

POLITICAL HISTORY OF EAST AND WEST

- Komarov A.N.** US-Canada Relations in the 1950s — 1980s: Consensus or Disagreement? 115
- Kuklin N.S.** Rethinking the Globalization Through the Lens of the Indonesian Traditional Political Culture (ENG) 126

MODERN WORLD

- Ateed E. H., Özel Özcan M. S.** Critical Analysis on the Impediments of Regional Integration in Central Asia (ENG) 137

EUROPEAN STUDIES

- Urazbakhtin R.I.** Incarceration Conditions of the French Prisoners of War in the British Prison in Chatham in 1803–1814: Regression Analysis of the Duration of Captivity and Mortality 158
- Kutishchev A.V.** The Conquest of Piemont. The War of the Spanish Succession, 1701–1714 182
- Kudlasevich N. N.** Chronology of the Dissent in the Estonian Orthodox Church in the Light of Relations between the Moscow and Constantinople Patriarchates 196
- Korban L.M., Popova E.A.** “Strasbourg Miracles of the Blessed Mary” and the Influence of the City Cathedral Church on Pilgrimages in Alsace in the 13th Century 207

AFRICAN STUDIES

- Bryndina V.N.** “The Most Remarkable Man among Arabs, Swahili, and Half-Castes in Africa”: The Image of Tippu Tip in the Memories and Travelogues of Europeans in the Second Half of the 19th Century 216

BOOK REVIEWS

- Urazbakhtin R.I.** Book Review: Morieux R. The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. Oxford: Oxford University Press, 2019. 233

ERRATA ET CORRIGENDA

- Aksenova A.A.** Correction: Corrigendum: Formation of the Egyptian collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan: a contribution to the development of Russian Egyptology 239

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА POLITICAL HISTORY OF EAST AND WEST

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-115-125

EDN: ZYMWWT

Научная статья / Research article

Взаимоотношения США и Канады в 1950-1980-е гг. : консенсус или разногласия?

А.Н. Комаров

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская площадь, 6, Москва, Россия, ГСП-3, 125993

ruslan10@inbox.ru

Аннотация. Цель статьи — исследовать влияние канадско-американских отношений на внешнюю политику Канады в 1957–1984 гг. В центре внимания автора изучение и анализ тенденций канадско-американских отношений, а также выявление закономерностей их дальнейшего развития. На основе использования соответствующей источниковой и источниковедческой базы дано представление об особенностях канадско-американских отношений в премьерство Джона Дифенбейкера, Лестера Пирсона, Пьера Трюдо. Применены сравнительно-исторический метод и междисциплинарный подход. Первый позволяет сопоставить развитие канадско-американских отношений в 1957–1984 гг. Последний показывает влияние канадско-американских отношений на деятельность политических партий Канады. Научный вклад автора состоит в том, что впервые в отечественной историографии не просто рассмотрены общие направления внешней политики Канады, а анализируется их ключевое направление — канадско-американское, его эволюция и динамика. Автор приходит к выводам о том, что периодизация канадско-американских отношений отражала всю сложность их развития, а антиамериканизм Д. Дифенбейкера и П. Трюдо не имел под собой глубинной основы. В первом случае он явился следствием личных обид Д. Дифенбейкера. Во втором — П. Трюдо демонстрировал, что внешняя политика Канады носит самостоятельный характер, что однако это не означало его отхода от канадско-американских отношений как кардинального направления внешней политики североамериканского государства.

© Комаров А.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Канада, США, отношения, внешняя политика, периодизация, динамика, консенсус, разногласия

История статьи: Поступила в редакцию: 23.11.2022. Принята к публикации: 01.02.2023.

Для цитирования: *Комаров А.Н. Взаимоотношения США и Канады в 1950–1980-е гг.: консенсус или разногласия? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 115–125. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-115-125>*

US-Canada Relations in the 1950s — 1980s: Consensus or Disagreement?

A.N. Komarov ✉

Russian State University of Humanities,
Miusskaya Square, 6, Moscow, Russia, GSP-3, 125993

✉ ruslan10@inbox.ru

Abstract. The purpose of the article is to finalize the impact of the relationship between the USA and Canada on the Canadian foreign policy in 1957–1984. The author focuses the reader's attention on analysis of trends in the relations between USA and Canada, as well as the identification of the patterns of their further development. Based on the use of an appropriate historical sources and scientific literature, the article gives an idea of the characteristic features of the relationship between the USA and Canada during the premierships of John Diefenbaker, Lester Pearson, Pierre Trudeau. When writing an article, the author uses a comparative historical method, as well as an interdisciplinary approach. The first allows us to compare the development of the relations between USA and Canada in 1957–1984. The latter shows the influence of the relationship between USA and Canada on the activities of political parties in Canada. The scientific contribution of the author of the article is that for the first time in Russian historiography, he considers not just the general directions of Canada's foreign policy, but analyzes the key of them — the relationship between USA and Canada, its evolution and dynamics. The author comes to the conclusion that the periodization of the relationship between USA and Canada reflected the complexity of their development, and the anti-americanism of Diefenbaker and Trudeau had no deep foundation. Firstly, it was the result of Diefenbaker's personal grievances against Kennedy. Secondly, Trudeau demonstrated that Canada's foreign policy has an independent character. However, this did not mean his departure from the relationship between USA and Canada as a major.

Keywords: Canada, USA, relations, foreign policy, periodization, dynamics, consensus, disagreements

Article history: Received: 23.11.2022. Accepted: 01.02.2023.

For citation: Komarov AN. US-Canada Relations in the 1950s — 1980s: Consensus or Disagreement?. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(2):115–125. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-115-125>

Введение

Канадская внешняя политика второй половины XX в. представляет собой комплексное, сложное и многогранное явление, на которое оказывает воздействие ряд факторов. Приобретение Канадой независимости не означало предначертанного и плавного развития ее внешней политики. В этой связи канадский политический истеблишмент вынужден был принимать во внимание ряд обстоятельств, которые самым прямым образом оказывали влияние на внешнеполитический курс государства. Среди них можно выделить три наиболее значимых и судьбоносных.

К первому из них относится фактор глубины канадско-американских связей. Серьезное геополитическое влияние США на Канаду после Второй мировой войны сложно было оспаривать. Поэтому находящиеся у власти как консерваторы, так и либералы вынуждены были учитывать это важнейшее для страны обстоятельство. Однако предполагаемый масштаб канадско-американских отношений они понимали по-разному. Если правительства Дж. Дифенбейкера и П. Трюдо пытались в определенной степени продемонстрировать свою самостоятельность от американских геополитических интересов, то, наоборот, премьер-министр Л. Пирсон исходил от обратного и пытался следовать предлагаемому со стороны США внешнеполитическому курсу.

Второй важнейший фактор был связан с масштабом выстраивания отношений применительно к Содружеству наций. Канада, как бывшая британская колония, была заинтересована в дружеских связях как с Великобританией, так и с другими участниками Содружества наций.

Третий фактор, или обстоятельство, было связано с тем, что, несмотря на имеющееся американское и британское экономическое и геополитическое влияние, Канада должна была демонстрировать свой независимый внешнеполитический курс. Все эти обстоятельства в высшей степени влияли на стратегию Канады на международной арене, которая формировалась в очень непростой период — вторую половину XX в. Именно 1950–1980-е гг. определяют хронологические рамки исследования — время выстраивания приоритетов канадской внешней политики.

Необходимо отметить, что в отечественной и зарубежной историографии существует целый ряд исследований по внешней политике Канады в период нахождения у власти консервативных кабинетов Д. Дифенбейкера, а также либеральных кабинетов Л. Пирсона и П. Трюдо. Например, внешнеполитические аспекты политики Д. Дифенбейкера, Л. Пирсона и П. Трюдо излагаются в работе О.С. Сороко-Цюпа [1]. Большой вклад в изучение этого вопроса внес также С.Ф. Молочков [2. С. 7–19]. Анализ франко-канадского вопроса в контексте всей внешнеполитической и внутривнутриполитической стратегии Канады характерен для исследования В.А. Коленко [3]. Значительный вклад в рассмотрение внешнеполитических аспектов разви-

тия Канады в премьерство Д. Дифенбейкера и Л. Пирсона внес канадский историк Д. Мортон [4. Р. 222–233]. Заслуживает внимания также монография Л. Ле Дюка и Дж. Памметта, охватывающая значительную часть канадской истории, и в том числе и интересующий нас период [5]. Поэтому автор статьи не считает нужным, вслед за вышеупомянутыми исследователями, повторять основные направления внешней политики Канады в обозначенные периоды времени. Свою цель автор данной статьи видит в ином. Она состоит в том, чтобы проанализировать и исследовать влияние канадско-американских отношений на внешнюю политику Канады в 1957–1984 гг. в целом. Хронологические рамки исследования охватывают период с премьерства Дж. Дифенбейкера в 1957 г. и до 1984 г. Я не вижу смысла анализа данного периода после 1984 г., поскольку, во-первых, он неоднократно был рассмотрен в моих ранних работах, а, во-вторых, после 1984 г. динамика канадско-американских отношений формировалась исключительно в пользу улучшения последних [6]. Следовательно, предмета для критического анализа в этом периоде нет, и именно поэтому он и выходит за рамки данного исследования. В свою очередь, эпоха 1957–1984 гг. была интересна различными попытками поворота во внешней политике Канады, характерными для премьерств Дж. Дифенбейкера и П. Трюдо. Консенсус или противоречие — что же находилось в основе канадско-американских отношений этой эпохи? Вышеуказанная цель предполагает решения ряда задач:

во-первых, вывести периодизацию и охарактеризовать динамику канадско-американских отношений в означенный период времени, с 1957 по 1984 гг.;

во-вторых, показать разницу в развитии канадско-американских отношений в премьерства Д. Дифенбейкера и П. Трюдо, с одной стороны, и Л. Пирсона, с другой;

в-третьих, определить, был ли присущ глубокий антиамериканизм Д. Дифенбейкеру и П. Трюдо, или это, скорее всего, представляло собой явление популизма.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии рассматриваются не просто общие направления внешней политики Канады в обозначенный период времени, но именно анализируется ключевое из них — канадско-американское, его эволюция и динамика. Последнее явилось ключевым для существования Канады как независимого государства и ее будущности на международной арене. Кроме того, данная тема является принципиально важной при изучении новейшей истории США и Канады в целом.

При разработке данной темы автором был затронут необходимый пласт источников и научной литературы. В добавлении к указанной ранее историографии можно назвать работу канадского ученого Дж. Сэйвелла, посвященная парламентским выборам 1963 г. [7]. Не менее интересной явилась и монография Б. Робинсона, посвященная внешней политике Д. Дифенбейкера [8].

В плане источниковой базы в процессе работы над статьей автором были использованы мемуары П. Трюдо [9]. Помимо этого, автор рассматривал мемуары Дж. Дифенбейкера, материалы СМИ, предвыборные программы политических партий Канады и т.д. [10].

Методология данной научной статьи предусматривает использование сравнительно-исторического метода, а также междисциплинарного подхода. Применение сравнительно-исторического метода позволяет предпринять анализ развития канадско-американских отношений в период трех премьерств — Д. Дифенбейкера, Л. Пирсона и П. Трюдо. Опираясь на междисциплинарный подход, автор показывает влияние канадско-американских отношений на деятельность политических партий Канады, т.е. затрагивает сферу политической науки. В свою очередь, используя междисциплинарный подход при анализе канадско-американских отношений, автор тем самым показывает связь всеобщей истории с международными отношениями.

Канадско-американские отношения в период нахождения у власти Д. Дифенбейкера и Л. Пирсона (1957–1968 гг).

Канадско-американские отношения в период 1957–1968 гг. развивались неоднозначно, от восходящей к нисходящей тенденции.

При этом в рамках данного периода можно предложить и более детальную периодизацию, характеризующую всю сущность канадско-американских отношений в данный период времени.

С 1957 по 1961 гг., на первом этапе нахождения у власти премьер-министра Дж. Дифенбейкера, канадско-американские отношения развивались поступательно и характеризовались должным взаимопониманием между двумя государствами. Поскольку Дж. Дифенбейкера связывали хорошие отношения с президентом США Д. Эйзенхауэром, особых эксцессов в двусторонних отношениях в этот период времени не происходило. Напротив, в 1958 г. между двумя странами было заключено соглашение НОРАД, означавшее аэрокосмическую оборону Северной Америки от возможного ядерного удара со стороны СССР. Даже когда в 1959 г. Дж. Дифенбейкер принял решение аннулировать проект по сборке и производству сверхзвукового истребителя Avro-Arrow CF-105, это не расшатало канадско-американские отношения на данном этапе. В свою очередь, Д. Эйзенхауэр воздержался от негативной реакции на это решение Д. Дифенбейкера, поскольку, во-первых, не хотел наносить ущерб канадско-американским отношениям, а, во-вторых, не желал омрачать скандалом последние годы своего президентства. Тем не менее, в этой связи, можно согласиться с мнением канадского ученого Дж. Мюррея Бека, который трактовал это решение Д. Дифенбейкера не иначе, как произвольной односторонней отменой Канадой своих обязательств по договору

НОРАД [11. Р. 265–271]. Тем более, это было принципиально важным в свете того, что сборка и производство сверхзвукового истребителя Avro-Arrow CF-105 было важным дополнением к договору НОРАД.

С 1961 по 1963 гг., на втором этапе пребывания у власти Дж. Дифенбейкера, канадско-американские отношения отличались стремительной деградацией. Глобальной причиной всего этого явилась, прежде всего, личная неприязнь президента США Дж. Кеннеди и премьер-министра Канады Дж. Дифенбейкера по отношению друг к другу. В свое время я уже писал о том, что вызывало у руководителей двух стран взаимную антипатию, поэтому здесь я ограничусь лишь несколькими фактами. Начало деструктивным отношениям между Дж. Кеннеди и Дж. Дифенбейкером было положено в мае 1961 г. во время их встречи в Канаде. Жаклин Кеннеди, присутствующая при этой встрече, вспоминала о негативном впечатлении, которое сложилось у нее после разговора ее супруга с Дж. Дифенбейкером. Помимо этого, ряд причин и обстоятельств в 1961 г. способствовали разладу и непониманию между Дж. Дифенбейкером и Дж. Кеннеди. В частности, канадский политолог Дж. Бойко назвал несколько причин, изначально определивших негативный фон всех последующих переговоров Дж. Кеннеди и Дж. Дифенбейкера [12]. В частности, Дж. Кеннеди не ответил своевременно на поздравления Дж. Дифенбейкера, касающиеся инаугурации 1961 г. Помимо этого, особое раздражение Дж. Дифенбейкера вызвала записка, которую он обнаружил в своем рабочем кабинете. В ней президент США Дж. Кеннеди указывал своим советникам на необходимость перманентного давления на Дж. Дифенбейкера с целью резкого усиления военного сотрудничества двух государств.

В 1961–1963 гг. между Дж. Кеннеди и Дж. Дифенбейкером имела место переписка, которая, по сути дела, ни к чему не привела. Ни одна из сторон не добилась достижения своих целей. Своеобразным эхом этой переписки явились события Карибского кризиса. В октябре 1961 г. Дж. Кеннеди в своем письме, обращаясь к Дж. Дифенбейкеру, информировал последнего о наличии советских ядерных ракет на Кубе и призвал к совместным согласованным действиям. Дж. Дифенбейкер, напротив, не только не сделал официального заявления о том, что он поддерживает Дж. Кеннеди, но и высказал точку зрения, что информацию, полученную от президента США о размещении советских ядерных ракет на Кубе, необходимо дополнительно проверить [13. Р. 58–70].

Таким образом, президент США Дж. Кеннеди не получил от своего ближайшего союзника, Дж. Дифенбейкера, необходимой поддержки во время Карибского кризиса. Более того, отношения между Дж. Кеннеди и Дж. Дифенбейкером еще больше обострились после завершения Карибского кризиса. Между США и Канадой существовала более ранняя договоренность о том, что вместо сборки и производства сверхзвукового истребителя Avro-Arrow CF-105 последняя разместит на своей территории ракеты большой

дальности класса «земля — воздух» «Бомарк», которые могли использоваться с атомными боеголовками. Однако премьер-министр Дж. Дифенбейкер, вначале пообещавший разместить на территории Канады ядерные боеголовки, в 1963 г. от этого отказался. Это решение, вызвавшее раскол в общественном мнении страны, стоило Дж. Дифенбейкеру проигрыша парламентских выборов в 1963 г. Последний, понимая свой возможный проигрыш на предстоящих выборах, пытался разыгрывать в ходе своей предвыборной кампании, антиамериканский козырь. Однако антиамериканские настроения Дж. Дифенбейкера были скорее следствием его обид и недопонимания с президентом США Дж. Кеннеди, нежели чем серьезной продуманной концепцией.

Либеральная партия во главе с Л. Пирсоном (1963–1968 гг.), напротив, на контрасте с взглядами Дж. Дифенбейкера, выступала за размещение ядерных боеголовок в Канаде, и последние в итоге были ввезены в Канаду в 1964 г. Однако это не принесло Лестеру Пирсону политической удачи.

Надеясь извлечь выгоду на фоне последних скандалов с Дж. Дифенбейкером, Лестер Пирсон, тем не менее, потерпел фиаско по двум направлениям. Во-первых, критикуя Дж. Дифенбейкера за разлад в канадско-американских отношениях и выступая за ввоз ядерных боеголовок «Бомарк» в Канаду вопреки мнению Дж. Дифенбейкера, Лестер Пирсон надеялся, что его Либеральная партия получит парламентское большинство на выборах 1963 г. Однако этого не произошло. На состоявшихся в апреле парламентских выборах 1963 г. Либеральная партия во главе с Л. Пирсоном получила 128 мест в палате общин, что явилось парламентским меньшинством. Более того, парламентские выборы 1965 г. принесли новое разочарование лидеру Либеральной партии, поскольку снова либералы получили парламентское меньшинство — 131 место [14].

Во-вторых, канадско-американские отношения, вопреки надеждам Л. Пирсона, эволюционировали в худшую сторону. Достигнутый консенсус премьер-министра Канады Л. Пирсона с президентом США Дж. Кеннеди исчез после гибели последнего. Существенное ухудшение канадско-американских отношений наблюдалось после встречи президента США Л. Джонсона и Л. Пирсона в апреле 1965 г. Во время встречи Л. Джонсон подверг критике антивоенные взгляды Л. Пирсона. Последний, в свою очередь, отразил широкие настроения канадцев, которые выступали против введения американских войск во Вьетнам. Ответ Л. Джонсона Л. Пирсону был крайне неприятным и резким, и смысл его выражался в том, что канадский премьер-министр не должен вмешиваться не в свои дела. Поэтому оставшийся период нахождения Л. Пирсона у власти с 1965 по 1968 гг. ознаменовался охлаждением канадско-американских отношений. В этой связи канадско-американские отношения в период нахождения у власти Дж. Дифенбейкера и Л. Пирсона имеют общую черту, несмотря на то, что Канадой в этот период управляли разные партии — вначале Прогрессивно-консервативная, а за-

тем и Либеральная. В период 1957–1968 гг. они эволюционировали в худшую сторону, от наметившегося консенсуса в плоскость взаимного непонимания. В случае с Дж. Дифенбейкером причиной этому стали плохие личные отношения последнего с президентом США Дж. Кеннеди. Наоборот, мотивом для ухудшения канадско-американских отношений при Л. Пирсоне стало неприятие последним решения президента США Л. Джонсона о введении американского контингента во Вьетнам.

Канадско-американские отношения в эпоху П. Трюдо (1968–1984 гг.).

В свою очередь, канадско-американские отношения в период нахождения у власти П. Трюдо (1968–1984 гг.) отличались особой сложностью. Я не разделяю взгляды тех историков, которые характеризовали антиамериканизм П. Трюдо как глубокое сущностное явление [15]. С моей точки зрения, было бы неверным писать об антиамериканизме П. Трюдо как о кардинальном повороте во всей внешней политике Канады. По моему мнению, антиамериканизм предполагает собой идейное противостояние с США на геополитическом, экономическом, идеологическом и других уровнях. В эпоху П. Трюдо это явление не наблюдалось. Несмотря на то, что П. Трюдо неоднократно повторял мысль о том, что чрезмерное геополитическое и военное сближение с США оказывает негативное воздействие на национальные интересы Канады, его внешнеполитический курс не был направлен против своего ближайшего союзника — Соединенных Штатов Америки. Несмотря на сокращение присутствия канадского контингента в странах Западной Европы с 10 до 5 тысяч человек руководство североамериканского государства не предприняло мер по выходу страны из альянса НАТО, равно как и из договора по НОРАД. Это означало приверженность прежним союзническим обязательствам, которые Канада выполняла как по отношению к США, так и к другим государствам альянса НАТО. Как же можно охарактеризовать в таком случае внешнюю политику П. Трюдо? Как разноплановую по нескольким направлениям, отвечающую национальным интересам Канады как независимого государства. Я не придерживаюсь точки зрения советской историографии о третьей альтернативе внешней политики П. Трюдо [16]. Я не вижу смысла говорить об одном четко выделенном направлении внешней политики. В этой связи можно скорее говорить о попытке диверсификации внешней политики Канады, в которой канадско-американские отношения занимали одно из главных мест.

Необходимо отметить, что Канада в премьерство П. Трюдо предприняла ряд мер, которые продемонстрировали американскому истеблишменту самостоятельность внешней политики государства. В частности, П. Трюдо завершил многолетний спор о том, должны ли ядерные боеголовки находиться

на территории Канады. В частности, в 1972 г. ядерные боеголовки «Бомарк» были вывезены с территории Канады.

Программные внешнеполитические документы, вышедшие при либерале П. Трюдо, вызывают дискуссию. С одной стороны, в них были обозначены будущие новые черты во внешней политике Канады, с другой стороны, глубинного ее переустройства, в плане отхода от тесного военного сотрудничества с США, не наблюдалось [17]. Более того, в 1981 г. произошла встреча П. Трюдо и президента США Р. Рейгана, на которой между двумя государствами была подтверждена приверженность дальнейшему сотрудничеству в рамках НОРАД и НАТО. Существование военного альянса США и Канады дополнялось тем, что правительство П. Трюдо предоставило свое согласие на испытание в провинциях Британская Колумбия и Альберте американских крылатых ракет.

В целом, отмечая развитие канадско-американских отношений в период нахождения у власти П. Трюдо в 1968–1984 гг., можно отметить всю противоречивость их развития. С одной стороны, П. Трюдо пытался продемонстрировать самостоятельность внешней политики Канады, выступив за разноплановость или диверсификацию ее внешнеэкономических связей. Премьер-министр Канады выступал за развитие торгово-экономических связей с СССР и западноевропейскими государствами, тем самым указывая на независимость внешней политики Канады. С другой стороны, П. Трюдо по-прежнему делал упор на интенсивное развитие канадско-американских отношений, понимая, что Канада не сможет развиваться без тесного военного, а в ближайшем будущем и экономического союза с США. Поэтому, на мой взгляд, в этой связи нет смысла рассматривать внешнюю политику П. Трюдо как отход от традиционных канадско-американских связей. Пересмотра всей сущности канадской внешней политики при П. Трюдо не произошло.

Заключение

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что канадско-американские отношения в 1957–1984 гг. прошли длительный путь развития и развивались как по восходящей, так и по нисходящей плоскости. В этой связи можно сделать ряд выводов.

Во-первых, периодизация канадско-американских отношений отражала всю сложность их развития. В частности, в 1957–1961 гг. они развивались с позитивной динамикой, что было связано с хорошими отношениями между премьер-министром Канады Дж. Дифенбейкером и президентом США Дуайтом Эйзенхауэром. Результатом явилось заключение соглашения НОРАД между двумя государствами. Напротив, период 1961–1963 гг. стал одним из худших в истории канадско-американских отношений. Не сумев преодолеть личную неприязнь по отношению друг

к другу, премьер-министр Канады Дж. Дифенбейкер и президент США Дж. Кеннеди неправильно повели себя в критический момент для обоих государств — Карибский кризис 1962 г. Дж. Дифенбейкер, будучи ближайшим союзником США, не выступил в октябре 1962 г. с публичным заявлением, поддерживающим позицию Дж. Кеннеди по урегулированию Карибского кризиса. В свою очередь, президент США пытался оказать давление на Дж. Дифенбейкера с целью размещения ядерных боеголовок на территории Канады, как до Карибского кризиса, так и посткризисный период. Стоит отметить, что и при Л. Пирсоне канадско-американские отношения развивались крайне неровно. Пытаясь выиграть парламентские выборы на фоне неудач Дж. Дифенбейкера, Л. Пирсон обеспечил благоприятное развитие канадско-американских отношений только в 1963–1965 гг., разрешив ввести ядерные боеголовки «Бомарк» в Канаду. Напротив, в 1965–1968 гг. канадско-американские отношения значительно охладились, что было связано с негативной реакцией президента США Л. Джонсона на антивоенные настроения как Л. Пирсона, так и значительной части канадского общества, выступавших против введения американских войск во Вьетнам. В 1968–1984 гг. П. Трюдо проводил взвешенную политику, с одной стороны, избегая пересмотра традиционных канадско-американских отношений, и в целом, укрепляя военный союз с США в рамках НАТО и НОРАД, с другой стороны, пытаясь проводить разноплановую внешнюю политику. В любом случае П. Трюдо удалось избежать скандального развития канадско-американских отношений, как это имело место в 1961–1963 гг.

Во-вторых, присутствовала разница в развитии канадско-американских отношений при премьерстве Д. Дифенбейкера, П. Трюдо, и Л. Пирсона. П. Трюдо, несмотря на проводимый им внешнеполитический курс, удалось избежать скандального развития канадско-американских отношений, как это имело место в 1961–1963 гг. при Дж. Дифенбейкере. Нацеленный на безусловное улучшение канадско-американских отношений, Лестер Пирсон, в свою очередь, оказался заложником политической ситуации в канадском обществе, связанной с антивоенными настроениями. Доведение им этой точки зрения до президента США Л. Джонсона привело к ухудшению канадско-американских отношений. В-третьих, антиамериканизм Д. Дифенбейкера и П. Трюдо не имел под собой глубинной основы. В первом случае он явился следствием личных обид Д. Дифенбейкера на Дж. Кеннеди. Премьер-министр Канады не мог простить президенту США тех неудачных обстоятельств и совпадений, с которых началась их первая встреча в 1961 г. П. Трюдо, в период подготовки конституционной реформы, накануне принятия Акта о конституции 1982 г., должен был продемонстрировать, что внешняя политика Канады носит самостоятельный характер. Однако это не означало отхода

от канадско-американских отношений как кардинального направления внешней политики государства. Поэтому не стоит идеализировать внешнеполитический курс, проводимый П. Трюдо, и считать, что он обладает антиамериканистской составляющей.

Библиографический список

1. *Сороко-Цюпа О.С.* История Канады. М. : Высшая школа, 1985.
2. *Молочков С.Ф.* Внешняя политика Канады в 70-е гг.: судьба «третьей альтернативы» // США: экономика, политика, идеология. 1979. № 3. С. 7–19.
3. *Коленко В.А.* Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека XVII — XX века. М. : Наука, 2006.
4. *Morton D.* A Short History of Canada. Edmonton : Hurtig Publishers Ltd, 1983.
5. [5] *LeDuc L., Pammatt J.H.* Dynasties and Interludes: Past and Present in Canadian Electoral Politics. Second edition. Toronto : Dundurn, 2016.
6. *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах: монография. М. : РУДН, 2010.
7. *Saywell J.* Canadian Annual Review for 1963. Toronto : University of Toronto Press, 1964.
8. *Robinson B.* Diefenbaker's World: A Populist in Foreign Affairs. Toronto : University of Toronto Press, 1989.
9. *Trudeau P.E.* Memoirs. Toronto : McClelland & Stewart, 1993.
10. One Canada: Memoirs of the Right Honourable John G. Diefenbaker. The Crusading years 1895–1956. Toronto : Macmillan of Canada, 1975.
11. *Beck Murray J.* Pendulum of Power. Canada's Federal Elections. Ontario : Prentice Hall of Canada, 1968.
12. *Boyko J.* 10 reasons why 'Dief the Chief' and JFK hated each other // Maclean's. Sep 4, 2014. URL: <https://www.macleans.ca/society/10-reasons-why-dief-the-chief-and-jfk-hated-each-other/> (дата обращения 10.02.2023).
13. *Gurney M.* Leaders in Conflict: Diefenbaker, Kennedy, and Canada's Response to the Cuban Missile Crisis. Theses and Dissertations Comprehensive. Wilfrid Laurier University, Ontario : Wilfrid Laurier University, 2009.
14. *Saywell J.* Canadian Annual Review for 1965. Toronto : University of Toronto Press, 1966.
15. *Granatstein J., Bothwell R.* Pirouette : Pierre Trudeau and Canadian Foreign Policy. Toronto : University of Toronto Press, 1990.
16. *Молочков С.Ф.* Пьер Трюдо уходит в историю // США&Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 12. С. 42–48.
17. Canadian Foreign Policy 1966–1976: Selected Speeches and Documents. Ottawa : Institute of Canadian Studies, Carleton University, 1980.

Информация об авторе:

Комаров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, ФГОБУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, e-mail: ruslan10@inbox.ru. eLibrary SPIN-код.2900-1319, AuthorID: 613577

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-126-136

EDN: ZYVJUI

Research article / Научная статья

Rethinking the globalization through the lens of Indonesian traditional political culture

Nikita S. Kuklin

ASEAN Centre in MGIMO University, Moscow, Russian Federation,
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

 ns.kuklin@inno.mgimo.ru

Abstract. The aim of the study is to identify original Indonesian approaches to the globalization phenomenon from Indonesia's political culture standpoint, bearing in mind also the socio-political thought of the Indonesian people, as well as the historical and cultural features of the Indonesian statehood formation. The author analyzes the assumption that Indonesian society and the elites share original globalization perception, thus Indonesia's self-positioning in a globalizing world is not only a matter of diplomacy or politics, but also a question of political philosophy and social psychology. From the point of methodology, the author relies on constructivism IR theory, as it necessary to study the Indonesian beliefs set regarding globalization and world development processes. As a result, the author concludes that the pandemic consequences and international crises are increasingly dividing the world, and globalization is often considered stalled, however, for the Indonesian mindset, globalization is an important world order element, while it is perceived not as total westernization or neocolonialism, but as a fair exchange between sovereign nations. The research contribution is also determined by the need to analyze non-Western approaches to key world development issues and the international actor's communication, considering the transformation of the contemporary IR system and the global politics shift to the Asia-Pacific region.

Keywords: Indonesia, globalization, culture, identity, international relations, constructivism

Article history: Received: 05.12.2022. Accepted: 07.02.2023.

For citation: Kuklin NS. Rethinking the Globalization Through the Lens of the Indonesian Traditional Political Culture. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(2):126–136. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-126-136>

© Kuklin N.S., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Переосмысление глобализации через призму индонезийской традиционной политической культуры

Н.С. Куклин

Центр АСЕАН при Московском государственном институте международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России),

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

 ns.kuklin@inno.mgimo.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении оригинальных индонезийских подходов к восприятию феномена глобализации с точки зрения внешней и внутренней политики Индонезии, социально-политической мысли индонезийского народа, а также исторических и культурных особенностей формирования индонезийской государственности. Автор подробно анализирует предположение о том, что индонезийское общество и элиты разделяют самобытное восприятие глобализации, поэтому самопозиционирование Индонезии в глобализирующемся мире является вопросом не только дипломатии или политики, но и политической философии и социальной психологии. С точки зрения методологии автор опирается на теорию конструктивизма в международных отношениях, так как представляется необходимым изучить ценностную основу и политические взгляды индонезийцев на глобализацию и другие процессы мирового развития. В результате автор приходит к выводу, что сегодня последствия пандемии и международных кризисов все больше разделяют мир, а глобализация зачастую считается застопорившимся явлением, однако для индонезийского мышления глобализация является важным элементом мироустройства, и воспринимается при этом не как тотальная вестернизация или неоколониализм, а как справедливый обмен между суверенными государствами. Научная значимость настоящей статьи также определяется необходимостью анализа незападных подходов к ключевым вопросам развития мирового сообщества и взаимодействия международных акторов, с учетом трансформации современной системы международных отношений и смещения вектора глобальной политики в регион АТР.

Ключевые слова: Индонезия, глобализация, культура, идентичность, международные отношения, конструктивизм

История статьи: Поступила в редакцию: 05.12.2022. Принята к публикации: 07.02.2023.

Для цитирования: *Kuklin N.S.* Rethinking the Globalization Through the Lens of the Indonesian Traditional Political Culture // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 126–136. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-126-136>

Introduction

Globalization has become increasingly discussed in the contemporary society as a cause or as a consequence of major shift in international relations structure. Finding common denominators for this notion is magnetic but

complicated. Till now this path is full of uncertainties. As a term drawn from the economics globalization is often understood as inevitable process of major economic regions integration, formation of the single market with multilateral economic institutions as the pinnacle of the system. Such an approach is often perceived as a hyper-globalist or neoliberal by media and politicians [1. P. 51]. According to the skeptical approach globalization processes occur mainly between the developed countries and their role in the larger scale systems cannot be exaggerated.

The sceptics concern about abstract results and perspectives of the phenomena protected by neoliberal view, the lack of empirical evidence [2. P. 174]. The third approach known as transformationalist refers to an understanding of globalization as a process and as an end state. All of these approaches can be called economic-based or classical. Changes in economics entail changes in the other spheres, including international relations system, the configuration and level of basic actors etc.

There are also critical assessments of the general globalization. For example, J. Petras believes that the globalization can be substituted by the term “Imperialism”, because the globalization is for the most part a manifesto [3. P. 42] or a mask for U.S. or Western-led Imperialism [4. P. 187]. The similar approach defining the globalization as a well-managed political process is taken by V. Shiva [5. P. 567]. In general, one can say that the globalization is perceived either as a natural or artificially directed process. The position of the constructivists is close to each version; it can even be called comprehensive. Identity researchers such as T. Hopf perceive the neoliberal order as a Western dominant identity Such identities are opposed by both national and regional identities, their influence is determined by the commonality or difference in the value base [6. P. 4].

Aim of the study

Since we observe such an abundance of interpretations of globalization and approaches to its definition, we can rely on the fact that the Indonesian society and the elites that control the political processes in the country have also formed their attitude to the problem.

Taking into account the fact that the Indonesian statehood is built on a complex and original base of unique Indonesian political and philosophical values that are more than one century old, it can be assumed that some global phenomena will be refracted in the Indonesian environment and we will get something considered as a unique syncretic approach to the definition of a particular phenomenon.

The aim of this study is to identify original Indonesian approaches to the perception of the globalization phenomenon from the point of view of foreign and domestic policy, the socio-political thought of the Indonesian society, as well as the historical and cultural features of the Indonesian statehood formation.

Materials and Methods

To consider this issue, we need to choose an approach that could help to identify precisely the scope of cultural and social processes. The study is based both on general studies of globalization and approaches to its study in the socio-political sciences, and on country-specific classical and modern studies of Indonesia, its history, foreign and domestic policy and political culture.

In case of Indonesia, I align myself with the constructivist position. Indonesia as an ancient civilization is based on a whole complex of its own traditions, ideology and worldview. Therefore, all its actions outside and inside initially pass through the prism of certain ideas, the elites and the masses build their perception of problems based on a stable indigenous system of behavior and thinking. These categories are of unique Indonesian origin and should be taken into account. At the same time, Indonesia does not exist in isolation, but acts within the framework of the rules established by global westernized constructs as a diplomatic power.

For the sake of convenience, I will call them Westphalian nation-state and globalist neoliberal constructs. Many will argue and say that two systems cannot exist simultaneously. Realists or liberals would say that there is no alternative. Thanks to constructivism, we can assume that the coexistence of different systems and their complete development are possible and permissible. We can even assume that the society norms or behavior by nation-state or globalization agent within the external system will differ from its social matrix, political culture preferences and, accordingly, will cause a conflict of external actions and internal aspirations. Thus, we need to evaluate the historical value background of Indonesian political culture formation and the perception of external factors in this background.

Main results

Indonesia as a structure dominated identity

For when we touch the structural dominance, we mean the hypothesis that there is a certain value structure and it does not change. At the same time, it affects the behavior of both elites and the masses. Indeed, the structure of Indonesian politics is characterized by great continuity. Pancasila ideology underlines such a continuity. The formation of the ideology of the independent Indonesia was preceded by several stages of statehood development. Such stages are traditionally distinguished by time periods of ancient, medieval and modern history. In this case, a historical retrospective is needed, since each period is associated with the network expansion of the Malay Archipelago with the outside world.

Three main strata of Indonesian identity

The first sociocultural stratum at the heart of the Indonesian statehood is the Hindu-Buddhist development model, which relied on an agricultural clan culture and navigation in order to strengthen the centralized power of large dynasties and to develop trade routes with leading regional centers [7. P. 71]. Till this day one can see a big number of Hindu-Buddhist monuments on Java, Bali or Sumatra as irrefutable evidence of Hindu-Buddhist influence. The earliest prototypes date back to the state of Kutai (V century A.D.) on the island of Kalimantan, and later ones related to the history of the great empire of Majapahit (XVI century A.D.).

The local tribes have created the first states, turned to the caste system, Hinduism, Sanskrit and the Indian ideals of government. “Mahabharata” and “Ramayana”, “Bhagavad Gita” and other monuments of ancient Indian philosophy and literature has become the basis of the traditional culture of the nowadays Balinese or Javanese culture (despite the commitment of the majority of Javanese to Islam). This element has undergone significant changes in the course of history and have been adapted to the local worldview in the folk philosophical tradition. This phenomenon is called Javanese or Indonesian syncretism [8. P. 84–98]. This means that since about the V century AD, the population of the state formations of Java, Kalimantan and Sumatra were open to a new culture, active trade and cultural mixing.

Islam advent and spread to Indonesia with Indian and Arab merchants heralded an era of local sultanates dominance. In Java, the legend attributes the Islamization to Wali Songo or nine holy preachers. Many of them originated from aristocratic families and preached through the local images and worldview by means of the shadow theater and the gamelan orchestra [9. P. 83–89]. Despite the fact that the Sultanate of Mataram, founded in 1587, is considered the winner of the old Hindu states, the Sultan court preserved many pre-Islamic traditions, and the ruler and his aristocracy continued the practice of meditation and faith in the mythical laws and beings of the old era (Kejawen). In the rural communities, Islam has also found its place among the already established adat laws. According to a number of versions, the above-mentioned preachers were Sufis and this fact contributed to the coexistence of adat and Islam in Java [10. P. 95].

According to the experts, the self-sufficiency of Mataram and Javanese sultanates led to some isolation of their culture and the decline of maritime trade [11. P. 405]. One can assume that such a trait is the forerunner of nationalism idea.

An Islamic Malay model close to Arabia was formed in XV century AD on the island of Sumatra near the future territory of Indonesia (Aceh, Jambi) and Malaysia (Johor). The need for a centralized response to the threats of Europeans and neighboring powers influenced the choice of traditional Islam and focus on the figure of an absolute ruler. In neighboring Java, the supporters of the non-adat model began to be called santri. Sumatran sultanates were open to external interaction and were strong trading powers for a long time. The formation of a vast trading network

was also influenced by the sea peoples of Sulawesi or Bugis-Makassar worldview. For a long time before the Europeans, Makassar ships reached Australia and traded with local Aborigines [12. P. 77]. The Chinese trading network was also crucial for the archipelago since its merchants contributed to the establishment inter-island contacts.

The European world initially brought Christianity in the form of Catholicism and then Protestantism. The efforts taken by Protestants to translate the Bible into local languages have significantly contributed to a greater understanding. The Javanese core of aristocrats in the service of the Dutch retained both the traditions of the past and adherence to Islam as the identity of the anticolonial opposition. The Dutch have also consolidated the feudal foundations of society for the convenience of government. At the same time, many elements of European knowledge were adopted both by the Javanese themselves and by other large ethnicities of the Archipelago, for example, Batak, Sunda, Minangkabau, Makassar, etc. European intellectuals have also played a significant role in the formation of Indonesian identity through the systematization of the local history and culture, linguistic research or cooperation with such famous figures as Raden Saleh or Kartini [13. P. 161]. Needless to say, that this fact does not remove the responsibility from the European countries for the colonial exploitation, however, it must be recognized that these Europeans were people of anti-colonial views and showed respect for local communities.

Ideology and foreign policy transformations

Indonesian independent state was subsequently created in 1945 in Java due to the fact that the political and economic center of the Archipelago has always been located in Java from Majapahit till the end of the Holland rule. Obviously, Javanese views on power as a political and social phenomenon had a significant impact on the psychological portrait of the country's elites and leaders. First president Sukarno also transferred the concepts of communality, harmony, collectivism and syncretism to Pancasila [14. P. 144].

The Pancasila contained the principles of social justice, which were equally understood by Buddhists, Hindus, Muslims, Christians and even Communists. Belief in a single God made it possible not to single out a particular denomination as dominant, which predetermined a balance system towards secular bureaucracy and the army as the main forces of the state. Sukarno has also borrowed liberally from his own concept of Indonesian socialism — Marhaenism [15. P. 51]. Marhaenism was based on the rural community views of the Javanese and the philosophy of Islamic socialists from the anti-colonial movement Sarekat Islam. It is such figures of the movement as Cokroaminoto and Agus Salim who can be called the Sukarno's teachers. They are revered, first of all, as the actual founders of Islamic socialism [16. P. 2173].

Thus, independent Indonesia was born at a time when the identity of the world was already framed in the form of a UN system and nation-states. The Indonesian constitution and ideology preserved the best cultural features of the Archipelago peoples, but the processes of the Cold War rather contributed to the isolation of Indonesia from capitalist and socialist pretensions. The latter somehow appeared in their Indonesian version within the country. The country has made significant efforts to protect the region, via ASEAN creation and the Non-Aligned movement [17. P. 38].

If earlier the structure was supported by the elites and the masses as a lifestyle, at the time it has become the personification of statehood. Suharto, who came to power after the defeat of the communist coup, retained the ideology developed by Sukarno and supplemented it with a number of theoretical and practical provisions. Moreover, democracy of the reformation period also underwent syncretism. Despite significant concessions and liberal laws, the very same configuration of elites has remained unaltered to this day. The Pancasila line was also reflected in Indonesia's foreign policy aspirations. In 1948, the Prime Minister of Indonesia M. Hatta, commenting on the attitude of the young country to the processes of the Cold War, delivered a speech: "Rowing between Two Reefs," in which he indicated that from the moment of gaining independence the country would be guided only by its own interests and would not allow superpower intervention [18. P. 65].

Traditional foreign policy directions

The Hatta Doctrine has since formed the basis of the country's foreign policy called "independent and active" foreign policy. "Independence" was defined as the ability of Indonesia to independently develop its position without external pressure, and "activity" implied attention to any constructive actions taken to establish peace between states. From the period after the ASEAN creation, three foreign policy directions can be distinguished from the structure of the Indonesian worldview and ideological base: the problems of Palestine or the Muslim world (religion identity), ASEAN integration and cooperation (collectivism and communality), peacekeeping or mediation (strive for harmony and peaceful methods). Indonesia as a trading country also pays significant attention to international trade and international ideas such as democracy. Thus, president Susilo Bambang Yudhoyono, in his speech to the Indonesian Council on Foreign Affairs (ICWA) on May 20, 2005 pointed out that Indonesia's experience is a prime example for the whole world, since in the country the principles of Islam coexist with the principles of democracy, and foreign policy remains independent and active [19. P. 21]. A whole book can be written about the influence of these unique features and their brief mention is not detailed enough. In the context of the research topic, one must understand that globalization as an idea of the global identity field should be embodied first in the Indonesian consciousness and only then become part of its foreign policy.

Discussion

Indonesia and the globalization embodiment

According to A.M. Murphy Indonesians always had a tendency to perceive the globalization as an inevitable economic process that Indonesia must survive to preserve national identity [20. P. 230]. That should come as no surprise, since the western type open market and investment attraction are strongly connected with Suharto's "New order" regime. More specifically with the state-regulated partial liberalization without any social or political change. So, globalization is seen rather as a tool to ensure Pancasila national prosperity, but not as a replacement of statehood by Neo-liberal concept. This means that it has taken on an inconvenient form for adaptation by local culture. By the time the Reformation began, Indonesia had a negative image among the Western world due to the conflict in East Timor and the authoritarianism of Suharto.

Thanks to the actions of the first reformation presidents, engineer Bacharuddin Jusuf Habibie and cleric Abdurrahman Wahid, Indonesia succeeded in liberalizing the constitution and ending the Timorese conflict. Moreover, Wahid has always been a staunch defender of religious tolerance, minority rights, and democratic values.

Meanwhile tensions with the West have not added popularity to the globalization. Their successor, Megawati Sukarnoputri, notwithstanding Sukarno-style nationalism and accusations of Western representatives of demonizing her nation, established and strengthened both bilateral and multilateral relations of the country. President Susilo Bambang Yudhoyono's two terms showed that Indonesia is an advocate of cultural values that are indigenous to its culture. Thanks to the efforts of Marti Natalegawa, the Minister of Foreign Affairs, Indonesia managed to become the main participant in the settlement of regional conflicts, Indonesia also proved to be a human rights defender in fact by proposing the creation of a profile body on this topic within the ASEAN framework [21. P. 51]. As already mentioned, Yudhoyono proclaimed the coexistence of democracy and Islam as a single value base of modern Indonesia.

Since 2014, during the first term of Joko Widodo the presidency, Indonesia turned to a concept of the world's maritime axis. Such an idea aimed at enhancing the maritime domination has historically entrenched in the Indonesian foreign policy with the 1957 *Wawasan Nusantara* doctrine. This document was a breakthrough for the republic which approved of the extension of the country's territorial waters to 12 nautical miles and protected this international legal status

Nowadays the issue of the Indonesian sea-status rose particularly acute in light of China's Silk Road and the closed-down US Trans-Pacific Partnership. It is worth noting that in the case of successful implementation of one integration project or another, Indonesia will become dependent on China or the United States and the economic domination of the major powers in the region in any way would harm the economic position of the country. In this regard, it is worth emphasizing

that Joko Widodo has promulgated the Maritime doctrine called «Indonesia — Global Maritime Axis». The key idea of the doctrine is to transform Indonesia into the world maritime power. Global Maritime Axis has international, regional and domestic issues and affects the interests of many sectors of the world politics and economy. Joko Widodo was re-elected in April 2019 on the wake of promises to improve the economy and infrastructure. The debates of Jokowi and Prabowo during the election were filled with discussions about the need to open up to the world for even greater investment or to isolate themselves from the world for conservative self-reinforcement. Now the president has directed all foreign policy to search for partners within the framework of bilateral relations, which again indicates a decrease in the intention to open up to the world. It is worth noting that during his speech at the World Economic Forum on ASEAN in September 2019, Indonesia's President Joko Widodo said he was an Avenger, fighting for free trade. "I and my fellow Avengers stand ready to keep Thanos from wiping out half of the population," he said [22]. This was seen many as the globalization full endorsement by president.

It is also important to touch on the topic of religion, since the strengthening of Islamic parties and the influence of religious groups can be regarded as another reason for the growth of isolationism in connection with the idea of Western identity as Islamophobic. The growing influence of populist parties and their leaders of conservatives will also not create the basis for the development of globalization as a positive idea [23. P. 81].

Conclusion

In conclusion it should be said that the Indonesian culture consists of many historical sociocultural strata forming the matrix of its identity (Javanese values, maritime culture, Hindu-Buddhist and Islam identity, Christianity and European ideas) forming the perception of political processes and general mindset or rules of behavior. The unique case of Indonesia is that its historical values at the core of the nationalist model are very close in content (but not identical) to the values of neoliberal democracy and globalization that today represent the Western world. Every idea throughout history has become part of Indonesian culture. globalization for successful development must also go through such a process and become absolutely "ours" for the Indonesians. So far, this situation is far from ideal since the democratic powers of Western identity often considers local identities as lower class non-liberal concepts.

This leads to misunderstanding and conflict, to isolation of the country from the world. If globalization comes into harmony with Pancasila, and its agents learn to understand the local specifics, then it has every chance of becoming a driving force for Indonesian development. Long before the Europeans, Indonesia and the Malay Archipelago were the center of cultural mixing, open trade and state

entities, and non-state trading actors the size of a full-fledged state. Globalization as cooperation, as mutual understanding, non-conflict, and tolerance are embedded in the nature of the Indonesian identity and self-perception.

References

1. Perraton J. The scope and the implications of globalization. In: Michie J., editor. *The Handbook of Globalisation*. Third Edition. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2019, p. 50–76.
2. Martell L. The Third Wave in Globalization Theory. *International Studies Review*. 2007;(9):173–196.
3. Petras J. World development: Globalization or Imperialism? In Veltmeyer H., editor. *New Perspectives on Globalization and Antiglobalization: Prospects for a New World Order?* Abingdon-on-Thames: Routledge; 2008, p. 35–49.
4. Veltmeyer H. From globalization to antiglobalisation. In Veltmeyer H., editor. *New Perspectives on Globalization and Antiglobalization: Prospects for a New World Order?* Abingdon-on-Thames: Routledge; 2008, p. 187–210.
5. Shiva V. Ecological balance in an Era of globalization. In Lechner F J., Boli J., editors. *The Globalization Reader*. Hoboken: John Wiley & Sons; 2015, p. 567–572.
6. Allan BB., Vucetic S., Hopf T. The Distribution of Identity and the Future of International Order: China's Hegemonic Prospects. *International Organization*. 2018;(72):839–869.
7. Fic VM. From Majapahit and Sukuh to Megawati Sukarnoputri: Continuity and Change in Pluralism of Religion, Culture and Politics of Indonesia from the XV to the XXI Century. New Delhi: Abhinav Publications, 2003.
8. Anderson B R. O'G., Nakamura M., Slamet M. Religion and social ethos in Indonesia. Melbourne: Monash University, 1977.
9. Hooker MB. Indonesian Islam: Social Change through Contemporary Fatawa. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2003.
10. Laffan MF. The makings of Indonesian Islam: Orientalism and the narration of a Sufi past. Princeton: Princeton University Press, 2011.
11. Kraan A. Lombok under the Mataram dynasty. The Last Stand of Asian Autonomies. In Reid A., editor. *Responses to Modernity in the Diverse States of Southeast Asia and Korea, 1750–1900*. London: Palgrave Macmillan; 1997, p. 387–408.
12. Jensen L. Unsettling Australia: Readings in Australian Cultural History. Atlantic Publishers & Dist, 2005.
13. Nieuwenhuys R. Mirror of the Indies: A History of Dutch Colonial Literature. Amherst: University of Massachusetts Press, 1982.
14. Darmaputera E. Pancasila and the search for identity and modernity in Indonesian society: A cultural and ethical analysis. E.J. Leiden: Brill, 1988.
15. Tedjasukmana (Raden) I. The political character of the Indonesian trade union movement. Ithaca&London: Cornell University Press, 1958.
16. Ponka T., Kuklin N., Sibarani DMN. The Historical Influence of the Javanese Ethnicity and Culture on the Political Consciousness and Mentality of Indonesian People. 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). 2019; p. 2171–2175.
17. Anwar DF. Indonesia in ASEAN: Foreign policy and regionalism. New York: St. Martin's Press, 1995.
18. Emmerson DK. Is Indonesia rising? It depends. *Indonesia Rising: The Repositioning of Asia's Third Giant*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012; p. 49–77.
19. Roberts C., Habir A., Sebastian L., editors. *Indonesia's Ascent: Power, Leadership, and the Regional Order*. London: Palgrave Macmillan; 2015.

20. Murphy AM. Indonesia and Globalization. Asian Perspective. Special Issue on Globalization in East Asia. 1999;(4):229–259.
21. Weatherbee D. Indonesia in ASEAN: Vision and Reality. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2013.
22. World Economic Forum. Why Indonesians fight like Avengers for globalization. Available from: <https://www.weforum.org/agenda/2018/12/why-indonesians-fight-like-avengers-for-globalization/> [Accessed: Oct 15, 2019].
23. Nimer M. Islamophobia and Anti-Americanism: measurement dynamics, and consequences. In Esposito JL., Kalin I., editors. *Islamophobia: The Challenge of Pluralism in the 21st Century*. Oxford University Press; 2011, p. 84–95.

Information about the author:

Kuklin Nikita S. — PhD, expert of the ASEAN Centre in MGIMO University, e-mail: ns.kuklin@inno.mgimo.ru. ORCID: 0000-0002-5715-847X

Информация об авторе:

Куклин Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, эксперт Центра АСЕАН при МГИМО МИД России, e-mail: ns.kuklin@inno.mgimo.ru. ORCID: 0000-0002-5715-847X

СОВРЕМЕННЫЙ МИР MODERN WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-137-157

EDN: ZZQHVG

Research article / Научная статья

A Critical Analysis on the Impediments of Regional Integration in Central Asia

E.H. Ateed , M.S. Özel Özcan

Kırıkkale University, Turkey,
Ankara Road 7.Km 71450 Yahşihan/ KIRIKKALE

 mervesuna@yahoo.com

Abstract. Central Asia emerged as an internationally important region after the five republics gained their independence from the USSR in 1991. The new regional identities that gained independence in Central Asia soon had the potential to motivate the regional integration process in this region. Until recently, the region's independent identity was often blurred by Eurasia, as it was not unanimously recognized as a separate geopolitical region. At present, nearly three decades after independence, these countries yet could not break the spell of traditional interstate interaction. Central Asia is the only region in the world that lags behind other regions in terms of indigenous regional integration. The purpose of this article is primarily to emphasize that Central Asia is an influential regional entity with an independent identity. Second, it focuses on the factors behind the regional integration process or situation and the absence of an indigenous regional institution. It is argued that regional distinctive features and influence of interregional actors have frozen the regional integration process in Central Asia.

Keywords: Central Asia, Regional Integration, Regionalism, Organization, Relations, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan

Article history: Received: 17.09.2022. Accepted: 09.02.2023.

For citation: Ateed E.H., Özel Özcan M.S. Critical Analysis on the Impediments of Regional Integration in Central Asia. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(2):137–157. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-137-157>

© Ateed E.H., Özel Özcan M.S., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Препятствия к осуществлению региональной интеграции в Центральной Азии: критический анализ

И.Х. Атид, , М.С. Озель Озджан

Университет Кырыкалле, Турция,
Ankara Road 7.Km Кырыкалле, Турция 71450

 mervesuna@yahoo.com

Аннотация. Важность региона Центральная Азия существенно возросла после того, как пять республик обрели независимость в процессе распада СССР в 1991 году. Вскоре у этих постсоветских стран появилась возможность стимулировать процесс региональной интеграции. До недавнего времени восприятие Центральной Азии как независимого образования зачастую оставалось расплывчатым вследствие влияния континента Евразия. Она не была однозначно признана как отдельный геополитический регион. В настоящее время, спустя почти три десятилетия после обретения независимости, эти страны все еще не сумели отказаться от традиционного межгосударственного взаимодействия. Центральная Азия — единственный регион в мире, который отстает от других в процессе осуществления внутренней региональной интеграции. Цель статьи — продемонстрировать, что Центральная Азия является влиятельным региональным образованием с собственной идентичностью. Помимо этого, в работе уделено особое внимание факторам, лежащим в основе процесса региональной интеграции, а также причинам отсутствия соответствующих местных организаций и объединений. Авторы считают, что данный процесс был заморожен вследствие особенностей региона и влияния межрегиональных акторов.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональная интеграция, регионализм, организация, взаимоотношения, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан

История статьи: Поступила в редакцию: 17.09.2022. Принята к публикации: 09.02.2023.

Для цитирования: *Ateed E.H., Özel Özcan M.S. A Critical Analysis on the Impediments of Regional Integration in Central Asia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 137–157. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-137-157>*

Introduction

Since the 1980s, various efforts have been made in the world towards regional integration. At present, the absolute majority of neighboring countries in the different regions have established joint institutions for cooperation. However, Central Asia is one of the handful regions that is lagging behind. It is a vast region stretching from eastern mountainous regions of Tajikistan to the Caspian Sea to the west. It has a total area of 4,003,451 km² and 10,035,185 dwellers [1]. The five countries of the region are divided into two parts in terms

of natural resources. Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan are rich in oil and gas resources. Tajikistan and Kyrgyzstan are hubs of water resources and minerals like precious jewels. Central Asia appeared as a political region after the Russian Empire established Governor-Generalship of Turkestan. Prior to this administrative establishment, there was no common political identity in the region and the people were divided among three different Khanates. It was Soviets who worked to give a common comprehensive regional identity to the people of this region [2]. The policy of Soviet was aimed at the intra-regional economic integration in Central Asia. According to constructivists, the post-Tsarist attempt to give a common identity to the region resulted in the disintegration of the former Russian regionalism. Central Asia is regarded to be a “natural region” due to the historical commonalities between the people of the region in terms of ethnicity, culture, language, religion etc. During USSR era, the five republics embarked upon multiple attempts to make institutional arrangements for regional cooperation but they failed to realize their initiatives. The nature of inter-state relations and the influence of foreign actors were the major barriers to this process.

The immediate effect of independence of five republics of Central Asia was a new political identity of the region. Subsequently, the region emerged as a significant geopolitical arena (as it was underpinned by western authors) attracted the attention of regional and global powers who intended to establish their own version of regional arrangements. The newly emerged states of the region attempted to overcome their internal challenges and begin cooperation within a regional framework. However, these attempts have not resulted in any fruitful outcome. The region which shares various commonalities (culture, social structure, history etc.) has failed to organize regional integration. Central Asian Union (CAU) was the only regional organization, exclusively established by the Central Asian states in 1994. Tajikistan joined it as an observer in 1996 while Turkmenistan did not join due to its neutral foreign policy. The short lived CAU was ultimately dissolved in 2004 [3].

The aim of this study is to examine the power centers in the Central Asian geography after the Cold War period. In other words, it will be examined the extent to which Central Asia has progressed and developed in the post-Soviet period. The theoretical framework of the study focuses on regionalism and regional integration in order to understand regional development and integration. Therefore, this study focuses on the question why a dynamic regional integration has not been institutionalized in Central Asia despite having common background, huge economic potential and significant geostrategic location as well as passing through 1/3 of a century after independence? The nature and level of political, economic and social relations, imbalance of power, nature of communication, the structure of relations as well as roles of foreign actors are the factors decelerating regional integration in Central Asia.

Conceptual and Theoretical Framework

In International relations there are many approaches to a study of regionalism and regional integration. According to Ernst Haas, integration is a “process whereby political actors in several distinct national settings are persuaded to shift their loyalties, expectations and political activities towards a new larger center whose institutions possess or demand jurisdiction over preexisting nation-states” [4]. In his next work, E. Hass redefined integration as a process whereby an objective and determinate international system transforms to an indeterminate system in the future [5]. According to Amitai Etzioni, integration is a process whereby political units increase or strengthen the bonds among themselves. For him an integrated community (organization) has an effective control over the use of means of violence, central decision-making unit who has the obligation to allocate resources and rewards throughout a community [6]. Leon Lindberg defines it as the development of devices and processes for making collective decisions by means which are different from autonomous actions by national governments [7]. Hence, integration is a process whereby nations give up their independent direction of foreign and domestic policies and instead of it attempt to make common decisions or give the decision-making task to a new central institution. Thus, integration is a process through which states associate with each other to achieve a consensus situation. Despite the question whether integration is a process or a situation, it is commonly agreed that integration requires states to waive some of their national sovereignty in favor of a transnational institution. Therefore, integration can be defined as a process and situation whereby states as the main actors of international system submit to a transnational institution by giving up some of their sovereignty.

The mainstream theories of International relations hold different positions regarding regional integration. Even though realism acknowledges cooperation between states but when it comes to the concept of integration, it does not find suitable place in this scientific school. Looking at regionalism in terms of power-based approaches, it is seen that they make a state-centered evaluation. With a focus on studies based on power, realism examines regionalism within the framework of regional dominance. Rationalists argue that actors handle with similar decisions against external problems. Power-based approaches explain regionalism in the context of international and regional power distribution [8]. Perhaps, cooperation differs from integration as the former is a mere cooperation without waiving the sovereignty while the later requires a “high compromise” [9].

It is liberalism school of International relations that conceptualizes integration. Some researchers such as David Mitrany, Karl Duetsch and Joseph Nye, Louis Cantori and Steven Spiegel are the proponents of the concept of integration. While Mitrany and Duetsch’s functionalism theory is more eurocentric the Nye and Hass’s neo-functionalism can be applied to non-European situations [10]. Apart from the power-oriented realist approach, a society-centered approach also draws attention. Here regionalism, economic and social interests are brought to the forefront

[8. P. 122–123]. In the context of this paper (which examines the reasons behind failure of Central Asian countries in the development of regional integration and promotion of regionalism) the neo-functionalism theory of Joseph Nye and Cantori and Spiegel Model is applied. Ernst Hass (neo-functionalism) regards integration as a political process and argues if the leaders believe that integration does not fulfill their interests they will abandon it. According to neo-functionalism, four independent variables are required for materialization of integration: economic symmetry and equality, intercomplementary values of elites, pluralism and integration abilities of states [11].

In addition to the above-mentioned four factors, the Cantori and Spiegel Model form the basis of this paper. That theory studies factors of divergence from regional and trans-regional perspectives. The trans-regional factor relates the presence of international actors with different intentions and motives while the regional factors are focused on four dimensions that are also the foremost causes of divergence in Central Asia. These factors are analyzed by nature and level of cohesion, structure of communication, relations and level of power [12].

Nature and Level of Cohesion

First of all, the effects of nature and level of cohesion have to be analyzed. Although the countries of the region have historical ties, the changes experienced in the Soviet period should not be left aside. In this respect nature and level of cohesion includes social, political and economic factors. Despite having common background and sharing cultural commonalities, the countries of Central Asia are divergent along several social directions. The main reason behind this divergence is the artificial social values injected by Russian Empire followed by Soviet Union. Social convergence is a decisive factor in regional integration. The indicators of social cohesion are language, religion and ethnicity. The language of Central Asian countries is traditionally dominated by Russian as during the Soviets times the Cyrillic alphabet was introduced to this region. Despite the fact that these countries use Cyrillic alphabet and priority is given to the Russian language, the indigenous languages of these countries remain different. By the end of the Soviet rule over Central Asian countries, each country started to promote its own national linguistic identity [13]. For multilingual identity of Central Asia, it is sufficient to list each republic by dominancy of linguistic population residing in that particular country. Following independence, the national languages of each country was incorporated into a Constitution and a process of de-Russification started [14]. Except Kyrgyzstan (that declared Russian and Kyrgyz language as two official languages of the state in 2000) other countries allowed usage of Russian only in inter-ethnic communications [15].

Multilingual profile of the countries of Central Asia played an obstacle role in the process of integration. According to Joseph Nye, in the process of integration

states are required to give up some of their values. It seems if a regional arrangement is supposedly established in Central Asia, the countries will not be ready to accept other country's language as an official dominant language.

Religion is another indicator of social cohesion. In Central Asia, however, this factor could not play a constructive role in regional integration. It is estimated that Islam is the dominant religion in Central Asia with 81 % of adepts [16]. Turkmenistan has the largest volume of Muslim population (93 %), while in Kazakhstan 70.2 % of the total population practice Islam [17]. The bitter Russian hegemony over this region suppressed religion in order not to play a unifying role among these countries. The legacy of Soviets in the region has been systematic suppression of Islam [18]. This process was triggered after the call of global war on terror and the emergence of threat of extremism from the southern border of Central Asia. Tajikistan's Civil War was inspired by Islamic ideology and the consequent repression of Islamic movements in these countries prevented this factor to contribute to the regional integration. Tajikistan is the leading country in terms of religious suppression which is followed by Uzbekistan. For example, in 2015 Tajikistan banned the Islamic Renaissance Party of Tajikistan (IRPT) which was the sole political opposition in this country. Recently, in late December 2021, it was reported that Uzbekistan police forced Muslim men to shave beards [19].

The ethnic indicator of social cohesion in Central Asia is more complexed. Just like distinction on the linguistic part, Central Asian countries are also ethnically divergent. All countries of Central Asia host multiple minority groups in their territory who hold substantive ethnic loyalty to their original mainland. This ethnic fragmentation roots back to I. Stalin's policy of *Dekulakization* in the 1930s. In this process, hundreds of Kulaks who belonged to the different ethnic groups were either massacred or forcefully resettled [20]. For example, Kazakhstan which nominally represents Kazakh ethnic group has only 68 % of Kazakh population followed by Russians (19.3 %), Uzbeks (3.2 %), Ukrainians (1.5 %) [21]. In addition, the independence occurred along the Soviet demarcated boundaries resulting in a complex ethnic conflict. Fergana Valley designed by I. Stalin is home to ethnic minorities of Tajikistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan. There are seven exclaves in this region. Tajikistan has two exclaves in Uzbekistan and Kyrgyzstan as well as Uzbekistan has four exclaves in Kyrgyzstan followed by a Kyrgyz exclave in Uzbekistan. This differential geographic demarcation of boundaries without consideration of ethnic settlements resulted in a long-lasting ethnic conflict between these three countries [22].

For example, Sokh is geographically located within the territory of Kyrgyzstan but the population is Tajik whereas it is politically controlled by Uzbekistan. This character of Fergana Valley has made it to experience ethnic conflict alongside the trihedral border. The same is the case with Samarkand and Bukhara cities of Uzbekistan which are warily claimed by Tajikistan. Tajik ethnic minority in these two cities is more than the total population of mainland Tajikistan and constitutes

30 % of Uzbekistan's population [23]. Prior to improving the relations between the two countries after 2016, E. Rahmon (President of Tajikistan) has often spoken about Uzbekistan's treatment of Tajik minorities. In 2009, he even claimed that Tajiks would someday recapture Samarkand and Bukhara [24].

The second reason that hinders the process of regional integration in Central Asia is related to the political factors. This point is analyzed both in terms of domestic political system as well as foreign policy orientations. All countries of Central Asia except Kyrgyzstan (that started to move towards democracy after the Tulip Revolution in 2005) practice authoritarian rule. Martha Brill Olcott argues that the local leaders perceive regionalism and regional integration as a threat to their power and authority. National security is replaced by regime security and the policies are aimed at survival of the leadership [25]. As E. Haas and J. Nye point out that submitting some extent of sovereignty to a transnational actor is pre-requisite for regional integration. This process does not serve the personal interests of the leaders of Central Asian countries. Their political system fall in the category of "illiberal democracies" [26]. Though, election is held in all countries of Central Asia and some democratic rights are given to political parties but this practice lacks liberal elements In the Constitution of all these countries separation of power, parliament, presidential term and other democratic mechanisms are stipulated but they are not practically enforced.

For example, according to the constitution of Uzbekistan, president can run for two terms of five years each, but Islam Karimov held the presidency of the country from 1991 to his death in 2016 establishing a lifetime presidency practice in the country. In Tajikistan the situation is worse than Uzbekistan. Emomali Rahmon has banned all opposition political parties and holds the power since independence. Dynasticism prevails in Tajikistan as its lifetime leader appointed his son as Speaker of Parliament and his daughter as ambassador to the United Kingdom. In the Constitution amendment of 2016, Emomali Rahmon minimized the age criterion of running for presidential election to 30 years age, paving the way to his son's nomination [27].

There are similar situations in Kazakhstan and Turkmenistan. On the one hand, the recent move of the Turkmenian President Kurbanguly Berdymukhamedov to hold early election on 12th March 2022 and to voluntarily step down from office is an indication of breaking the political tradition in Central Asia. On the other hand, nomination of his son Serdar Berdymukhamedov in this election with the aim to replace his father consolidates dynasticism in the country. As a result of this, he was declared the winner of the presidential election by obtaining about 73 % of the votes [28]. In 2005, a revolution towards democracy was triggered in Kyrgyzstan and Uzbekistan but due to Russian quick intervention this process failed and did not spread to other countries of the region. The 2nd January 2022 massive protests in Kazakhstan and the regime's crackdown also clearly indicate how authoritarian regimes of Central Asia are sensitive to any democratic uprising.

Therefore, at domestic level lack of liberal democratic political system, suppression of political parties, discouraging civil society and media censorship have undermined any potential for regional integration. The leaders of these countries have failed to balance between national security and regime security.

Foreign policy orientation of these countries also differs at great level. The countries of Central Asia hold contradictory approach in their foreign relations. Since independence, Turkmenistan has followed policy of neutrality which hinders it to join any regional arrangement. In the regional organizations established by the trans-regional powers, Turkmenistan is the only country that withhold to join. Tajikistan with its devastated background of civil war and fragile economy is dependent on Russia. Kazakhstan is also a strategic ally of Russia due to 19.3 % [21] of Russian population living in this country, geographical proximity, tendency of Kazakh political elites and economic-military dependency. Kyrgyzstan again differs in its foreign policy orientation. After the Tulip Revolution, it approached the West and provided Manas Airbase to the US forces. In the context of foreign policy, Uzbekistan has a challenging position. In the late 1990s, it suspended its membership in CIS (Commonwealth of Independent States) and entered GUAM (Georgia–Ukraine–Azerbaijan–Moldova, acting as an Organization for Democracy and Economic Development) under auspices of the West and provided military base to the US. The Andijan protests of 2005 again shifted the foreign policy direction of Uzbekistan by suspending its membership in GUAM and reorientation to Moscow [29]. It also closed the US military base in Khanabad. However, in the light of the recent developments in Afghanistan it attempts to balance its relations with both the US and Russia. Currently, all countries of Central Asia except Tajikistan hold common view regarding Taliban regime in Afghanistan. Given this divergence in the foreign policy orientations of Central Asian countries, it can be easily observed that different foreign policy orientations affect establishment of a common regional organization.

According to E. Hass's neo-functionalism theory of integration, existence of a common need among countries of a particular region encourages them to cooperate on the selected sector which subsequently bears a spillover effect on other sectors. Economy (as the most important factor of regional integration) has not played a constructive role in Central Asia. In this context, there are few economic variables that affected regional integration. However, Cantori and Spiegel Model explains how economic powers of states, pattern of foreign trade, and nature of economic relations affect regional integration in a particular region.

Even distribution of resources can contribute to the establishment and consolidation of regional integration but uneven distribution of resources can result in economic disparity between states. Central Asian countries greatly differ from each other in terms of economic power. For example, Tajikistan and Kyrgyzstan lack oil and gas as two core energy resources in Central Asia while Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan are hubs of so-called black gold. Despite Tajikistan

and Kyrgyzstan possess rich hydropower resources, contribution of these resources to the national economies of these countries is not comparable to oil and gas of the above-mentioned three countries. Tajikistan is the most disadvantageous country in this region in terms of economic resources [30]. 92.9 % of its land is occupied by mountains and only the remaining 6.1 % is ripe for cultivation. Perhaps, one can argue that hydropower could be alternative to oil and gas as energy resources, but due to the unfavorable weather during the almost six months of the year, Tajikistan faces shortage of hydropower and cannot fulfill its energy needs [31]. On the contrary, all three oil rich countries enjoy their energy resources without any interruption while majority of their agricultural needs is also domestically supplied. Given the most important indicators, economic disparity of Central Asian countries is illustrated in the following table.

Table 1

**Comparative Data on the Economic Indicators
of Central Asian Countries (2021)**

Country/ Indicator	GDP	GDP (per capita)	Unemployment Rate	Exports	Imports	FDI
Kazakhstan	\$169.84 b	\$9,056	6.05 %	\$66.20b	\$51.63b	\$3.32b
Uzbekistan	\$57.71b	\$1,686	5.97 %	\$15.18b	\$21.20b	\$2.32b
Turkmenistan	\$45.23b	\$7,612	4.38 %	\$9.24b	\$5.09b	\$2.17b
Tajikistan	\$8.19b	\$859	7.50 %	\$1.40b	\$3.13b	\$0.21b
Kyrgyzstan	\$7.74 b	\$1,174	7.89 %	\$2.42b	\$4.00b	\$0.28

Source: Macrotrends. Global Comparative Data — Topics Overview | MacroTrends. Macrotrends.net. Accessed September 5, 2022. <https://www.macrotrends.net/countries/topic-overview>

One of the most important pre-requisite of regional integration is that the states should have complementary economy. In other words, the level of economic interdependence should be sufficient enough that could tie their needs for cooperation between each other. The pattern of economic relations should also be intra-regional rather than trans-regional. The economy of Central Asian countries is neither complementary nor intra-regional. These states are economically more dependent on trans-regional countries. The pattern of foreign trade represents fewer figures among the countries of Central Asia. Majority of exports and imports of these countries are done conducted beyond the boundaries of the region. The most important exports of Central Asia are oil, gas and minerals while these countries import machinery and industrial equipment. The industry sector of none of these countries is a competing market for local oil and gas in Central Asia. In other words, the economic needs of Central Asian countries are not fulfilled inside the region; instead they import their needs from trans-regional countries. The following table demonstrates the major export and import partners of Central Asian states.

Table 2

Major Export and Import Partners of Central Asia (2015–2019)

Kazakhstan		Uzbekistan		Turkmenistan		Tajikistan		Kyrgyzstan	
Exports	Imports	Exports	Imports	Exports	Imports	Exports	Imports	Exports	Imports
Italy	Russia	Unspecified	China	Russia	Russia	Russia	Uzbekistan	UK	China
China	China	Russia	Russia	Italy	Turkey	Netherlands	Russia	Kazakhstan	Russia
Russia	S. Korea	China	S. Korea	Iran	Ukraine	Uzbekistan	Ukraine	Russia	Kazakhstan
Netherlands	Italy	Kazakhstan	Kazakhstan	Turkey	UAE	Switzerland	Kazakhstan	Uzbekistan	Turkey
France	Germany	Turkey	Turkey	Ukraine	Japan	Italy	Azerbaijan	Turkey	Uzbekistan

Source: World Bank. World Integrated Trade Solution (WITS). World Integrated Trade Solution (WITS) | Data on Export, Import, Tariff, NTM. Accessed September 10, 2022. <https://wits.worldbank.org/Default.aspx>

As shown, no regional country is among the top five trade partners of Kazakhstan and Turkmenistan. Kazakhstan is the fourth export and import partner of Uzbekistan while the same export position is replaced by Switzerland in trade with Tajikistan. However, Kazakhstan holds its position as fourth importing partner of Tajikistan. Only Kyrgyzstan has a favorable situation in intra-regional trade. Regionally, Kazakhstan is the second largest exporting and third importing partner. Uzbekistan ranks fifth as importing partner of Kyrgyzstan.

Therefore, these indicators well illustrate that economic cooperation in Central Asia is below average and the similar economic needs of these countries make them to supply their needs from international markets and deem the regional integration unnecessary.

Nature of Communication

It is argued that the more communication between leaders of states in a given region, the more common trust develops. This variable is essential but an insufficient factor for regional integration [32]. Diplomatic meetings, construction of transportation routes, human contacts etc. can be mentioned as the most common indicators of inter-state communication. In the context of Central Asia, the level of communication between leaders is below average. For example, since 2000 Islam Karimov (the President of Uzbekistan) never visited its neighboring Tajikistan. It was not until Shavkat Mirziyoyev broke the existing situation and restarted bilateral visits in 2016 [33]. Since independence the official high diplomatic visits have been taking place in the sideline of multilateral gatherings under the auspices of a trans-regional state. Only after 2018 the countries of Central Asia started to have multilateral visits without any role of trans-regional catalysts.

The uneven construction of road and rail connectivity in the region designed by the Soviets also brought about disadvantages to these countries. Road and rail infrastructures were designed to connect three energy-rich countries to Moscow. The road and rail connectivity in the countries like Tajikistan and Kyrgyzstan that

lacked substantial energy resources remained limited to transfer of cotton to other regional countries. The mountainous terrain in Tajikistan and Kyrgyzstan has been another major barrier to rail and road connectivity. Kyrgyzstan's connectivity infrastructures were constructed along its northern border with Russia paying less attention to its southern Central Asian neighbors [34].

Structure of Relations

This parameter indicates the nature of relations between countries of a region in terms of cooperation or a conflict. In Central Asia the nature of relations between countries has been fluctuating between difference, tension and dispute spectrums. There are many factors that potentially trigger a dispute between these countries. Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan have turned out unfriendly relations over water resources. The water crisis in Central Asia is becoming a decisive factor for the future of relations between these countries. The uneven distribution of water resources due to Soviet's water policy and lack of water agreement among all five countries are the main potential factors for political divergence. Soviet's legacy of the diverted flow of Syrdarya and Amudarya to the Fergana Valley (which was the major producer of cotton of the time) led to draining of Aral Sea in Kazakhstan and Uzbekistan. Though, the new leadership of Uzbekistan started to demonstrate amiability to upper-stream Tajikistan by waiving its resistance against construction of Rogun Dam but the developing water crisis scenario potentially fosters dispute between two countries. Tajikistan holds 75 % of Amudarya headwater that goes downward to Uzbekistan. Since Tajikistan's share from geo-politics is headwaters, it continues to build water dams on its rivers most notably on Vakhsh and Panj rivers [35].

The tense relations between Tajikistan and Kyrgyzstan arise from ethnic tension in the exclave of Tajikistan inside Kyrgyzstan. The differences that exist here have their origin in the village of Vorukh (an outer region of Tajikistan on the territory of Kyrgyzstan) where live the majority of Tajiks. About 32,000 Tajiks reside in this region as well as there is a fertile area of 130 square kilometers. Legally, Vorukh is part of Tajikistan. However, this area remained a residential area within a distance of about 20 kilometers in Kyrgyzstan as a result of the borders being redrawn in the past. For this reason, the region is still disputed between the two countries and military conflicts periodically strain their relations [36]. The most recent frontier clash between the two countries happened on September 16, 2022 resulted in 24 killed Kyrgyz [37]. This incident happened just when the leaders of these countries were gathered at the summit of the Shanghai Cooperation Organization in Tashkent. Previously, the three days military confrontation between the two countries occurred between 28 April and 1 May 2021 whereby 55 people were killed and 40,000 were displaced [38].

One of the major factors that hinder regional integration in Central Asia is the hegemonic contest of the two relatively dominant powers of the region.

Uzbekistan and Kazakhstan develop a “cold competition” over the hegemony in the region [39]. Kazakhstan is the largest country in Central Asia in terms of territory while Uzbekistan is the largest country by population. It has a central location in the region with the advantage of having common border with all Central Asian countries. The dominance of Kazakhstan in Central Asia is on the whole unquestionable but not unchallengeable. Under Islam Karimov, Uzbekistan’s hegemonic challenge to Kazakhstan was explicit but since the rise of Mirziyoyev to power, Tashkent pursuing the same goal adopted the smarter method. The idea of annual leadership summit of Central Asian countries was proposed by Shavkat Mirziyoyev of Uzbekistan which was realized since 2018.

Level of Power

The last regional factor holding the barriers of regional integration in Central Asia is the imbalance of power between these states. All countries of Central Asia are different in terms of physical indicators of power. In this context, this level can be measured by the national economy and military. As discussed earlier, five countries of Central Asia suffer from huge differences when it comes to economic power. Kazakhstan being the largest economy of the region is capable to compete in the international markets while Kyrgyzstan and Tajikistan still depend on the foreign international aids mainly on Russia.

The next indicator of national power is military capabilities. There again, Uzbekistan with \$15 billion military budget is the region’s biggest military power followed by Kazakhstan with \$4 billion. The smallest military in terms of budget is Kyrgyzstan with \$20 million military budget and only 1100 military forces. Regional integration which is appeared by institutional organization requires active and equal participation of states. The imbalance of power in Central Asia caused to the lack of this criterion in the regional integration.

Table 3

Main Indicators of Military Power in Central Asia

Country/ Indicator	Military Budget	Active Personnel	Available Manpower	Rank in the World
Uzbekistan	\$15 b	50,000	15,894,014	51
Kazakhstan	\$4,00 b	135,000	8,591,377	61
Turkmenistan	\$800 m	22,000	2,666,600	86
Kyrgyzstan	\$20 m	11,000	3,042,097	93
Tajikistan	\$79 m	9,000	4,081,888	99

Source: Global Firepower. 2022 Military Strength Ranking. World Military Strength. Accessed August 30, 2022. <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>

This huge disparity between Central Asian countries creates a core-periphery political environment in Central Asia. Smaller countries fearing exploitation by powerful countries did not show interest in regional arrangements. According to Robert Keohane, however, existence of a hegemon in a region can contribute to the creation and consolidation of regional integration providing that this hegemon should intend to go for integration and secondly its hegemony should be accepted by others [40]. In Central Asia this assumption is not relevant. First, Uzbekistan acts as a counter-hegemon against Kazakhstan and secondly due to the emerging nationalism the hegemonic domination of none of these countries is favored by other countries.

Trans-regional Factors

Central Asia has been an arena of competition between the different alien powers since the second half of 19th century. The Russian Empire and Great Britain were the two main rival actors on the political, military and geopolitical fronts. The Bolshevik (October) Revolution of 1917 ended the existing colonial Great Game, but it did not stave off the upcoming episode of great power's competition in the region. Soon after disintegration of the USSR and independence of the Central Asian republics the new trans-regional actors entered the region. Great powers such as the USA, Russia and China started to influence the region with their own version of regionalism. This trend, however, is not driven by cooperation but competition. In the absence of an indigenous regional integration in Central Asia, the ground became ripe for trans-regional actors to exploit the opportunity and lead collective regional arrangements.

Russian-led Regional Arrangements in Central Asia

In the 1990s, Russia as successor of the USSR abandoned its traditional orbit of influence in Central Asia due to internal economic challenges and the Atlanticist views of Boris Yeltsin. This trend encouraged other global and regional actors to fill the vacuum of great power's influence in the region [41]. It was not until Vladimir Putin's rise to power in Moscow made Central Asia to be reconsidered as an important geopolitical periphery for both security and economy of Russia. The Eurasianism approach of Russia during V. Putin's era resulted in return of the Russian influence to Central Asia. Russian concern about Central Asia rises from political considerations, national security, drug trafficking and energy security [42].

In 1992 Russia established Commonwealth of Independent States with the inclusion of all five countries except Turkmenistan. This organization, however, does not denote the essence of regional integration with respect to Central Asia thanks to membership of Azerbaijan, Armenia, Moldova and Belarus. The next Russian led regional arrangement in Central Asia is Collective Security Treaty

Organization (CSTO) which was established on 14 February 1992. The organization which was solely aimed at military and security issues prohibits its members from engaging in any military activities with foreign countries. According to Article 7 of the charter, no member of CSTO is permitted to host any foreign military base in its territory without consent of other member states [43]. Indeed, Russia which shares 50 % of the total budget of CSTO enjoys more influence when it comes to decision-making [44]. In addition, all Central Asian countries are not members of this organization. Turkmenistan due to its neutral foreign policy never joined the organization and Uzbekistan with its fluctuated regime-centric foreign policy suspended its membership twice. Tashkent withdrew from organization in 1999 after the perception of conflict of interests between Uzbekistan and Russia. It rejoined the organization in 2006 after the Andijan Crisis of 2005. This partnership again was unilaterally suspended by Uzbekistan in 2012 when it again approached the US bloc after mistrust developed between Tashkent and Moscow.

Eurasian Economic Union (EEU) is the third Russian-dominated regional arrangement which was officially established on 1st January 2015. In the context of Central Asian regional integration, this organization also cannot be considered as a full-fledged regional arrangement due to the certain reasons. Russia’s approach in this organization is to integrate the industrial Central Asian and Eurasian countries. Turkmenistan and Tajikistan are not members of this organization and Uzbekistan holds the status of an observer. Armenia and Belarus as two trans-regional members alter the essence of Central Asian indigenous regionalism while Cuba and Moldova take part as observer states [45]. It means that the status of Uzbekistan as a regional country in Central Asia is equal to a trans-continental (alien) country i.e. Cuba.

Table 4

Russian-led Trans-regional Institutional Structures

Organization/ Platform	CIS	CSTO	EAEU	SCO	5+1
Members/ Observers	Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan Belarus, Azerbaijan, Armenia, Moldova	Russia Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan (Uzbekistan 2006–2012) Belarus, Armenia	Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Belarus, Armenia, (Observer Status) Uzbekistan, Moldova	Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, China India, Pakistan	Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan Tajikistan
Non-members	Turkmenistan	Turkmenistan	Turkmenistan and Tajikistan	Turkmenistan	

Source: Wilson JL. Russia and China in Central Asia: Deepening Tensions in the Relationship. *Acta Via Serica*. 2021;6(1):55–90. <https://doi.org/10.22679/avs.2021.6.1.003>

As illustrated, the only regional arrangement in which all countries of Central Asia take part is “Russia + 5” Format meetings launched in 2019. This initiative, however, firstly started by Japan in 2004 followed by other great powers, lacks organizational structure and is limited to multilateral summits of the foreign ministers. Shanghai Cooperation Organization (SCO) is another foreign-driven regional arrangement in Central Asia that functions as a medium of influence for both Russia and China [46].

Despite the fact that CIS, CSTO, EEU, SCO and “Russia + 5” Format function as regional arrangements in Central Asia, but due to the dominance of Russia as a trans-regional power and legislative restrictions stemming from membership in these organizations, it appears that the Central Asian countries less likely to go for the indigenous regional integration in the near future.

Chinese-led Regional Arrangements in Central Asia

Since 2001, China started to pay the significant attention on Central Asia thanks to its dire need for raw materials and energy as well as its concern over military security. The establishment of Shanghai Cooperation Organization with the initiative of China in 2001 highlights the intense interest of China in the region. Turkmenistan again left a gap in this arrangement by not joining the organization. Shanghai Cooperation Organization (SCO), however, was China’s initiative but due to the Russian traditional hegemony in the region, the inevitable conflict of interest between China and Russia eventually would influence foreign policy orientations of Central Asian countries. Membership of Central Asian countries in this organization contradicts the spirit of regional integration for Central Asian member states of CSTO. For example, Tajikistan is traditionally dependent on Russian military support, but its membership in SCO makes it to favor China as well.

Belt and Road Initiative (BRI) is the second Chinese-led regional approach in Central Asia which was launched in 2013. Though BRI lacks institutional structure but this deficiency is covered by SCO. All countries of Central Asia except Turkmenistan have written Memorandum of understanding (MoU) with China. Even though BRI has the potential to act as a catalyst of regional interdependence between Central Asian countries, but the Chinese concentration on oil-rich countries is a disadvantage for countries like Tajikistan. Thus, China plays the role of splitter among Central Asian countries and unintentionally increases the already existing power disparity in the region. China’s economic ambition in Central Asia turns off the efforts of regional integration on the grounds that two first stages of regionalism [47] can only be operationalized when domestic products are exported. Under BRI, the influx of cheap Chinese goods to Central Asia would replace domestic goods resulting in decrease of the intra-regional trade [48].

China also grasped Central Asian countries by its Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) established in 2016. Weak economies of Central Asia like Tajikistan and Kyrgyzstan are increasingly depending on the Chinese loan. In 2020, 52 % of the total foreign debts of Tajikistan came from AIIB followed by Kyrgyzstan with 45 % [46. P. 62]. This dependency on Chinese-led bank further complicates the process of indigenous regional integration as each country's economic tendency diverts from intra-regional countries to trans-regional economies.

Table 5

Chinese-led Regional and Trans-regional Institutions and Platforms

Organization/Platform	SCO	BRI	5+1
Members/Observers	China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, China India, Pakistan	China, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan	China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan Tajikistan
Non-members	Turkmenistan	Turkmenistan	

Source: Wilson JL. Russia and China in Central Asia: Deepening Tensions in the Relationship. *Acta Via Serica*. 2021;6(1):55–90. <https://doi.org/10.22679/avs.2021.6.1.003>. P. 60

In addition to SCO, BRI and AIIB, China also influences the region by its “China + 5” Format meeting. This initiative which was launched in 2020 aimed at increasing the Chinese major impact in Central Asia. Like “Russia + 5” Format, in “China + 5” Format also participate all countries of Central Asia. This initiative also has an adverse impact on the intra-regional integration. It is argued that under this framework, China is intended to convince Central Asian countries to fight any ethnic-religious sympathy with the culturally and linguistically close neighbors across the border. This will consequently further increase the ethnic rift between Central Asian countries [47].

US-led Regional Arrangements in Central Asia

Despite the United States has been the major proponent of regionalism across the globe, due to political dynamics of Central Asia it was not able to establish any institutional arrangement in the region. The first foothold of the US in Central Asia dates back to 1989 when its Chevron Company invested in the petroleum industry of Kazakhstan [48]. But the landmark of US engagements in Central Asia is more clearly observed in the 2000s after the US activities in the region were

shaped by the bilateral agreements. Since 2011, the US relations with Central Asian countries have become more organized by introduction of the US “New Silk Route (North-South)” and “1+5 Joint Project”.

Central Asia as a region was highlighted in Washington after Hillary Clinton’s official visit to Central Asia and South Asia in 2011. In the context of regional integration, the most prominent outcome of the visit was the introduction of “New Silk Road Initiative”. Unlike Russian and Chinese patterns of regionalism in Central Asia, the United States focused on the three passive countries of the region. Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan, which were less involved in the Russian and Chinese-led regional arrangements are centurms of the US-led initiatives. This situation is best represented by the two notable connectivity projects initiated and partially funded by the US. The first project known as CASA-1000 transfers hydropower from Kyrgyzstan and Tajikistan through Afghanistan to Pakistan. The second is a gas pipeline project between Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India [49]. Even though, this initiative was aimed at inter-regional integration between Central Asia and South Asia through Afghanistan, but its impact on the Central Asian indigenous regional integration is inevitable.

The “C5+1” was launched in 2015 as the US main dialogue platform with Central Asian states. It is a ministerial level summit that is held annually between the foreign ministers of five republics and United States. Underpinned by the US Strategy for Central Asia (2019–2025), the “C5+1” is aimed at supporting sovereignty, independence and territorial integrity of Central Asian countries. The C5+1 platform channeled \$34 million US assistance to fund projects in the areas of security, economic connectivity and environment [50]. In the latest summit between the foreign ministers which was held in April 2021, Antony Blinken (the US Secretary of State) reiterated the US commitment to the aforementioned three sensitive discourses in Central Asia. Based on the discourse analysis, it can be argued that the US “C5+1” platform intend to trigger the creeping nationalistic trends in Central Asia. Consequently, it will result in further divergence among the Central Asian countries.

Conclusion

Passing through thirty years of independence, Central Asian countries have failed to integrate in the form of establishing a regional institution. The Cantori and Spiegel Model well illustrates how intra-regional and trans-regional factors hindered regional integration in Central Asia. Nature and level of cohesion, nature of communication, structure of relations and level of power are regional indicators of divergence among these countries. Despite the fact that difference as a natural phenomenon in international relations cannot be accounted as the sole factor of regional divergence among Central Asian countries, the nature of international relations in Central Asia tend to be characterized by tension. Illiberal democratic

regimes of the region whereby regime security is more prioritized than national security as well as uncomplimentary economies of the region prevents establishment of any indigenous regional organization in Central Asia.

The great power vacuum in the region after the collapse of the USSR paved the way for trans-regional powers to enter the region with the different political and economic objectives. The influence of three great powers in the region i.e. Russia, China and the US shapes the foreign policy choices of these countries. This divergence of political tendency is well-illustrated in Uzbekistan as it shifted from Russian spectrum to the US within a decade. The institutional arrangements led by these three powers do not fulfill the regional needs of Central Asia. The interests often overlap or contradict each other as illustrated by CSTO and SCO as two parallel security organizations dominated by two great powers i.e. Russia and China. Theoretical frameworks of regional integration prioritize economic cooperation for consolidation of regional integration rather than political or military arrangements. The only economic organization in which all countries of Central Asia are members is Economic Cooperation Organization which was co-founded by Turkey, Iran and Pakistan. Since this organization is an inter-regional organization and Central Asian countries enjoy nothing but membership, it seems to lack the required potential to integrate these countries.

References

1. Central Asia Population (live). Worldometer. Published September 16, 2022. Available from: <https://www.worldometers.info/world-population/central-asia-population/>. [Accessed September 16, 2022.]
2. Luong PJ. *The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence*. Cornell University Press; 2004.
3. Rumer BZ. *Central Asia: Challenges of Independence: Challenges of Independence*. Routledge; 2017.
4. Haas EB. *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–1957*. Stanford University Press; 1958.
5. Haas EB. *Beyond the Nation-State: Functionalism and International Organization*. Stanford University Press; 1964.
6. Etzioni A. *Political Unification: A Comparative Study of Leaders and Forces*. Holt, Pinchart & Winston; 1965.
7. Sangiovanni M. *Debates on European Integration: A Reader*. Bloomsbury Publishing; 2017.
8. Kattaş G. Chinese and Russian regionalism in Asia: Modern Silk Road Project and Eurasian Economic Union. *International Journal of Political Science and Urban Studies*. 2019;119–141. <https://doi.org/10.14782/ipsus.594463>
9. Phan T. Realism and International Cooperation in Competition Law. *Houston Journal of International Law*. 2017;40:298–360.
10. Cram L, Dinan D, Nugent N. *Developments in the European Union*. Rev ed. St. Martin's Press; 1999.
11. Tüfekçi Özgür, Tabak H, Akıllı E. *Eurasian Politics and Society: Issues and Challenges*. Cambridge Scholars Publishing; 2017.

12. Cantori LJ, Spiegel SL. The International Relations of Regions. *Polity*. 1970;2(4):397–425. <https://doi.org/10.2307/3233994>
13. Fierman W. Identity, Symbolism, and the Politics of Language in Central Asia. *Europe-Asia Studies*. 2009;61(7):1207–1228. <https://doi.org/10.1080/09668130903068731>
14. Landau JM, Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States: Azerbaijan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Tajikistan. London: Hurst; 2001.
15. Dietrich AP. Soviet and Post-Soviet Language Policies in the Central Asian Republics and the Status of Russian. *International Congress of Asian and North African Studies*. 2011;1:465–480.
16. Rowland RH. CENTRAL ASIA ii. Demography. *Encyclopedia Iranica*. Published December 15, 1990. Available from: <https://iranicaonline.org/articles/central-asia-ii> [Accessed August 20, 2022.]
17. CIA. The World Factbook. Turkmenistan. Updated September 12, 2022. Available from: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/turkmenistan/>. [Accessed September 14, 2022.]
18. W. Bethamann E. The Fate of Muslims under Soviet Rule. *American Friends of the Middle East*. 1958:1–34.
19. Uzbek Police Reportedly Force Muslim Men to Shave Beards. RadioFreeEurope/RadioLiberty. Published November 25, 2021. Available from: <https://www.rferl.org/a/uzbekistan-islam-beards-shaving-/31578046.html>. [Accessed July 5, 2022.]
20. Viola L. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. Reprint. Oxford University Press; 1989.
21. CIA. The World Factbook. Kazakhstan. Updated September 14, 2022. Available from: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/kazakhstan/>. [Accessed September 14, 2022.]
22. Polat N. Boundary Issues in Central Asia. Brill Publishers; 2021.
23. Pillalamarri A. The Tajik Tragedy of Uzbekistan. *The Diplomat*. Published September 6, 2016. Available from: <https://thediplomat.com/2016/09/the-tajik-tragedy-of-uzbekistan/>. [Accessed August 2, 2022.]
24. Uzbekistan Delegation Heads to Tajikistan for Trade Powwow. *Eurasia*. Published December 20, 2016. Available from: <https://eurasianet.org/uzbekistan-delegation-heads-tajikistan-trade-powwow>. [Accessed July 14, 2022.]
25. Martha Brill O. Central Asia: Common Legacies and Conflicts. In: Roy A, Lena J, *Central Asian Security: The New International Context*. Brookings Institution Press; 2004:24–49.
26. Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad (Revised Edition). W.W. Norton & Company; 2007.
27. Putz C. Tajik President's Son Officially Second-in-Line to Presidency. *The Diplomat*. Published April 20, 2020. Accessed July 5, 2022. Available from: <https://thediplomat.com/2020/04/tajik-presidents-son-officially-second-in-line-to-presidency/>
28. Press TA. Turkmenistan Leader's Son Wins Presidential Race. *The New York Times*. Published March 15, 2022. Available from: <https://www.nytimes.com/2022/03/15/world/asia/turkmenistan-president-son-election.html>. [Accessed September 1, 2022].
29. Uzbekistan Suspends CSTO Membership. RadioFreeEurope/RadioLiberty. Published June 28, 2012. Available from: <https://www.rferl.org/a/uzbekistan-csto-suspends-membership/24629244.html>. [Accessed July 5, 2022].
30. Collins K. Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes: The Case of Central Asia. *Eur Asia Stud*. 2009;61(2):249–281. <https://doi.org/10.1080/09668130802630854>
31. World Water Council. *Global Water Security: Lessons Learnt and Long-Term Implications*. Springer; 2018.
32. Lombaerde Pde, Flores R, Iapadre L, Schulz M. The Regional Integration Manual: Quantative and Qualitative Methods. Routledge; 2012.

33. Pannier B. The Man Many Tajiks Would Rather Have as their President Comes for a Visit. RadioFreeEurope/RadioLiberty. Published June 11, 2021. Available from: <https://www.rferl.org/a/tajikistan-uzbekistan-warm-relations-mirziyoev-visit-qishloq-pannier/31302621.html>. [Accessed July 5, 2022].
34. Russell M. Connectivity in Central Asia: Reconnecting the Silk Road. Think Tank | European Parliament. Published April 2, 2019. Available from: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2019\)637891](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2019)637891) [Accessed July 10, 2022].
35. Reuters. Uzbekistan Drops Objections to Giant Tajik Hydro Project. Reuters. Published March 9, 2018. Available from: <https://www.reuters.com/article/tajikistan-uzbekistan-hydro-idUSL5N1QR4CD> [Accessed August 17, 2022.]
36. Kurmanalieva G. Kyrgyzstan and Tajikistan: Endless Border Conflicts. *L'Europe en Formation*. 2018;385(1):121–130. <https://doi.org/10.3917/eufor.385.0121>
37. Dzyubenko O. Kyrgyzstan Reports Heavy Fighting with Tajikistan, 24 People Killed. Reuters. Published September 17, 2022. Available from: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/kyrgyzstan-says-border-outposts-under-tajik-fire-again-2022-09-16/> [Accessed September 17, 2022].
38. Abdülkerimov B. Death Toll Rises to 55 from Kyrgyz-Tajik Border Clashes. Anadolu Ajansı. Published May 5, 2021. Available from: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/death-toll-rises-to-55-from-kyrgyz-tajik-border-clashes/2230340>. [Accessed August 18, 2022].
39. Deyermond R. Matrioshka Hegemony? Multi-Levelled Hegemonic Competition and Security in Post-Soviet Central Asia. *Review of International Studies*. 2009;35(1):151–173. <https://doi.org/10.1017/s0260210509008365>
40. Yazid MNM. The Theory of Hegemonic Stability, Hegemonic Power and International Political Economic Stability. *Global Journal of Political Science and Administration*. 2015;3(6):67–79.
41. Musharaf I, Manzoor Khan A. New Great Game in Central Asia: Conflicts, Interests and Strategies of Russia, China and United States. *The Dialogue*. 2017;12(3):229–246.
42. Mathew S. Is Putin Pursuing a Policy of Eurasianism?. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-soviet Democratization*. 2005;13:87–100.
43. CSTO. Charter of the Collective Security Treaty Organization, dated October 07, 2002. Collective Security Treaty Organization. Published April 27, 2012. Accessed September 2, 2022. Available from: https://en.odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/
44. Karimov N. Effectiveness of the CSTO in the Context of the Changing Regional Security System. CABAR.asia. Published January 11, 2021. Available from: https://cabar.asia/en/effectiveness-of-the-csto-in-the-context-of-the-changing-regional-security-system#_ftn7 [Accessed September 2, 2022].
45. Eurasian Economic Union. Available from: <http://www.eaeunion.org/?lang=en#about-countries>. [Accessed August 18, 2022].
46. Wilson JL. Russia and China in Central Asia: Deepening Tensions in the Relationship. *Acta Via Serica*. 2021;6(1):55–90. <https://doi.org/10.22679/avs.2021.6.1.003>
47. Preferential Trade Agreement and Free Trade Agreement. Available from: https://www.unescap.org/sites/default/files/10%20-%20Part%20I%20Chapter%206_Preferential%20trade%20policies%20and%20agreements.pdf. [Accessed August 25, 2022].
48. Baumer C. History of Central Asia, the: 4-Volume Set. Bloomsbury Publishing; 2018.
49. Hashimova U. China Launches 5+1 Format Meetings with Central Asia. The Diplomat. Published July 20, 2020. Available from: <https://thediplomat.com/2020/07/china-launches-51-format-meetings-with-central-asia/> [Accessed August 25, 2022].
50. Cohen A, Rosner K. Kazakhstan: Energy Cooperation with Russia: Oil, Gas and Beyond. GMB Publishing Ltd.; 2006.
51. Saleem AH. Central and South Asian Energy Projects: Prospects and Challenges for Pakistan. *Strategic Studies*. 2018;38(3):57–71. <https://doi.org/10.53532/ss.038.03.00144>

52. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). U.S. Department of State. Published February 5, 2020. Available from: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> [Accessed September 5, 2022]

Information about authors:

Ejazul Haq Ateed — Postgraduate student of International Relations, Kırıkkale University, Turkey, e-mail: ejazulhaqateed-ogr@kku.edu.tr. ORCID: 0000-0003-4802-2586

Merve Suna Özel Özcan — Assistant Professor, Department of International Relations, Kırıkkale University, Turkey, e-mail: mervesuna@yahoo.com. ORCID: 0000-0001-9027-3990

Информация об авторах:

Атид Иджаз уль Хак — аспирант кафедры международных отношений, Университет Кырыкалле, Турция, e-mail: ejazulhaqateed-ogr@kku.edu.tr. ORCID: 0000-0003-4802-2586

Озель Озджан Мерве Суна — доцент кафедры международных отношений, Университет Кырыкалле, Турция, e-mail: mervesuna@yahoo.com. ORCID: 0000-0001-9027-3990

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ EUROPEAN STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-158-181

EDN: ZOJLBD

Научная статья / Research article

Условия содержания военнопленных французов в британской тюрьме в г. Чатем в 1803–1814 гг.: регрессионный анализ продолжительности плена и смертности

Р. И. Уразбахтин

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

 ruslan.ruslan-95@yandex.ru

Аннотация. Наполеоновские войны обернулись невиданным количеством взятых в плен солдат. Государства столкнулись с настоящим вызовом: как содержать такое число заключенных. Реальные условия содержания французских пленных в Англии остаются предметом дискуссий в зарубежной историографии, а в отечественной прежде не изучались. В настоящей статье они рассматриваются с помощью регрессионного анализа продолжительности плена и смертности. Результаты сравниваются с данными о датских и норвежских пленных в той же тюрьме. Цель — выяснить качество условий содержания военнопленных французов на британских тюремных кораблях. В результате исследования выявлена зависимость продолжительности плена от времени попадания в плен: первые прибывшие провели в заключении дольше всех, что говорит о прекращении обмена пленными в еще в 1803 г. Отпускали детей, стариков, офицеров под честное слово. Военных моряков держали дольше остальных. В то же время смерть в плену оказывается случайностью, что говорит о том, что питание французских пленных в Англии было достаточным для выживания. Однако прочие условия привели к высокой смертности — 8 до 14 % пленных французов в плену скончались.

Ключевые слова: наполеоновские войны, армия Наполеона, военный плен, тюрьма, военнопленные, военная антропология

История статьи: Поступила в редакцию: 08.10.2022. Принята к публикации: 01.02.2023.

© Уразбахтин Р.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Уразбахтин Р.И. Условия содержания военнопленных французов в британской тюрьме в г. Чатем в 1803–1814 гг.: регрессионный анализ продолжительности плена и смертности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 158–181. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-158-181>

Благодарности: к.т.н. Долотко А.Р., Родионову О.А., Горелову И.А., Николаевской И.А. за всестороннюю помощь с освоением методов статистики.

Incarceration Conditions of the French Prisoners of War in the British Prison in Chatham in 1803–1814: Regression Analysis of the Duration of Captivity and Mortality

R.I. Urazbakhtin

Saint-Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russia, 199034
 ruslan.ruslan-95@yandex.ru

Abstract. The relevance of this article is studying of the problem of “Man at war” includes examining a fate of prisoners of war. Detention conditions of Frenchmen in England during the Napoleonic wars remain a subject of discussions in the foreign historiography. Besides this, it has also never been studied earlier in the national historiography. In the article they are considered by means of regression analysis of captivity duration and mortality. Their dependence from such factors as age, height, rank, type of vessel, year of capturing etc. is considered. This method reveals if there was any discrimination in releasing and if food supply and other conditions were satisfying for survival in detention. The results are compared with the data of the Danish and Norwegian prisoners who were kept in the same prison. The aim is to examine detention conditions of the French captives on English prison hulks. The result of the study is reveal of the duration of captivity depending from the period of seizing: the first arrivals spent the longest time in a prison that indicates the halting of captives’ exchange as early as 1803. It also depended from way of leaving the prison: if the prisoner was exchanged, dyed or escaped. Persons aged less than 12 and over 50 were released earlier. Children, the elderly, officers could be released only on parole. Military seamen were kept longer than the rest. At the same time, death in captivity appears to be occasional. It indicates that food of the French prisoners in England was sufficient for survival. But other conditions led to a high mortality: 8–14% of the French captives died in custody.

Keywords: The Napoleonic wars, army of Napoleon, military captivity, prison, prisoners of war, military anthropology

Article history: Received: 08.10.2022. Accepted: 01.02.2023

For citation: Urazbakhtin R.I. Incarceration Conditions of the French Prisoners of War in the British Prison in Chatham in 1803–1814: Regression Analysis of the Duration of Captivity and Mortality. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(2):158–181. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-158-181>

Acknowledgements: Gratitude to c.t.s. Dolotko A.R., Rodionov O.A., Gorelov I.A., Nikolayevskaya I.A. for the comprehensive assistance in mastering the statistical methods.

Одним из актуальных направлений изучения истории войн является социально-антропологический подход: изучение проблемы человека на войне. Затронул он и историографию наполеоновской эпохи. Среди прочего изучается судьба военнопленных. Новый масштаб войн начала XIX в. обернулся невиданным доселе количеством взятых в плен солдат. Государства, в особенности Великобритания и Россия, столкнулись с целым вызовом — как содержать такое количество людей?

Однако проблема военнопленных до сих пор является малоизученной, а между тем данная тема важна, поскольку:

- военнопленные — это показатель успешности ведения боевых действий, показатель боевого духа солдат, что важно для «классической» военной истории;
- плен является особой психотравмирующей ситуацией, изучение которой важно с точки зрения социально-психологического подхода (изучения проблемы «человека на войне»);
- война является специфической формой коммуникации между разными культурами. Военнопленные в гораздо большей степени, чем те, кто в плен не попал, входили в контакт с представителями нации-противника, что нашло отражение и в мемуарах военнопленных [1. Р. 2–3]. Эти воспоминания, в свою очередь, стали впоследствии инструментом формирования представлений о другой нации на родине заключенных. Поэтому изучение военнопленных важно и с точки зрения имагологии;
- отношение к пленным со стороны пленившего сообщества — это показатель его гуманности. Небывалая жесточенность Наполеоновских войн и огромное количество военнопленных не могли не повлиять на отношение общества к плену;
- изучение военнопленных в России проливает свет на степень ее интегрированности в европейское сообщество, освещая в том числе и положение иностранцев в России;
- отношение государства и общества к своим солдатам, попавшим в плен, показывает ценность человеческой жизни, степень заботы правительства о людях.
- сама практика пленения в прошлом может показать отношение людей к таким понятиям, как честь, долг, враг и тому подобное, т.е. пролить свет на мировоззрение человека.

В отечественной историографии изучаются в основном пленные французы войны 1812 г. Пленные других войн рассматриваются в англо- и франкоязычной историографии, но и там эта тема достаточно новая. Хотя уже в начале XX в. появилась обширная монография, посвященная содержанию французов в Англии [2. С. 464].

Значительную часть взятых в плен солдат противника англичане размещали на самом о. Великобритания, в первую очередь — в обычных тюрь-

мах [3. С. 35]. Однако в годы Наполеоновских войн поток пленных стал настолько большим, что мест в тюрьмах стало не хватать. Тогда для размещения стали использовать т.н. «prison hulks» — тюремные корабли, стоящие на приколе и лишённые мачт. Такие плавающие тюрьмы собирались в группы в портах. В 2008 г. П. Чемберлен выпустил книгу о заключённых на этих кораблях военнопленных, которую назвал «Ад на воде» [4. С. 256]. В 2018 г. вышла статья о датских и норвежских пленниках. Её авторы на основе анализа статистических данных о продолжительности плена и смертности оспаривают правомерность названия книги П. Чемберлена [5. Р. 282–297]. Они пишут о том, что первоначально пленников активно обменивали, а питание даже рядовых было на самом деле достаточным для выживания даже слабых заключённых.

Так какими же были реальные условия содержания пленников в британских плавучих тюрьмах?

Мы провели анализ условий содержания французских пленников, аналогичный описанному в статье о скандинавах. Он основан на данных по порту г. Чатем. Это было место содержания значительного числа пленников, существовавшее все годы войны, с 1803 по 1814 гг.

В основу исследования положен метод регрессионного анализа [6. С. 215]. С помощью построения уравнения изучим, как различные факторы вроде времени попадания в плен, возраста и звания влияли на продолжительность плена и смертность.

Источником послужили т.н. General Entry books — книги записи пленников, где указаны: дата пленения, количество дней в дороге до места пребывания, рост, возраст, звание; был ли пленник моряком или сухопутным военным, тип его корабля и причина убытия¹.

Описательные статистики

Количество заключённых в Чатеме в конце каждого года приводится в табл. 1. Реальное число пленников было несколько выше, т.к. некоторые страницы книг записи пленников повреждены. Помимо этого часть пленников регулярно переводилась в другие тюрьмы, часть — освобождалась. В этой таблице видна динамика загруженности тюрьмы.

Видно, что в первые годы конфликта количество заключённых было минимальным, однако затем скачкообразно росло. В конце 1805 г. прибыло огромное количество попавших в плен в Трафальгарском сражении. В 1809 г. прибыли пленники Испанской кампании. С 1811 г. нагрузка на Чатемскую

¹ TBA. ADM 103/66–78. Chatham. French prisoners of war. Режим доступа: <https://www.findmypast.com/search/results?datasetname=prisoners%20of%20war%201715-1945&series=adm%20103%2066&sid=999> Дата обращения: 08.09.2022.

базу уменьшилась. Вероятно, это связано с открытием новых тюрем в других местах [7. С. 220]. Видно стремление британских властей разгрузить тюрьмы, улучшив условия содержания пленных.

Таблица 1

Количество военнопленных в тюрьме Чатем в конце каждого года

Год	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814
Люди	194	483	1522	2265	2799	3159	5304	6289	4215	4099	3534	0

Table 1

Number of prisoners in Chatham at the end of each year

Year	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814
Prisoners	194	483	1522	2265	2799	3159	5304	6289	4215	4099	3534	0

Всего в нашем распоряжении имеются данные на 11466 чел. Из них многих потом перевели в другие места. Их мы исключили из анализа, т.к. их судьбу необходимо смотреть по документам других тюрем. Непосредственно по документам Чатема известна судьба 5481 чел.

Для анализа мы своими силами перевели данные из источников в машиночитаемый вид. Ввиду обширности имеющихся данных была сделана выборка.

Для ее репрезентативности было взято количество наблюдений (военнопленных), в 10 раз превышающее количество переменных в регрессионном анализе (35). Мы взяли чуть больше — 369 человек. Процент пленников, покинувших плен в каждом конкретном году, определил долю количества попавших в выборку за этот год. В пределах одного года отбор произведен с помощью таблицы случайных чисел.

Все 369 отобранных человек — мужчины. В 1803 году пленено 11 чел., в 1804–9, в 1805–44, в 1806–40, в 1807–34, в 1808–29, в 1809–81, в 1810–27, в 1811–47, в 1812–28, в 1813–11, в 1814–8 чел. 67 сухопутных военных и 302 моряка. 8 детей младше 12 лет включительно, по одному 14–16 лет, 11 человек 17 лет, 6–18 лет и 14 19-летних. 154 пленным от 20 до 29 лет, 94–30–39, 37–40–49 и 42 чел. в возрасте старше 50 лет. 41 офицер, 160 матросов, 20 «мастеров», 148 представителей других воинских званий. 188 чел. проходили службу на военном корабле, 153 — на приватирских судах, двое на торговых и 26 на кораблях иных типов. 300 из 369 чел. было отпущено, одного отпустили «под честное слово», трое было обменено, 41 чел. скончался в плену. Средний рост пленников — 169,8 см.

В среднем по выборке французы проводили в британском плену 1466 дн. Это на 1,5 года дольше, чем датчане (933 дня [5. С. 284]). Для генеральной совокупности это значение с 95 % вероятностью будет в пределах 1389–1542 дн.

Самый короткий срок в выборке составил 20 дн. Столько в плену провел мальчик 10 лет. Самый длительный срок — 3975 дней, почти 11 лет.

28,6 % пленников все еще находилось в плену к концу войны. Остальные — это умершие, сбежавшие, обменные, но, по большей части, отпущенные. Это близко к данным по скандинавским пленным, у которых 32 % заключенных оставалось в тюрьме до 1814 г. [5. С. 286]. В таблице 2 показано, сколько пленников-французов было принято и отпущено каждый год.

Таблица 2

Количество прибывших и отпущенных по годам

Отпущенные: Прибывшие:	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814	Всего
	1803	16	3	3	7	0	0	0	1	0	2	0	
1804		2	30	13	2	0	3	0	0	3	1	0	54
1805			13	44	12	1	11	1	8	9	14	156	269
1806				12	32	4	9	1	32	23	15	141	269
1807					15	1	23	3	59	23	38	297	459
1808						17	34	0	111	9	12	131	314
1809							39	2	148	79	104	567	939
1810								9	85	38	35	342	509
1811									28	39	44	403	514
1812										131	55	527	713
1813											142	253	395
1814												717	717
Всего	16	5	46	76	61	23	119	17	471	356	460	3534	

Table 2

Number of arrived and released by year

Released: Arrived:	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814	Всего
1803	16	3	3	7	0	0	0	1	0	2	0	0	32
1804		2	30	13	2	0	3	0	0	3	1	0	54
1805			13	44	12	1	11	1	8	9	14	156	269
1806				12	32	4	9	1	32	23	15	141	269
1807					15	1	23	3	59	23	38	297	459
1808						17	34	0	111	9	12	131	314
1809							39	2	148	79	104	567	939
1810								9	85	38	35	342	509
1811									28	39	44	403	514
1812										131	55	527	713
1813											142	253	395
1814												717	717
Total	16	5	46	76	61	23	119	17	471	356	460	3534	

Однако у французов наблюдаем гораздо большее количество умерших — 11 % по выборке, против 5 % у скандинавов. Доверительный интервал для генеральной совокупности — 8–14 %. Это совпадает с оценкой в 9,76 %, данной П. лё Карвезом на основании источников во французских архивах [8]. Однако война англичан с французами длилась на три года дольше, чем с датчанами, и поэтому более показательным является индекс смертности: сколько чел. в среднем умерло в год на 1000 чел. У датчан и норвежцев этот показатель составил 19,7 чел. [5. С. 290]. У французов же он даже меньше и равен 16,3 чел. Но для сравнения в 2021 г. в английских тюрьмах на 1000 чел.

умерло пять заключенных в год². Т.е. очевидно, смертность на британских тюремных кораблях в начале XIX в. была невероятно высока. Т. Лёниг спорит с П. Чемберленом, можно ли называть эти корабли «плавающими могилами», и полагает, что имеющиеся данные по смертности среди датчан и норвежцев недостаточно высоки [5. С. 290]. Мы же не готовы согласиться с этим.

Анализ продолжительности плена

В данном параграфе с помощью регрессионного анализа проанализируем, был ли срок пребывания в плену случайным или зависел от каких-то факторов. С помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 26 рассмотрим функцию, где зависимой переменной будет количество дней в плену. Независимые переменные: дата пленения, количество дней в дороге до места пребывания, рост, возраст, звание, моряк или сухопутный, тип корабля — военный, торговый или приватир. А также причина убытия из плена: отпущен, обменян, сбежал или умер в плену.

Проверка базовых предположений регрессии.

Прежде всего необходимо провести проверку базовых предположений регрессии [6. С. 220].

Первым делом проверяем отсутствие выбросов. Находим выбросы по расстоянию Кука (значение > 1), стандартизированным остаткам и стандартизированным предсказанным значениям (значение не попадает в интервал $[-1;1]$) и удаляем их.

Затем проверяем выборку на отсутствие мультиколлинеарных факторов. Корреляционная матрица показывает наличие корреляции между переменными «Отпущен» — «Умер», «Военный корабль» — «Приватир» и «Другие звания» — «Матрос». Удаляем «Отпущен», «Военный корабль» и «Матрос», так как их стандартизированные коэффициенты регрессии меньше.

По графику распределения остатков проверяем их нормальность. Остатки распределены нормально.

Еще одним условием для построения качественной регрессионной модели является гомоскедастичность дисперсии остатков. Проверяем ее графически. На этом графике (рис.) распределения стандартизированных остатков и стандартизированных предсказанных значений видим, что дисперсия остатков гетероскедастична: по мере увеличения предсказанных значений способность нашей модели точно предсказывать падает, ее качество снижается.

² Safety in Custody Statistics, England and Wales: Deaths in Prison Custody to September 2021. Assaults and Self-harm to June 2021 / Ministry of justice, 2021. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1029027/safety-in-custody-q2-2021.pdf Дата обращения: 20.08.2022.

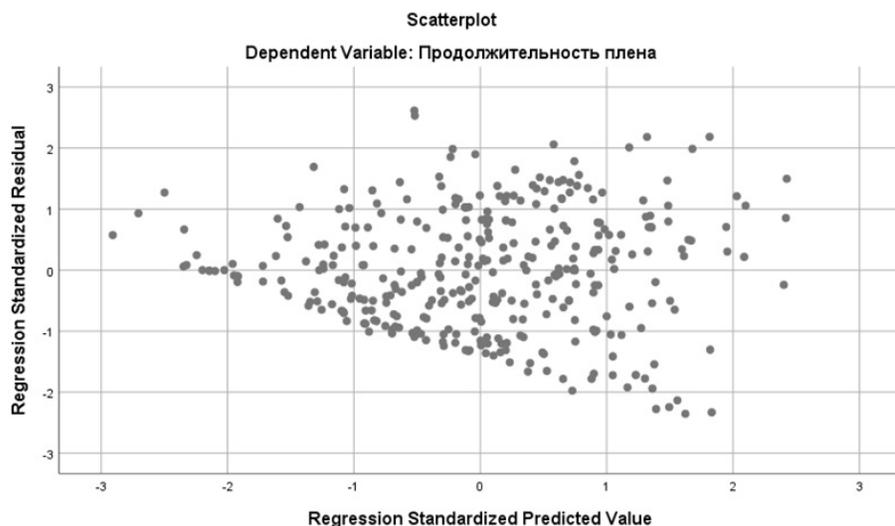

Рис. График распределения стандартизированных остатков и стандартизированных предсказанных значений.

Figure. Scatterplot of standardized residuals and standardized predicted values.

Для таких случаев принято использовать взвешенный метод наименьших квадратов. Однако в полученной нами таким образом модели все веса стремятся к нулю. Ввиду ненадежности такой модели мы решили остановиться на стандартном методе наименьших квадратов. К тому же гомоскедастичность распределения остатков требуется в первую очередь для построения прогнозов, в то время как для нас главной функцией этой модели будет объяснение уже имеющихся данных.

Регрессионный анализ продолжительности плена.

Были получены следующие коэффициенты регрессии: (см. табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты регрессии и уровни значимости модели продолжительности плена. Исключенные переменные: пленен в 1805, 13 лет, 20–29 лет, возраст кратен 5, матрос, военный корабль, отпущен

Независимая переменная	Коэффициент регрессии	Уровень значимости
1	2	3
Константа	2698,782	0,000
Пленен в 1803	259,919	0,071
Пленен в 1804	–381,100	0,011
Пленен в 1806	–395,367	0,000
Пленен в 1807	–610,806	0,000

Окончание таблицы 3

1	2	3
Пленен в 1808	-1008,642	0,000
Пленен в 1809	-1205,727	0,000
Пленен в 1810	-1388,338	0,000
Пленен в 1811	-1708,780	0,000
Пленен в 1812	-2022,920	0,000
Пленен в 1813	-2243,352	0,000
Пленен в 1814	-2592,947	0,000
Транзитные дни	-0,669	0,000
Сухопутный	2,455	0,410
12 лет и меньше	-820,547	0,000
14 лет	319,761	0,380
15 лет	-576,264	0,111
16 лет	337,941	0,356
17 лет	-100,923	0,590
18 лет	81,447	0,714
19 лет	26,060	0,858
30–39 лет	56,286	0,371
40–49 лет	155,375	0,077
Старше 50 лет	-301,019	0,002
Возраст не кратен 5	-27,326	0,660
Офицер	-152,218	0,092
Мастер	-645,082	0,000
Другие звания	-59,129	0,301
Приватир	-1,298	0,984
Торговый корабль	-507,578	0,039
Другой тип корабля	-251,511	0,007
Рост	4,603	0,708
Отпущен под честное слово	-1246,240	0,047
Обменян	-634,846	0,001
Сбежал	-1310,373	0,000
Умер	-1110,104	0,000

**Coefficients of regression and significance for the duration of captivity.
Excluded variables: captured in 1805, aged 13, aged 20s, age on 0 or 5,
common seamen, military vessel, released. OLS regression. Adj. R2 = 0,61**

Independent variable	Coefficient of regression	Significance
1	2	3
Constant	2698,782	0,000
Captured in 1803	259,919	0,071
Captured in 1804	-381,100	0,011
Captured in 1806	-395,367	0,000
Captured in 1807	-610,806	0,000
Captured in 1808	-1008,642	0,000
Captured in 1809	-1205,727	0,000
Captured in 1810	-1388,338	0,000
Captured in 1811	-1708,780	0,000
Captured in 1812	-2022,920	0,000
Captured in 1813	-2243,352	0,000
Captured in 1814	-2592,947	0,000
Transit days	-0,669	0,000
Seized on land	2,455	0,410
Aged 12 or less	-820,547	0,000
Aged 14	319,761	0,380
Aged 15	-576,264	0,111
Aged 16	337,941	0,356
Aged 17	-100,923	0,590
Aged 18	81,447	0,714
Aged 19	26,060	0,858
Aged in 30s	56,286	0,371
Aged in 40s	155,375	0,077
Aged 50 or over	-301,019	0,002
No age heaping	-27,326	0,660
Officer	-152,218	0,092
Master	-645,082	0,000
Other ranks	-59,129	0,301

Ending of the Table 3

1	2	3
Privateer	-1,298	0,984
Merchant vessel	-507,578	0,039
Other type of vessel	-251,511	0,007
Height	4,603	0,708
Released on parole	-1246,240	0,047
Exchanged	-634,846	0,001
Escaped	-1310,373	0,000
Died	-1110,104	0,000

Скорректированный коэффициент детерминации R^2 равен 0,61, что означает, что полученная регрессионная модель способна объяснить большую часть дисперсии зависимой переменной (количества дней в плену).

Коэффициенты регрессии для функции зависимости продолжительности плена от года попадания в плен снижаются с каждым следующим годом. Т.е. те, кто попал в плен ближе к концу войны, провели в заключении меньше, чем плененные ранее. Однако, в отличие от датчан [5. С. 286], срок заточения французов, попавших в плен в начале войны, не короче, чем у плененных в середине. Большинство военнопленных, захваченных в начале войны, оставались в плену до самого конца конфликта. Мы можем сделать вывод о том, что отлаженные в XVIII в. [9. С. 372] механизмы обмена военнопленными между Англией и Францией к 1805 г. пришли в полный упадок в результате утраты доверия между странами после Французской революции [10. С. 67].

Немаловажным фактором, влиявшим на общий срок пребывания в плену, было место пленения и его удаленность от Британии. Прежде чем попасть в тюрьму, военнопленный доставлялся до берегов Туманного Альбиона. Коэффициент $-0,67$ для переменной «Транзитные дни» означает, что каждый день в пути уменьшал срок заключения на 0,67 дн. Для скандинавов этот показатель был равен 1 [5. С. 291], что позволило сделать предположение, что время заточения, проведенное датчанином или норвежцем в пути к тюрьме, не учитывалось властями тюрьмы при составлении очереди на освобождение. Однако данные по французам показывают нам практически обратную картину.

Построенная модель не выявила какой-либо зависимости между возрастом пленного и продолжительностью его пребывания в плену. Все коэффициенты «возрастных» переменных не являются статистически значимыми, так как их уровень значимости превышает 0,05. Исключение — дети до 12 лет и лица старше 50 — они проводили в плену на 821 и 301 день

меньше остальных. Схожие показатели получены и для датских и норвежских пленных: британские власти старались отпускать малолетних детей на свободу [5. С. 286]. Однако теперь мы можем сказать, что так же поступали и со лицами старше 50.

Офицеры имеют коэффициент регрессии -152 , что близко к аналогичному для датчан и норвежцев. Это могло бы показать различие в отношении к простым солдатам и офицерам, которых старались отпускать раньше. Однако в данном случае уровень значимости больше $0,05$, и коэффициент может быть случаен. Однако, по данным П. лё Карвеза, офицеров действительно отпускали чаще остальных [8].

Сухопутные солдаты проводили в плену на $2,5$ дня меньше моряков. Можно было бы предположить, что англичане старались задерживать французских моряков, в которых видели более актуальную для себя угрозу, чем в бойцах сухопутных армий Наполеона. Однако и этот коэффициент не значим и может быть случаен.

Если у датчан и норвежцев англичане старались задерживать приватиров и торговцев, отпуская военных раньше, то для французов ситуация противоположная: служивших на военных кораблях отпускали на 508 дн. позже торговцев и на 252 дня позже моряков с других типов кораблей. Очевидно, это было связано с приоритетными целями англичан. У приватиров коэффициент сопоставим с военными, но мы не можем делать на его основе выводов из-за статистической незначимости.

Зато мы можем хорошо объяснить зависимость между продолжительностью плена и причиной убытия из него. Большая часть пленных дождалась освобождения, в основном — в апреле-мае 1814 г., по окончанию войны. Однако многие французы умерли в плену, некоторые сбежали, а кто-то даже был обменен.

Успешный побег сокращал время пребывания в плену сразу на несколько лет — 1310 дней. Однако в реальности беглецу еще предстояло добраться до Франции, что было куда более сложной задачей.

Коэффициент регрессии для умерших равен -1110 . Они проводили в плену на 3 года меньше, чем выжившие. У датчан и норвежцев аналогичный показатель был >0 , что позволило сделать вывод о том, что тяжелобольные оставались в плену дольше, т.к. не могли быть отпущены или обменены, поскольку были нетранспортабельны. Наши цифры позволяют поставить под сомнение подобное предположение.

Офицера могли отпустить жить в город под честное слово не совершать побега [2. С. 286]. Наша модель показывает, что такие люди проводили в плену на 1246 дн. меньше, чемждавшие своего освобождения в тюрьме. Такой большой срок, вероятно, означает, что те, кто дал слово не бежать, воспользовались этой возможностью сразу по ее появлении, а не ждали иных возможностей обрести свободу.

Количество обменянных было невелико, однако, согласно нашей модели, такой пленный проводил в плену на 635 дн. меньше остальных. Относительно датских и норвежских пленнх у Б. Паулсена так же был отрицательный показатель в 230 дн. То есть англичане вели обмен пленными честно: они не старались выдавать в первую очередь тех, кто бы и так в скором времени покинул заключение.

Сравним продолжительность пребывания в плену французов и датчан. Сделаем это с помощью двухвыборочного z-теста для средних [6. С. 93], такого же, какой провели авторы статьи о датчанах и норвежцах [5. С. 292] (табл. 4).

Таблица 4

Двухвыборочный z-тест для средних. Погрешность 5 %

Год	Французы			Датчане				Значимость
	Среднее	Станд. Откл.	Кол-во набл.	Среднее	Станд. откл.	Кол-во набл.	Z	
1807	1800	753	99	1020	839	286	8,62	Значим
1808	1076	825	30	831	587	445	1,6	Незначим
1809	1220	575	60	871	543	126	3,94	Значим
1810	1126	380	21	778	545	77	3,36	Значим
1811	710	293	34	599	405	70	1,59	Незначим
1812	376	253	20	454	301	25	-0,94	Незначим
1813	186	63	9	211	112	86	-1,03	Незначим

Table 4

Two-sample z-test for means. Significance at 5 %

Year	Frenchmen			Danish				Significance
	Mean	Stand. Deviation	Number of observations	Mean	Stand. deviation	Number of observations	Z	
1807	1800	753	99	1020	839	286	8,62	Sign
1808	1076	825	30	831	587	445	1,6	Not sign
1809	1220	575	60	871	543	126	3,94	Sign
1810	1126	380	21	778	545	77	3,36	Sign
1811	710	293	34	599	405	70	1,59	Not sign
1812	376	253	20	454	301	25	-0,94	Not sign
1813	186	63	9	211	112	86	-1,03	Not sign

Мы видим, что в 1807 г. датчан отпускали явно скорее, чем французов. Это было самое начало англо-датской войны 1807–1814 гг., как раз то время, когда скандинавов еще активно обменивали и освобождали, и они проводили в плену относительно короткие сроки. Для 1809–1810 гг. коэффициент тоже значим — попавших в это время французов держали в заточении дольше, чем плененных тогда же датчан. Для остальных же годов мы не имеем основания считать, что средние этих совокупностей отличаются друг от друга.

Проведем еще один z-тест, чтобы сравнить среднюю продолжительность плена у французов и норвежцев. Сравнение показателей для датчан и норвежцев показало, что первых отпускали охотнее [5. С. 292].

Таблица 5

Двухвыборочный z-тест для средних. Погрешность 5 %

Год	Среднее	Станд. откл.	Кол-во набл.	Z	Значимость
1807	1140	956	720	7,89	Значим.
1808	972	669	656	6,57	Значим.
1809	1128	682	251	1,072	Незначим.
1810	1183	442	201	0,45	Незначим.
1811	872	330	177	-2,89	Значим.
1812	648	240	91	-4,39	Значим.
1813	307	131	177	-5,21	Значим.

Table 5

Two-sample z-test for means. Significance at 5 %

Year	Mean	Standart deviation	Number of observations	Z	Significance
1807	1140	956	720	7,89	Sign.
1808	972	669	656	6,57	Sign.
1809	1128	682	251	1,072	Not sign.
1810	1183	442	201	0,45	Not sign.
1811	872	330	177	-2,89	Sign.
1812	648	240	91	-4,39	Sign.
1813	307	131	177	-5,21	Sign.

В начале англо-датской войны 1807–1814 гг. норвежцев отпускали явно быстрее, чем французов. Точно так же, как и датчан. Однако попавшие в плен с 1811 г. норвежцы проводили за решеткой дольше французов.

Таким образом, была построена значимая модель зависимости продолжительности плена от разных факторов. Видим, что срок пребывания в плену зависел от:

- времени попадания в плен. Чем ближе к концу войны, тем срок короче;
- способа покидания плена: бежавшие или умершие проводили в плену меньше. Однако неизвестна их дальнейшая судьба;
- типа корабля: военных задерживали дольше торговцев.

Единственной обнаруженной «дискриминацией» по возрасту стали дети до 12 лет и старики после 50. Разницы в отношении к солдатам и офицерам обнаружено не было. Скорее наоборот, англичане четко следили за соблюдением очереди на обмен или освобождение. Последовательной дискриминации по национальной принадлежности мы тоже не увидели: только попавших в плен в 1807, 1809 и 1810 гг. датчан отпускали скорее, чем французов, а норвежцы как минимум с 1811 г. проводили в плену дольше, чем наполеоновские солдаты и моряки.

Отлаженные в XVIII в. между Англией и Францией механизмы обмена военнопленными к 1805 г. пришли в полный упадок в результате утраты доверия между странами после Французской революции и войн 1790-х гг. Четко прослеживается разница в отношении к скандинавам: в начале войны с Данией их отпускали быстрее, чем пару лет спустя.

Анализ смертности в плену

В данном параграфе проанализируем, смертельный исход в плену был случайностью или чем-то предопределен.

Для этого вновь прибегнем к регрессионному анализу. Теперь зависимая переменная — смерть в плену, так как она бинарна, строим пробит-регрессию. Коэффициенты приведены в табл. 6.

Таблица 6

Коэффициенты регрессии и уровни значимости модели смертности. Исключенные переменные: пленен в 1809 г., 13 лет, 20–29 лет, другие звания, другой тип корабля, отпущен

Независимая переменная	Коэффициент	Уровень значимости
1	2	3
Пленен в 1803	0,280	0,460
Пленен в 1804	0,314	0,410
Пленен в 1805	0,169	0,494
Пленен в 1806	0,263	0,327
Пленен в 1807	0,087	0,722
Пленен в 1808	0,276	0,332

Окончание таблицы 6

1	2	3
Пленен в 1810	-0,227	0,572
Пленен в 1811	-0,167	0,613
Пленен в 1812	-0,230	0,569
Пленен в 1813	-0,346	0,581
Пленен в 1814	-0,336	0,644
Транзитные дни	0,000	0,918
12 лет и меньше	-0,562	0,215
14 лет	-0,466	0,657
15 лет	0,238	0,757
16 лет	-0,444	0,677
17 лет	-0,119	0,799
18 лет	-0,167	0,763
19 лет	-0,156	0,663
30–39 лет	-0,077	0,605
40–49 лет	0,101	0,618
Старше 50 лет	-0,026	0,907
Возраст кратен 5	0,008	0,958
Офицер	-0,178	0,417
Мастер	-0,335	0,362
Матрос	-0,146	0,287
Приватир	-0,094	0,668
Торговый корабль	-0,134	0,820
Рост	-0,050	0,593
Сухопутный	-0,056	0,825
Отпущен под честное слово	-0,250	0,877
Обменян	-0,426	0,432
Сбежал	-0,437	0,180
Военный корабль	-0,165	0,439
Свободный член	-0,300	0,595

Table 6

**Coefficients of regression and significance for death rate. Probit-regression.
Excluded variables: captured in 1809, aged 13, aged 20s, other ranks,
other type of vessel, released.**

Independent variable	Coefficient of regression	Significance
1	2	3
Captured in 1803	0,280	0,460
Captured in 1804	0,314	0,410
Captured in 1805	0,169	0,494
Captured in 1806	0,263	0,327
Captured in 1807	0,087	0,722
Captured in 1808	0,276	0,332
Captured in 1810	-0,227	0,572
Captured in 1811	-0,167	0,613
Captured in 1812	-0,230	0,569
Captured in 1813	-0,346	0,581
Captured in 1814	-0,336	0,644
Transit days	0,000	0,918
Aged 12 or less	-0,562	0,215
Aged 14	-0,466	0,657
Aged 15	0,238	0,757
Aged 16	-0,444	0,677
Aged 17	-0,119	0,799
Aged 18	-0,167	0,763
Aged 19	-0,156	0,663
Aged in 30s	-0,077	0,605
Aged in 40s	0,101	0,618
Aged 50 or over	-0,026	0,907
Age on 0 or 5	0,008	0,958
Officier	-0,178	0,417
Master	-0,335	0,362
Common seamen	-0,146	0,287
Privateer	-0,094	0,668
Merchant vessel	-0,134	0,820

1	2	3
Height	-0,050	0,593
Seized on land	-0,056	0,825
Released on parole	-0,250	0,877
Exchanged	-0,426	0,432
Escaped	-0,437	0,180
Military vessel	-0,165	0,439
Constant	-0,300	0,595

Псевдоскорректированный коэффициент детерминации близок к нулю, а все уровни значимости превышают норму в 0,05. Это значит, что построенная регрессионная модель не объясняет практически ничего в изменении функции, т.е. в статистике смертности.

Коэффициенты регрессии для переменных разных лет расположены хаотично, хотя с 1810 г. снижаются. Можно предположить, что снижение коэффициента связано с разгрузкой тюрьмы, хотя из табл. 1 видно, что она началась только в 1811 г., а в 1810 г. численность пленных в Чатеме как раз достигла максимума за всю войну. Коэффициенты регрессии для 1803, 1806 и 1808 г. примерно равны. Коллектив авторов, изучавших скандинавских пленных, в аналогичной ситуации для 1809 г. (начало англо-датской войны 1807–1814 гг.) и 1812 гг. приходит к выводу, что система содержания военнопленных в Англии работала с самого начала конфликта. Однако количество датских и норвежских пленных в Чатеме сохранялось на примерно одном уровне всю войну, в то время как до 1810 г. численность французов неуклонно росла. Поэтому, опираясь на модель с низким псевдо- R^2 , невозможно делать подобных предположений для 1803–1808 гг. Скорее всего, полученные коэффициенты регрессии действительно случайны.

Коэффициенты регрессии для «возрастных» переменных статистически малозначимы, т.е. возраст не определял выживаемость в плену: шансы выбраться были одинаковыми у детей, зрелых мужчин и стариков. Аналогичный вывод делают наши коллеги: если уж человек приспособился к жизни моряка начала XIX в., он приспособится и к жизни пленного, вне зависимости от возраста [5. С. 12].

Для различных воинских званий коэффициенты регрессии так же малозначимы. Понятно, что офицеры содержались лучше рядовых солдат и матросов. Но если они не умирали реже них, значит, питание, которое получали рядовые, было достаточным для выживания человека. Такой вывод подтверждается и на материале датских и норвежских пленных.

Однако коэффициенты регрессии пробит-модели довольно трудно интерпретировать. Поэтому чаще всего вычисляют еще и предельные эффекты для каждой переменной. Обратившись к программе STATA MP 16, поскольку SPSS не дает такой возможности, получили результаты (табл. 7).

Таблица 7

Средние предельные эффекты модели смертности. Исключенные переменные: пленен в 1813, пленен в 1814, 12 лет и меньше, 13 лет, 14 лет, 16 лет, 20–29 лет, отпущен под честное слово, обменян, сбежал

Переменная	Средний предельный эффект
Пленен в 1803	0,1929524
Пленен в 1804	0,1484083
Пленен в 1805	0,0914542
Пленен в 1806	0,1501096
Пленен в 1807	0,0563853
Пленен в 1808	0,1295895
Пленен в 1810	-0,1622556
Пленен в 1811	-0,1138725
Пленен в 1812	-0,127782
Транзитные дни	-0,0001192
На суше пленение	0,0305663
15 лет	0,0916627
17лет	-0,0945458
18лет	-0,0962856
19лет	-0,0805125
30–39 лет	-0,0490709
40–49 лет	0,0194103
Старше 50 лет	-0,0395846
Возраст кратен 0 или 5	-0,0159269
Офицер	-0,1057669
Мастер	-0,2025824
Матрос	-0,0737996
Военный корабль	-0,0667869
Приватир	-0,0165883
Торговый корабль	-0,0863445
Рост	-0,0090335

Table 7

Average marginal effects of the death rate model. Excluded variables: captured in 1814, aged 12 or less, aged 13, aged 14, aged 16, aged 20s, released on parole, exchanged, escaped.

Variable	Average marginal effect
Captured in 1803	0,1929524
Captured in 1804	0,1484083
Captured in 1805	0,0914542
Captured in 1806	0,1501096
Captured in 1807	0,0563853
Captured in 1808	0,1295895
Captured in 1810	-0,1622556
Captured in 1811	-0,1138725
Captured in 1812	-0,127782
Transit days	-0,0001192
Seized on land	0,0305663
Aged 15	0,0916627
Aged 17	-0,0945458
Aged 18	-0,0962856
Aged 19	-0,0805125
Aged 30s	-0,0490709
Aged 40s	0,0194103
Aged 50 or over	-0,0395846
Aged 0 or 5	-0,0159269
Officier	-0,1057669
Master	-0,2025824
Common seamen	-0,0737996
Military vessel	-0,0667869
Privateer	-0,0165883
Merchant vessel	-0,0863445
Height	-0,0090335

Итак, средний предельный эффект означает, насколько в среднем повышается вероятность умереть, если значение независимой переменной равно 1, т.е., насколько выше вероятность умереть у, например, офицеров или попавших в плен в 1805 году. Мы видим, что каждый новый год меньше увели-

чивает предельный эффект, т.е. вероятность летального исхода со временем снижается. Отметим, что у попавших в плен в 1810 г. самый низкий коэффициент — 16,2. И это в год максимальной загруженности тюрьмы (см. табл. 1)! Возможно, это связано с тем, что с 1811 г. количество заключенных в Чатеме начало уменьшаться.

Служившие на приватирах умирали на 5 % чаще, чем те, кто был на военных кораблях, и на 7 % чаще, чем служившие на торговых. Эта разница даже больше, чем у скандинавов. Здесь мы могли бы сделать вывод о том, что приватиров содержали несколько хуже, чем остальных. Однако наш коэффициент может быть случайным, и данное предположение требует дополнительной проверки.

В целом, мы можем сделать вывод о том, что смертность французов в британском плену зависела от случайности, а не была чем-то обусловлена. Тот же результат был получен и при аналогичном анализе скандинавских военнопленных [5. С. 287].

Анализ описательной статистики показал стремление британских властей разгрузить тюрьмы, улучшив условия содержания пленных. Кроме того, нам удалось выявить зависимость между продолжительностью плена и, во-первых, временем попадания в плен, во-вторых, способом его покидания, в-третьих, еще несколькими факторами. Тот факт, что попавшие в плен в начале войны провели в заключении дольше всех, говорит о том, что к 1803 г. существовавшие между Англией и Францией механизмы обмена пленными оказались разрушены.

Построенная математическая модель не выявила какой-либо зависимости между возрастом или ростом пленного и продолжительностью его пребывания в плену. Только малолетние дети и старики проводили в тюрьме меньше времени. Данные по количеству транзитных дней у французов показывают несколько иную картину, чем у датчан и норвежцев — каждый день пути в тюрьме сокращал более чем полдня дальнейшего заключения.

Зависимости количества дней в тюрьме от звания нам также не удалось выявить. Очевидно, офицер мог провести в тюрьме меньше, только если он давал слово не сбегать или не поднимать больше оружия против англичан. Но такая возможность давалась далеко не всем офицерам.

Если у датчан и норвежцев англичане старались задерживать приватиров и торговцев, отпуская военных раньше, то для французов ситуация противоположная: служивших на военных кораблях и, возможно, приватиров отпускали или обменивали быстрее, чем торговцев и служивших на других кораблях. Видимо, именно в военных морях французского флота англичане видели для себя первоочередную угрозу.

Успешный побег значительно сокращал количество дней в самой тюрьме, но не гарантировал, что Вы окажетесь живым во Франции.

Обменянные пленные томились на два года меньше остальных. Очевидно, англичане вели обмен пленными французами честно: они не старались выдавать в первую очередь тех пленных, которые бы и так в скором времени покинули заключение.

Последовательной дискриминации по национальному признаку в плане сроков заключения мы не обнаружили. В начале англо-датской войны 1807–1814 гг. скандинавов отпускали охотнее, чем французов. Но с 1811 г. норвежцы проводили в плену дольше. В остальном нам не удалось зафиксировать разницу средней продолжительности плена.

Что касается смертности, то от 8 до 14% пленных французов в плену скончались. 16,3 чел. из 1000 умирало каждый год. В сравнении с 5 чел. в современных английских тюрьмах это очень высокая смертность. Однако мы не обнаружили зависимости между смертностью и изучаемыми факторами. Скорее всего, смертность была случайной. Как и у скандинавов. И это о многом говорит.

Если у матроса были такие же шансы на выживание, как и у офицера, это значит, что условия его содержания были удовлетворительны. Если вероятность умереть не зависела от роста, это означало, что все пленные получали в пищу необходимое количество калорий. Если малолетние дети и старики не умирали чаще, значит, даже слабые могли перенести тяготы плена.

Количество заключенных на кораблях в Чатеме до 1811 г. неуклонно росло. Однако в нашей модели со временем шансов умереть у них не прибавилось.

Все это позволяет нам подтвердить вывод, полученный на данных о скандинавских военнопленных: заключенные на британских тюремных кораблях получали питание, достаточное для выживания даже слабых. И длительные сроки заключения у французов это еще раз подтверждают. Однако прочие условия, такие как: грязь, теснота, темнота, спертый воздух, очевидно, были настолько серьезны, что смертность была более чем в три-четыре раза выше, чем в современных английских тюрьмах. Поэтому мы не готовы назвать содержание пленных на этих судах «мягким», и однозначно отбросить эпитет «плавающие могилы».

Библиографический список

1. Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. сост. Б.П. Миловидов. СПб. : Крига, 2012. 608 с.
2. Abell F. Prisoners of War in Britain 1756 to 1815: A Record of Their Lives, Their Romance and Their Sufferings. London : H. Milford, 1914. 464 P.
3. Morieux R. The society of prisoners. Oxford : Oxford university press, 2019. 427 p.
4. Chamberlain P. Hell upon water. Prisoners of war in Britain 1793–1815. Michigan : History press, 2008. 256 p.
5. Leunig T., Lottum J. van, Poulsen B. Surprisingly gentle confinement: British treatment of Danish and Norwegian prisoners of war during the Napoleonic Wars // *Scandinavian Economical History Review*. 2018. P. 282–297. <https://doi.org/10.1080/03585522.2018.1516235>

6. Бослаф С. Статистика для всех. М.: ДМК Пресс, 2015. 586 с.
7. Trevor J. Prisoners of Dartmoor. American and French Soldiers and Sailors in an English Prison During the Napoleonic Wars and the War of 1812. Jefferson : McFarland & Company, Inc. Publishers, 2013. 267 p.
8. Le Carvès P. Les prisonniers français en Grande-Bretagne de 1803 à 1814. Étude statistique à partir des archives centrales de la Marine // *Napoleonica. La Revue*. 2010. N° 8 (2), p. 3–29. <https://doi.org/10.3917/napo.102.0003>. URL: www.cairn.info/revue-napoleonica-la-revue-2010-2-page-3.htm (режим доступа 20.09.2022)
9. Dally G. Napoleon's Lost Legions: French Prisoners of War in Britain, 1803–1814 // *History*. Vol. 89. No. 3 (295). P. 361–380. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229x.2004.00304.x>
10. Morieux R. French prisoners of war, conflicts of honour and social inversions in England, 1744–1783 // *Historical Journal*. No 56/1. 2013. P. 55–88. <https://doi.org/10.1017/s0018246x12000544>

References

1. Milovidov ВР. Voennoplennye armii Napoleona v Rossii: 1806–1814: Memuary. Issledovanija [Prisoners of war of Napoleon's army in Russia: 1806–1814: Memoirs. Researches]. Saint-Petersburg: Kriga; 2012. (In Russ.).
2. Abell F. Prisoners of War in Britain 1756 to 1815: A Record of Their Lives, Their Romance and Their Sufferings. London: H. Milford; 1914.
3. Morieux R. The society of prisoners. Oxford: Oxford university press; 2019.
4. Chamberlain P. Hell Upon Water. Prisoners of war in Britain 1793–1815. Chicago: The History Press; 2016.
5. Leunig T, van Lottum J, Poulsen B. Surprisingly gentle confinement: British treatment of Danish and Norwegian prisoners of war during the napoleonic wars. *Scandinavian Economic History Review*. 2018;66(3):282–297. <https://doi.org/10.1080/03585522.2018.1516235>
6. Boslaugh S. Statistics in a nutshell. Cambridge: O'Reilly Media; 2012.
7. Trevor J. Prisoners of Dartmoor. American and French Soldiers and Sailors in an English Prison During the Napoleonic Wars and the War of 1812. Jefferson: McFarland & Company, Inc. Publishers; 2013.
8. Le Carvès P. Les prisonniers français en Grande-Bretagne de 1803 à 1814. Étude statistique à partir des archives centrales de la Marine. *Napoleonica. La Revue*. 2010;8(2): 3–29. <https://doi.org/10.3917/napo.102.0003>. Accessed September 20, 2022. www.cairn.info/revue-napoleonica-la-revue-2010-2-page-3.htm
9. Dally G. Napoleon's Lost Legions: French Prisoners of War in Britain, 1803–1814. *History*. 2004;89(295):361–380. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229x.2004.00304.x>
10. Morieux R. French prisoners of war, conflicts of honour, and social inversions in England, 1744–1783. *The Historical Journal*. 2013;56(1):55–88. <https://doi.org/10.1017/s0018246x12000544>

Информация об авторе:

Уразбахтин Руслан Ильдарович — аспирант кафедры истории Нового и Новейшего времени, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ruslan.ruslan-95@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9715-9995 Elibrary SPIN-код: 7034-5730

Information about the author:

Urazbakhtin Ruslan — postgraduate student of the Department of Modern and Contemporary History, St. Petersburg State University, e-mail: ruslan.ruslan-95@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9715-9995

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-182-195

EDN: AEGVID

Научная статья / Research article

Покорение Пьемонта. Война за испанское наследство 1701–1714 гг. (1701–1714 гг.)

А.В. Кутищев

Уральский государственный университет путей сообщения,
620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66

 akutishev@usurt.ru

Аннотация. Цель статьи — на примере отдельной кампании войны за испанское наследство (1701–1714 гг.) выявить особенности военного искусства как неотъемлемой части западноевропейской культуры периода позднего феодализма. В центре исследования — боевые действия в Пьемонте в 1704 году и их отражение в военной документации, мемуарах, а также в переписке Людовика XIV с французским командованием в Пьемонте и Савойе. Исследован эпизод западноевропейской военной истории, представляющий интерес в контексте компаративного военно-исторического анализа эпохи Петра Великого и Европы накануне Нового времени. Отражена обусловленность западноевропейских войн внутри династическими конфликтами и соперничеством правящих монархических домов, а также типичные черты западноевропейского военного искусства — механизм принятия решений в рамках так называемого «кабинетного» управления войсками, ограниченность оперативных целей, позиционный характер стратегии, отказ от решительности в пользу пассивного методизма, приверженность к осадной войне и маневренной тактике, возрастание роли военно-инженерного искусства и логистического обеспечения.

Ключевые слова: Война за испанское наследство 1701–1714 гг., Пьемонт, Людовик XIV, Виктор-Амадей Савойский, маршал Вандом

История статьи: Поступила в редакцию: 18.10.2022. Принята к публикации: 09.02.2023.

Для цитирования: *Кутищев А.В.* Покорение Пьемонта. Война за испанское наследство 1701–1714 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 182–195. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-182-195>

© Кутищев А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Conquest of Piedmont. The War of the Spanish Succession, 1701-1714

A.V. Kutishchev

Ural State University of Railway Transport,
620034, Yekaterinburg, st. Kolmogorova, 66

 akutishev@usurt.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify the features of military art as an integral part of Western European culture in the period of late feudalism using the example of a separate campaign of the War of the Spanish Succession (1701–1714). The focus of the study is the military operations in Piedmont in 1704 and their reflection in the military documentation, memoirs as well as in the correspondence of Louis XIV, the French minister of war Chamillard with the French command in Piedmont and Savoy. The article examines an episode of Western European military history that has not yet been reflected in Russian historiography. It presents an interest in terms of the prospects for a comparative military-historical analysis of the era of Peter the Great and Europe on the eve of the Modern Age. The article reflects the conditionality of Western European wars by intra-dynastic conflicts and contest between the ruling monarchical houses as well as the typical features of Western European military art namely the decision-making mechanism within the framework of the so-called “cabinet” command and control, the limitation of operational goals, the positional nature of the strategy, the rejection of determinateness in favor of passive methodism, commitment to siege warfare and maneuver tactics, the growing role of military engineering and logistical support.

Keywords: War of the Spanish Succession 1701–1714, Piedmont, Louis XIV, Victor Amadeus of Savoy, Marshal Vandom

Article history: Received: 18.10.2022. Accepted: 09.02.2023.

For citation: Kutishchev AV. The Conquest of Piedmont. The War of the Spanish Succession, 1701–1714. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(2):182–195. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-182-195>

Для любой войны характерно крайнее напряжение культурно-исторического потенциала, духовно-нравственных сил общества. То, что в мирное время смутно и неопределенно, в суровых условиях войны обнажается во всем своем достоинстве или нелицеприятности, проявляется открыто и беспристрастно. Так и война за испанское наследство (1701–1714 гг.) не стала исключением из правил. Она открыто демонстрирует существенные черты европейской культуры с ее ценностно-нравственными, властно-политическими, сословно-общественными императивами. Ее исследование позволяет глубже понять европейскую цивилизацию накануне судьбоносного для нее Нового времени.

О войне за испанское наследство (1701–1714 гг.) в последнее время издано немало публикаций¹. Спектр внимания чрезвычайно широк: от общего политического обзора и участия в войне отдельных стран [1, 2] до деятельности видных военачальников [3–5] и известных сражений [6–8]. Вместе с тем эта война до сих пор не нашла систематизированного военно-профессионального отражения. Последние посвященные ей военно-исторические исследования вышли в свет во второй половине XIX — начале XX в. и только выборочно освещали отдельные, наиболее значительные боевые эпизоды [9–11].

Настоящая статья частично восполняет этот пробел. В ней исследуется конкретная военная операция с освещением отдельных вопросов военного искусства начала XVIII века: выбор цели, выработка замысла операции, тактика, виды боевых действий, всестороннее обеспечение военной кампании. Работа подготовлена на основе переписки Людовика XIV с командованием французских войск в Северной Италии, а также военной документации, касающейся кампании 1704 года в Савойе и Пьемонте. В статье использован обширный эпистолярный, мемуарный и военно-документальный материал, содержащийся в 4 томе «Воспоминаний о войне за испанское наследство», составленном французскими военными историками Ж. Пеле и Ф. Волем [12]. Сведения о савойских и имперских войсках почерпнуты из 5 тома «Походов принца Евгения Савойского», сборнике военно-исторических документов, подготовленном при австрийском генеральном штабе в конце XIX века [13].

Общая военная обстановка и разработка плана кампании

Северная Италия после смерти испанского короля Карла II рассматривалась как весьма лакомый кусок его наследства, на который претендовали и французские Бурбоны, и австрийские Габсбурги, и поэтому являлась ареной ожесточенной борьбы во время войны за испанское наследство (1701–1714 гг.). В 1701–1703 гг. военный успех медленно, но неотвратимо склонялся на сторону Бурбонов, но осенью 1703 года их непоследовательный союзник, герцог Виктор-Амадей Савойский внезапно перевернул в стан противника. Этот

¹ Кутищев А.В. Компаративный анализ Северной войны (1700–1721 гг.) и войны за испанское наследство (1701–1714 гг.): культурно-цивилизационный и военно-профессиональный аспекты. Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 81–90; Он же. Поход 1703 года в Трентин по воспоминаниям его участников. Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып.10. С. 2053–2061; Он же. Итальянская кампания 1703 года. Борьба за контроль над бассейном р. По. Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 7. С. 1360–1366; Он же. Военная кампания 1703 года в Нидерландах по корреспонденции и воспоминаниям ее участников. Вестник Новосибирского ГУ. 2022, Том 21. № 1. С. 9–21.

политический кульбит значительно осложнил положение франко-испанского альянса, и практически свел на нет усилия почти двухлетней борьбы в Италии. И наоборот, терпящая неудачи на всех фронтах Австрия, вдруг получила неожиданную, хотя и незначительную, помощь. Неумолимо, теснимые метр за метром превосходящим противником, австрийцы, наконец, получили так им необходимую передышку.

Коварство зятя² Людовик XIV воспринял как личное оскорбление, и жаждал немедленной расправы. Но этого сделать было не так-то просто. Владения герцога Савойского были достаточно обширными. Богатый Пьемонт с его плодородными землями и полноводными реками был защищен мощными современными крепостями, сильнейшей из которых был Турин, его столица. Более того, в начале 1704 года к Виктору-Амадею с боем прорвался десятитысячный имперский корпус графа Штеремберга. Ощутимая помощь рекрутами, вооружением, деньгами постоянно поступала из Швейцарии и Германии.

Зимой 1703–1704 гг. между Людовиком XIV и командованием велись напряженные консультации относительно будущей кампании. Было ясно, что главные усилия франко-испанских сил будут перенацелены из Ломбардии на Пьемонт и Савойю. Но далее мнения расходились. Сам король колебался между целесообразностью оккупации Савойи и Ниццы. В какой-то момент слухи об англо-голландском десанте сыграли в пользу Ниццы, и уже стянутые к границам Савойи войска двинулись к морскому побережью в распоряжение генерала Ла Фейяда. Королю сдержано возражал маршал Вандом, выступавший за сосредоточение всех сил на одном направлении. Он настаивал на объединении французских войск, оперирующих в Савойе и Пьемонте, и концентрированном наступлении на Турин. Маршал Тессе, главнокомандующий в Савойе, дипломатично хранил молчание. Его весьма озадачило, что за счет его группировки король задумал открыть новый фронт. Но, будучи дипломатом и опытным придворным, он предпочел не критиковать короля и занял осторожную выжидательную позицию [12. Р. 104–105].

В конце концов, план завоевания Пьемонта был утвержден в следующем виде. Главной перспективной целью оставался Турин — столица Савойи и Пьемонта. Но для логистического обеспечения будущей осады необходимо было предварительно овладеть речными коммуникациями и тем самым лишить герцога Савойского путей подвоза ресурсов извне. Ближайшей целью кампании стали основные крепости Пьемонта: Верау, Верчелли и Ивреа. Верау контролировала р. По, Верчелли — р. Сезию, Ивреа — р. Дору Балтеа, а также сообщения герцога Савойского со Швейцарией и Германией. Убежденный сторонник этой стратегии, мар-

² Виктор-Амадей был женат на племяннице Людовика XIV, Анне Марии Орлеанской.

шал Вандом, так излагал свои взгляды в письме Ла Фейьяду от 29.07.1704: «Лишить герцога Савойского помощи по морю и по суше, отрезать его от всех источников существования, сделать его изгоем в его же стране... запереть его в этом узком районе, изолировать его от владений, откуда он мог черпать ресурсы» [12. С. 193]. Король, в целом, разделял общепринятую стратегию, предпочитая риску основательность и осторожность: «Вместо того, чтобы думать об осаде Турина, я полагаю, необходимо сначала овладеть Верчелли, а затем — Ивреа... после чего вы могли бы подумать об экспедиции на Верау» [12. С. 165].

Вторжение в Пьемонт и осада Верчелли

Заручившись согласием короля, Вандом энергично стал готовиться к летней кампании. В Казале создавались запасы артиллерии, вооружения и боеприпасов, в Павии и Александрии закладывались магазины, куда непрерывным потоком поступали провизия, фураж и все необходимое для летней операции. Для пополнения поредевших батальонов ожидалось прибытие 20 тыс. новобранцев.

В создавшейся обстановке у Виктора-Амадея не было иного выбора, кроме как рассчитывать на собственные, весьма скромные, силы (табл. 1). Решено было занять полевыми войсками сильную позицию неподалеку от Турина, базируясь на его богатых ресурсах и лояльности горожан, откуда развернуть активную борьбу на коммуникациях противника [13. С. 216].

Таблица 1

Соотношение сил противников в Пьемонте и Савоие перед началом кампании 1704 г.

№ п\п	Противники	Пехота	Кавалерия	Полевая артиллерия	
1.	Франко-испанская армия	Вандом	21 000 (54 бтн.)	7 000 (73 эск.)	36
		Испанцы (Лас-Торрес)	2 500 (6 бтн.)	1 500 (15 эск.)	
		Тессе (Де ла Фейяд)	9 000 (25 бтн.)	1 500 (3 драг. п.)	
2.	Армия Виктора-Амадея Савойского	Виктор-Амадей и Штеремберг	17 000	6 000	20

Источники: Pelet J. J. G., Vault F. E. de le. *Mmoires militaires relatifs la Guerre de la Sucession d'Espagne*. Paris: Imprimerie Royale, 1838. V. 3. P. 77, 120 – 121; *Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Feldzug 1704*. Wien: Verlag des K. K. Generalstabes, 1879. I Serie, VI Band. S. 217 – 218.

**The balance of forces of the opponents in Piedmont and Savoy
before the start of the campaign of 1704**

№	Opponents		Infantry	Cavalry	Artillery
1.	French-Spanish Army	Vendôme	21 000 (54 bn.)	7 000 (73 sq.)	36
		Spanish (Las-Torres)	2 500 (6 bn.)	1 500 (15 sq.)	
		Tesse (De La Fayad)	9 000 (25 bn.)	1 500 (3 dragoon regm.)	26
2.	Victor Amadeus of Savoy's Army	Victor Amadeus and Starhemberg	17 000	6 000	20

Sources: Pelet J. J. G., Vault F. E. de le. M moires militaires relatifs la Guerre de la Sucession d'Espagne. Paris: Imprimerie Royale, 1838. V. 3. P. 77, 120 – 121; Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Feldzug 1704. Wien: Verlag des K. K. Generalstabes, 1879. I Serie, VI Band. S. 217 – 218.

Уже зимой партизаны развернули активную борьбу на коммуникациях. Отдельные отряды вторглись в союзный Людовику XIV Милан, разоряя французские тылы и захватывая их фуражиров. Чтобы обезопасить Милан, Вандом приступил к возведению укрепленной линии по рубежу Трекате — Черано — Мортара [13. С. 212]. Слухами о разгоравшейся «малой войне» полнился и двор Людовика XIV, о чем в деталях свидетельствует один из придворных, маркиз Сурш: «В ночь с 20 на 21 февраля отряд врагов с несколькими пушками при свете луны отправили на дно три водяные мельницы... Граф д'Эстен, командовавший по ту сторону реки По... собрал все свои войска, чтобы прикрыть четыре тысячи крестьян, работавших на наших линиях... Опытные люди уверяют, что эти рубежи еще сыграют свою роль, подобно тем, которые были возведены во Фландрии» [14. С. 301].

Кампания началась 6 мая, когда главные силы французов переправились в Казале на правый берег По и вторглись в Пьемонт. Савойско-австрийская армия ожидала Вандома, заняв позицию напротив Казале, прикрывшись р. Стура. Вандом двинулся вправо, чтобы перейти Стуру у ее впадения в Сезию и тем самым взять противника во фланг (см. карту 1). На этот маневр Виктор — Амадей ответил всеобщим отступлением к Трино [12. С. 124; 19].

Французы немедленно приступили к преследованию, догнав пьемонтцев у Трино. Между пьемонтским арьергардом и передовыми частями французов вспыхнул скоротечный ожесточенный бой. Он проходил с переменным успехом. Французы захватили много пленных, в том числе генерала Вобонна, командира союзного арьергарда, но главные силы пьемонтцев сумели оторваться от преследования и отойти в полном порядке [12. С. 214; 13.

Р. 221]. Виктор-Амадей со всем войском укрылся в лагере Крешентино, который Вандом собирался немедленно атаковать. Воодушевленный удачным началом кампании, он был исполнен решимости раз и навсегда покончить с герцогом. Но рекогносцировка местности вокруг Крешентино несколько охладила горячего нетерпеливого маршала. Окруженный валами и рвами, оцетинившийся орудийными жерлами лагерь располагался на местности, которая сама по себе представляла труднопреодолимое природное препятствие. С фронта Крешентино окружали болотистые луга, местность была изрезана болотистыми ручьями и искусственными каналами. Кроме того, лагерь был искусно расположен в излучине рр. По и Дора-Балтеа, прикрывавших его тыл и фланги. В тылу, через По пролегал мост к крепости Верау, которая сама по себе представляла мощную твердыню [15. Р. 104, 124]. 12 мая французская армия отошла от Крешентино и расположилась на берегу По около Фонтанетто [16. С. 7]. Непрекращающиеся ливни, размывшие дороги и вызвавшие настоящее наводнение, на время приостановили боевые действия. Эту паузу Вандом использовал для перегруппировки войск, накопления материальных средств и рекогносцировки Верау, по которой намеревался нанести следующий удар.

Личный осмотр крепости и разведка местности вновь озадачили маршала — слабых мест в обороне крепости обнаружено не было. Непроступность Верау, созданная самой природой, была искусно усилена инженерно-фортификационными сооружениями. Город располагался на северных отрогах Апеннинских гор, круто спускавшихся к полноводной По. Ключевым пунктом являлся древний замок, возведенный на отвесном гранитном монолите, высоко возвышавшемся над речной долиной. Южную сторону города прикрывал мощный форт, расположенный на высотах Корбиньяно. Между фортом и крепостью располагался укрепленный лагерь с бастионами, глубоким рвом, валами и палисадом. Все укрепления были связаны в единую оборонительную систему (рис. 1).

Напротив, за рекой располагался Крешентино, где засел Виктор-Амадей с целой армией, в любой момент готовый поддержать крепость. Верау произвела сильное впечатление на маршала, о чем он доложил королю. В ответном письме Людовик XIV писал: «Хотя я вполне убежден, что Вас не остановят никакие трудности... я считаю слишком опасным пускать на волю случая судьбу кампанию, которая так счастливо началась и чье продолжение видится нам таким многообещающим, если Вы и впредь будете проявлять должную осмотрительность» [12. С. 221]. Решено было оставить Верау до лучших времен и сосредоточиться на Верчелли. «Мы завоюем ее с легкостью и без всякого риска, — продолжал король, — и получим под контроль обширную территорию, на которой можно легко прокормить нашу армию, а также это полностью обеспечить безопасность Милана» [12. С. 221].

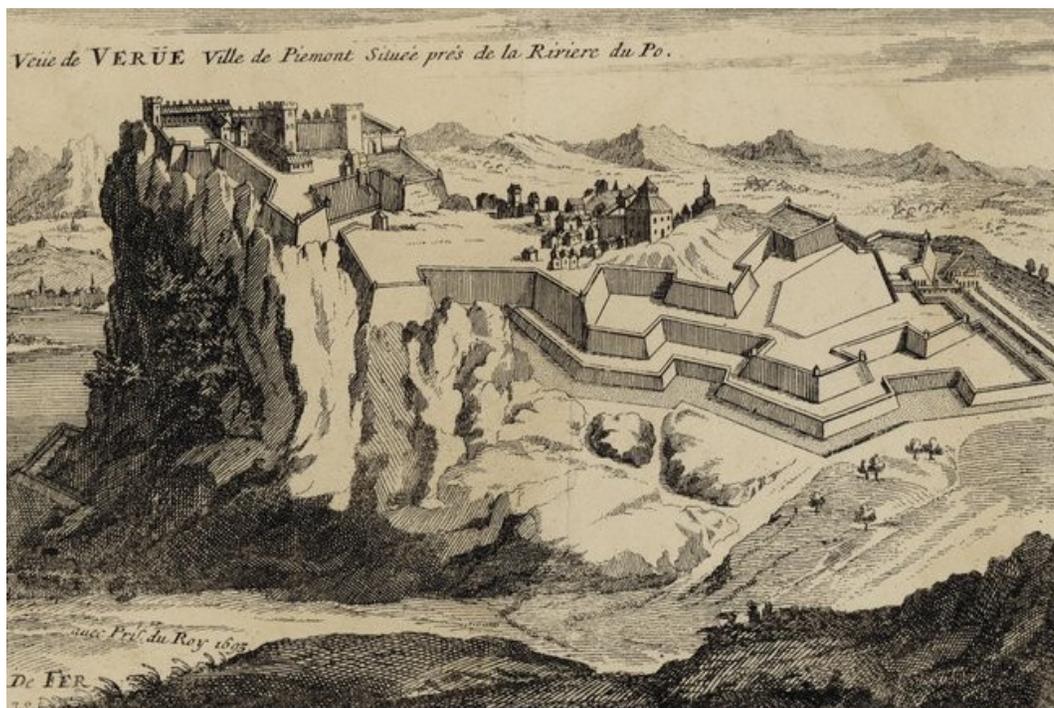

Рис. 1. Город и крепость Верау. С гравюры Николаса де Фера, 1691 г.

Источник: Крепость и город Верау. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ve%C3%BCe_de_Ver%C3%BCe_Ville_de_Piemont_Situ%C3%A9_pr%C3%A9s_de_la_Riviere_du_Po.jpg (дата обращения 16.10.22).

Figure 1. The city and fortress of Verua. From an engraving by Nicholas de Fer, 1691

Soure: Крепость и город Верау. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ve%C3%BCe_de_Ver%C3%BCe_Ville_de_Piemont_Situ%C3%A9_pr%C3%A9s_de_la_Riviere_du_Po.jpg (дата обращения 16.10.22).

30 мая армия покинула лагерь у Фонтанаро и направилась к Верчелли [15. С. 75]. Город был укреплен по последнему слову военно-инженерной науки. Он располагал 14 бастионами, гласисом, контрэскарпом, крытым путем³. Поскольку Виктор-Амадей ожидал этой осады, «...он ничем не пренебрег, чтобы снабдить ее всем необходимым для хорошей обороны. Он разместил там одиннадцать лучших батальонов своих войск с пятью сотнями конницы» [18. С. 8].

Вандом энергично принялся за дело. Решено было вести атаку с двух направлений, на бастионы Санта-Клара и Санта-Себастьян, третье — было ложным, отвлекающим [16. Р. 8–9]. С. 14 на 15 июня была открыта первая параллель. Рабочие копали всю ночь, и к утру до палисада крытого пути остава-

³ Эскарп, контрэскарп, крытый путь (прикрытый ход), гласис — фортификационные сооружения, элементы оборонительной крепостной системы XVII — XIX вв.

лось не более 250 м. 19 июня прибыла артиллерия, и в этот же день 40 орудий и 16 мортир приступили к обстрелу города. В ночь с 27 на 28 августа сапы достигли подножия гласиса, где была заложена вторая параллель. Здесь же была установлена брешь-батарея. 30 июня 15 тяжелых пушек, установленных на гласисе, почти в упор открыли огонь по куртинам бастиона [17, Р. 12–26]. Виктор-Амадей извне пытался оказывать помощь осажденной крепости. В тылу осаждавшей армии активизировалась партизанская война. Дерзкие набеги совершали партии гусар под командованием И. Лотарингского, Пфафферкорна, Эбержени. Они тревожили фуражиров, грабили обозы, захватывали пленных (рис. 2).

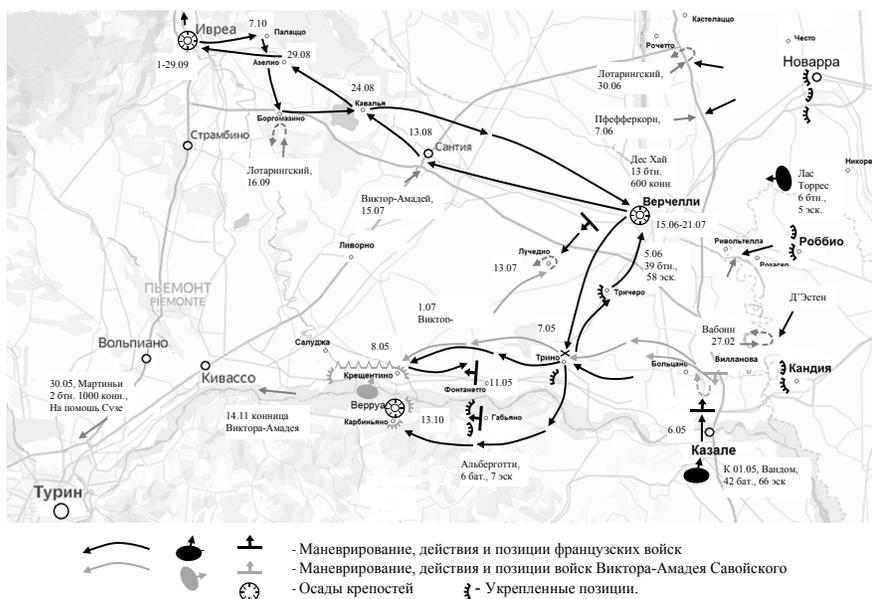

Рис. 2. Кампания 1704 года в Пьемонте

Источник: составлено на основании сведений авторов: Pelet J. J. G., Vault F. E. de le. *Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Succession d'Espagne*. Paris: Imprimerie Royale, 1838. V. 3. P. 186 – 309; *Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen*. *Feldzug 1704*. Wien: Verlag des K. K. Generalstabes, 1879. I Serie. VI Band. S. 216 – 286; Pelet J. J. G. *Atlas des mémoires militaires relatifs à la succession d'Espagne sous Louis XIV*. Paris: Imprimerie Royale, 1836. P. 10, 75, 77.

Figure 2. Campaign of 1704 in Piedmont.

Source: Compiled based on information from the authors: Pelet J. J. G., Vault F. E. de le. *Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Succession d'Espagne*. Paris: Imprimerie Royale, 1838. V. 3. P. 186 – 309; *Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen*. *Feldzug 1704*. Wien: Verlag des K. K. Generalstabes, 1879. I Serie. VI Band. S. 216 – 286; Pelet J. J. G. *Atlas des mémoires militaires relatifs à la succession d'Espagne sous Louis XIV*. Paris: Imprimerie Royale, 1836. P. 10, 75, 77.

Тем не менее, судьба Верчелли была предрешена. 14 июля в стене бастиона Санта-Клары была проделана широкая брешь, и утром 16 июля французские гренадеры пошли на штурм. После непродолжительного сопротивления осажденные были отброшены внутрь крепости. 20 июля, не выдержав канонады, гарнизон капитулировал. В плен попали более 4 000 отборных пьемонтских и австрийских войск [12. С. 238; 13. Р. 236].

Осада Ивреа

Далее французское командование встало перед выбором: Веруа или Иврее. Хотя Людовик XIV полностью полагался на выбор маршала, Вандом чувствовал, что король склоняется в сторону Ивреа. Людовик XIV исходил из принципа — действовать осторожно, но надежно. 5 августа в своем послании Вандому он советовал «...лучше ничем не рисковать, чем поставить все на карту и не добиться успеха» [12. С. 256].

30 августа французская армия подошла к Ивреа [17. Р. 37–48]. Крепость размещалась на пологом предгорье у подножия Итальянских Альп [15. Р. 77, 124]. Ее слабым местом была близость окружающих гор, склоны которых, особенно с восточной стороны, почти вплотную подходили к крепостным веркам, а с северо-востока даже возвышались над приземистыми бастионами. Это направление Вандом и выбрал для главной атаки. На скатах высот была размещена шестиорудийная батарея, которая уже вечером 1 сентября открыла огонь. Осадные работы продвигались чрезвычайно быстро, несмотря на скальный грунт, который с трудом поддавался лопате. Уже 5 сентября в крепостной стене зияла широкая брешь [13. Р. 242–243; 17. Р. 41]. На этом участке атаки французы сосредоточили 28 тяжелых орудий, против которых осажденные устоять не могли. Они отвечали яростными контратаками, наносившими некоторый вред инженерным работам, но остановить продвижение не могли. 18 сентября гарнизон отступил из города в цитадель и замок Кастильо. Виктор-Амадей, понимая, что Ивреа обречена, как мог старался облегчить положение ее защитников. Его летучие отряды наводнили территорию между Сезией и Дорой-Балтеа, перехватывая конвои французов, терроризируя гарнизоны селений и укрепленных постов. 21–22 сентября была предпринята дерзкая попытка овладеть Верчелли. Всезнающий маркиз Сурш приводит любопытные подробности этой неудачной диверсии: «Начальник караула, лейтенант полка Лимузен по имени Лерос, прогуливаясь на рассвете по деми-люну⁴, обратил внимание на сотню человек, одетых крестьянами, привезших всякие съестные припасы, как бы для того, чтобы продать их на рынке. Он счел это подозрительным и стал пристально вглядываться в предутренние сумерки, и хотя было очень туманно, увидел подозрительных людей, скрывавшихся за ближайшими лачугами» [18. С. 93]. Была поднята тревога, и нападение было сорвано.

Ивреа продержалась еще несколько дней, но 29 сентября замок Кастильо, последний оплот сопротивления, выкинул белый флаг. В плен сдалось 2500 солдат и офицеров во главе с генералом Крихбаумом [12. С. 269]. Это был значительный успех французов. Под их контроль перешел богатый плодородный край между Дорой-Балтеа и малой Дорой. Маршал Виллар так оценивал

⁴ Деми-люн — элемент крепостной системы, расположенный перед бастионом и прикрывающий крепостные ворота.

эти события: «Имперцы больше не в состоянии поддерживать Италию. Герцог Вандомский занял все земли герцога Савойского, питая к нему личную неприязнь, уничтожил его войска и стал хозяином всех его владений» [19. С. 155].

Осада Веруа

Несмотря на наступившую осеннюю распутицу и первые заморозки, Вандом решил не завершать кампанию, не овладев Веруа. 7 октября его армия выступила в поход, переправилась через По у Трино и 13 октября расположилась у Монкестино (см. карту 1). Несмотря на плотный огонь из укреплений, французская пехота заняла окрестные высоты, а конные разъезды плотным кольцом окружили Веруа от Монкестино до Бруаско [12. С. 281].

Борьба за Веруа отличалась особой жесточенностью, упорством и решительностью. Обе стороны проявляли мужество, отвагу и военную смекалку. На шквальный огонь и отчаянные штурмовые броски французов защитники отвечали дерзкими вылазками, вели минную борьбу и умело маневрировали скудными резервами [17. Р. 55–68].

Первая параллель была заложена в ночь с 22 на 23 октября. 25 октября начался артиллерийский обстрел крепости. Под рев канонады французские саперы упрямо врывались в каменистый, трудно поддающийся грунт. Работы в траншее не прекращались ни днем, ни ночью, так что 28 октября осаждающие оказались всего в 30 м от внешнего обвода форта Корбиньяно. Несмотря на яростное сопротивление, 6 ноября французы овладели почти полностью разрушенным фортом. Измотанные, но не сломленные, защитники отступили под защиту стен Веруа [13. С. 259].

Яростные бои за обладание внешним обводом крепости шли всю зиму. Упорное сопротивление вынудило Вандома отказаться от лобовых атак. После продолжительных консультаций со двором было принято решение перенести главные усилия на сообщения крепости с Крешентино, откуда гарнизон постоянно поддерживался резервами.

2 марта внезапной атакой был захвачен форт, контролирующий дорогу из Веруа в Крешентино [17. Р. 76–79]. Торжествующие французы немедленно приступили к обстрелу лагеря Крешентино и стали готовиться к его штурму. Но 14 марта, не дожидаясь атаки, герцог Савойский покинул Крешентино и отступил к Турину. После этого положение Веруа стало безнадежным. Защитники упорствовали недолго, и 6 мая крепость капитулировала.

Заключение

В 1704 году франко-испанской коалицией в Северной Италии были достигнуты заметные успехи. Значительная часть владений их главного противника, герцога Савойского, Пьемонт и Савойя, перешли под контроль

Бурбонов. Были созданы все условия для овладения Турином, столицы герцога Савойского, и его полной капитуляции. Кампания 1704 года носила все типичные черты военного дела начала XVIII века. Главной целью военных действий выбирались коммуникации и пути сообщения противника. Основным методом достижения цели становился маневр и овладение стратегически важными пунктами или районами. Первостепенное внимание уделялось осаде крепостей и укрепленных позиций. По словам военного историка второй XIX века Н.М. Голицына «...образ ведения войны был в высшей степени методический, медленный и нерешительный» [9. С. 177], что в полной мере относится к этой кампании.

Военное искусство эпохи являлось неотъемлемой составляющей культурно-цивилизационного развития Западной Европы. Военное дело зиждилось на достижениях западной цивилизации, включая прогресс мануфактурной промышленности и торговли, расцвет идеи рационализма, естествознания и точных наук. Противники на поле боя все чаще придерживались нормам военного права. Причудливое сочетание суровой военной реальности, идей гуманизма и барочной культуры определяли самобытность и отличительные черты западноевропейского военного дела этого времени.

Библиографический список

1. Ивонина Л.И. Война за испанское наследство. М.: Росконсулт, 2009. 288 с.
2. Великанов В.С. Савойское герцогство в войне за Испанское наследство // Воин. 2005. № 2. С. 20–25.
3. Ивонин Ю.Е. Евгений Савойский // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 48–69.
4. Ивонина Л.И. Маршал Виллар // Преподавание истории в школе. 2012. № 6. С. 32–39.
5. Ивонина Л.И. Герцог Мальборо: человек, полководец, политик. М.: Ломоносовъ, 2019. 264 с.
6. Ивонина Л.И. Битва при Мальпляке 11 сентября 1709 года // Новая и новейшая история. № 1. 2010. С. 216–222.
7. Махов С.П., Созаев Э.Б. Борьба за испанское наследство. М.: Вече, 2010. 352 с.
8. Беспалов А.В. Сражение при Альмансе 25 апреля 1707 года. Бурбоны против Габсбургов // Известия Смоленского университета. 2012. № 3. С. 150–167;
9. Голицын Н.С. Великие полководцы истории. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1875. Т. 2. 222 с.
10. Пузыревский А.З. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб.: Типография Балашова, 1889;
11. Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1896;
12. Pelet J.J. G., Vault F.E. de le. Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Succession d'Espagne. Paris : Imprimerie Royale, 1838. V. 3. 1070 p.
13. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Feldzug 1704. Wien : Verlag des K.K.K. Generalstabes, 1879. I Serie. VI Band. 1257 s.
14. Mémoires du marquis de Sourches sur le règne de Louis XIV, G.-J. Cosnac et É. Pontal édités par. Paris : Librairie Hachette et cie. 1888. T. VIII. 447 p.
15. Pelet J.J.G. Atlas des mémoires militaires relatifs a la succession d'Espagne sous Louis XIV. Paris : Imprimerie Royale, 1836. 161 p.

16. Mémoires de Saint — Hilaire, Paris: Société de l'histoire de France par Léon Lecestre: Librairie Renouard, 1911. V. 4. 438 p.
17. Mémoires du Chevalier de Quincy. Paris: Librairie Renouard h. Laurens, Successeur libraire de la Société de l'histoire de France, rue de Tournon — 6. 1899. V. 2. 392 p.
18. Mémoires du marquis de Souches sur le règne de Louis XIV, édités par G.-J. Cosnac et É. Pontal. Paris: Librairie Hachette et cie, 1888. V. IX. 455 p.
19. Mémoires du marechal de Villars. De Vogué édité par. Paris: Librairie de la Société de l'histoire de France, 1887. V. 2. 392 p.

References

1. Ivonina L.I. Voina za ispanskoe nasledstvo [War of the Spanish Succession], Moskow; 2009, 288 p. (In Russ.).
2. Velikanov VS. Savojskoe gercogstvo v vojne za Ispanskoe nasledstvo [Duchy of Savoy in Spanish Succession War]. Voin [Warrior]. 2005;2:20–25. (In Russ.).
3. Ivonin UE. Evgenii Savoiskii [Eugene Savoysky]. Voprosy istorii [History Questions], 2006;6:48–69. (In Russ.).
4. Ivonina LI. Marshal Villar. Prepodavanje istorii v shkole [School history learning]. 2012;6:32–39.
5. Ivonina LI. Gertsog Malboro: chelovek, polkovodets, politik [The Duke of Marlborough: man, general, politician]. Moskow; 2019, 264 p. (In Russ.).
6. Ivonina LI. Bitva pri Malpliake 11 sentiabria 1709 goda [Battle of Malplaquet 11 September 1709]. Novaia i noveishaia istoriia [New and recent history]. 2010;1:216–222. (In Russ.).
7. Makhov SP., Sozaev EB. Borba za ispanskoe nasledstvo [The struggle for the Spanish inheritance]. Moskow: Veche, 2010, 352 p. (In Russ.).
8. Bepalov AV. Srazhenie pri Almanse 25 apreliia 1707 goda. Burbony protiv Gabsburgov [Battle of Almansa 11 April 1707. Bourbons vs. Habsburgs], Izvestiia Smolenskogo universiteta [Smolensk university's News]. 2012;3:150–167. (In Russ.).
9. Golitsyn NS. Velikie polkovodtsy istorii [Great generals of history]. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva «Obshchestvennaia polza», 1875, vol. 2. 222 p. (In Russ.).
10. Puzyrevskii AZ. Razvitie postoiannykh reguliarnykh armii i sostoianie voennogo iskusstva v vek Liudovika XIV i Petra Velikogo [The development of permanent regular armies and the state of the art of war in the age of Louis XIV and Peter the Great]. St. Petersburg: Tipografiia Balashova; 1889, 348 p. (In Russ.).
11. Mikhnevich NP. Istoriia voennogo iskusstva s drevneishikh vremen do nachala deviatnadsatogo stoletiiia [Art of war's history from the earliest times to the beginning of the nineteenth century]. St. Petersburg, Parovaia skoropechatnia P.O. IAbnonskogo; 1896, 539 p. (In Russ.).
12. Pelet JJG., Vault FE. de le. Mèmoires militaires relatifs à la Guerre de la Sucession d'Espagne. Paris, Imprimerie Royale; 1838, vol. 3, 1070 p.
13. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Feldzug 1704. Wien: Verlag des K.K.K. Generalstabes, 1879. I Serie, VI Band. 1257 s.
14. Souches L. Mémoires du marquis de Souches sur le règne de Louis XIV, édités par G.-J. Cosnac et É. Pontal, Paris, Librairie Hachette et cie, 1888, t. VIII. 447 p.
15. Pelet JJG. Atlas des mémoires militaires relatifs a la succession d'Espagne sous Louis XIV. Paris: Imprimerie Royale; 1836, 161 p.
16. Mémoires de Saint — Hilaire. Paris, Société de l'histoire de France par Léon Lecestre: Librairie Renouard, 1911, vol. 4, 438 p.
17. Mémoires du Chevalier de Quincy. Paris: Librairie Renouard h. Laurens, Successeur libraire de la Société de l'histoire de France, rue de Tournon, nom. 6, vol. 2, 1899. 392 p.

18. Souches L. Mémoires du marquis de Souches sur le règne de Louis XIV, édités par G.-J. Cosnac et É. Pontal, Paris, Librairie Hachette et cie, 1888, t. IX, 455 p.
19. Mémoires du marechal de Villars. De Vogué édité par. Paris, Librairie de la Société de l'histoire de France, 1887, vol. 2, 392 p.

Информация об авторе:

Кутищев Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург, e-mail: akutishev@usurt.ru. ORCID: 0000-0001-6921-3344

Information about the author:

Kutishchev Alexander — PhD in History, Associate Professor, Department of History and Philosophy of Ural State University of Railway Transport, Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0001-6921-3344, e-mail: akutishev@usurt.ru. ORCID: 0000-0001-6921-3344

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-196-206

EDN: ZSKHUV

Научная статья / Research article

Хронология раскола в Эстонской Православной Церкви в свете отношений между Московским и Константинопольским Патриархатами

Н.Н. Кудласевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4

 nikola3.3@mai.ru

Аннотация. Вопрос о правах на собственность православных эстонцев, а также проблема сосуществования двух параллельных церковных юрисдикций на территории Эстонии остаются нерешенными до настоящего времени. Взаимоотношения между Московским и Константинопольским Патриархатами по эстонскому вопросу зашли в тупик. В статье представлена и проанализирована хронология раскола в Эстонской Православной Церкви (ЭПЦ) в ракурсе действий Московского и Константинопольского Патриархатов. Это позволяет взглянуть на историю раскола с особой стороны, в свете отношений между двумя Патриархатами, выявить особенности стратегии двух Патриархатов, отметить основные переломные моменты в этих взаимоотношениях, оценить роль Константинопольского Патриархата в событиях раскола ЭПЦ в целом, а также наметить пути выхода из создавшего конфликта, который обостряется в настоящее время. Новизна исследования заключается в том, что проблема раскола в Эстонской Православной Церкви рассматривается на фоне анализа действий Московского и Константинопольского Патриархатов, устанавливается связь между событиями 20–70-х гг. XX века, которые послужили предысторией раскола 90-х гг., и прямым вмешательством Константинопольского Патриархата в жизнь Эстонской Православной Церкви в 1990-х годах. Впервые в качестве исторических источников для исследований на обозначенную тему используются материалы из архива Канцелярии Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. В результате исследования автор приходит к выводу, что раскол в Эстонской Православной Церкви был спровоцирован Константинопольским Патриархатом, кампания которого по захвату части Эстонской Православной Церкви проводилась с негласного одобрения эстонскими правительственными кругами. В связи с этим автор видит пути выхода из создавшего кризиса исключительно в тесном сотрудничестве церкви и государства, а именно — на уровне правительств Эстонии и России.

© Кудласевич Н.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: раскол Эстонской Православной Церкви, Константинопольский Патриархат, Московский Патриархат, патриарх константинопольский Варфоломей, патриарх Мелетий IV, томос патриарха Мелетия IV, автономия Эстонской Православной Церкви, митрополит Александр (Паулус)

История статьи: Поступила в редакцию: 03.10.2022. Принята к публикации: 30.01.2023.

Для цитирования: *Кудласевич Н.Н.* Хронология раскола в Эстонской Православной Церкви в свете отношений между Московским и Константинопольским Патриархатами // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 196–206. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-196-206>

Chronology of the Schism in the Estonian Orthodox Church in the Light of Relations between the Moscow and Constantinople Patriarchates

N. N. Kudlasevich

Lomonosov Moscow State University,
119192, Moscow, Lomonosovsky Prospect, str. 27, building 4

 nikola3.3@mai.ru

Abstract. The question of property rights of Orthodox Estonians as well as the problem of coexistence of the two parallel Church jurisdictions on the Estonian territory remains unresolved to the present day, despite the regular meetings conducted and agreements reached. The relations between the Moscow and Constantinople Patriarchates on the Estonian issue have reached an impasse. The article presents and analyzes the chronology of the dissent in the Estonian Orthodox Church (EOC) from the perspective of the actions of the Moscow and Constantinople Patriarchates. This allows us to take a glance at the history of the dissent from a special angle in light of the relations between the two Patriarchates in order to identify the features of the strategy of the two Patriarchates, to note the main turning points in this relationship, to estimate the role of the Constantinople Patriarchate in the events related to the split of the EOC as a whole as well as to propose ways out of the conflict, which is being exacerbated at this time. The novelty of the study lies in the fact that the problem of the dissent in the Estonian Orthodox Church is considered only against the background of the analysis of the actions of the Moscow and Constantinople Patriarchates. The connection is established between the events of 20-70s of the 20th century which preceded the dissent in the 1990s as well as the direct intervention of Constantinople Patriarchate in the EOC activity in the 1990s. For a research on the designated topic for the first time are used materials (as historical sources) from the archives of the Chancellery of the Estonian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that the dissent in the EOC was provoked by the Constantinople Patriarchate, whose campaign to seize some parts of the Estonian Orthodox Church was carried out with the tacit approval of the Estonian government circles. In this regard, the author sees a way out of the created crisis only in close cooperation between the Church and the state, namely at the level of the governments of Estonia and Russia.

Keywords: Dissent of the Estonian Orthodox Church (EOC), Constantinople Patriarchate, Moscow Patriarchate, Patriarch Bartholomew I of Constantinople, Patriarch Meletius IV, Tomos of Patriarch Meletius IV, autonomy of the Estonian Orthodox Church, Metropolitan Alexander (Paulus)

Article history: Received: 03.10.2022. Accepted: 30.01.2023.

For citation: Kudlasevich NN. Chronology of the Dissent in the Estonian Orthodox Church in the Light of Relations between the Moscow and Constantinople Patriarchates. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(2):196–206. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-196-206>

Введение

На протяжении всей истории существования Православия в Эстонии никакой связи Эстонская Православная Церковь (ЭПЦ) с Константинопольским Патриархатом не имела. Константинопольский Патриархат начинает вмешиваться в жизнь Эстонской Православной Церкви только в XX в., при этом интенсивность этого вмешательства постепенно нарастает, а в конце столетия достигает своей кульминации, когда Константинопольский Патриархат становится непосредственным участником раскола, произошедшего в Эстонской Православной Церкви.

В течение XX века Православная Церковь в Эстонии три раза разделялась на церкви, относящиеся либо к Московскому, либо к Константинопольскому Патриархатам. В первый раз это произошло в 1923 г., когда Эстонская Церковь томосом патриарха Мелетия IV была переподчинена Константинопольскому Патриархату под названием «Эстонская православная митрополия». Во второй раз разделение произошло в годы Второй мировой войны, когда в течение нескольких лет, по попустительству немецких оккупационных сил, параллельно существовали Нарвская епархия в составе экзархата Московского Патриархата и Эстонская Православная митрополия во главе с митрополитом Александром (Паулусом). Несмотря на то, что в 1973 г. Вселенский патриарх Димитрий признал недействительным томос от 1923 г., Эстонскую Церковь ожидало разделение в третий раз. Это произошло в 1990-е гг., когда Православная Церковь в Эстонии столкнулась с новыми осложнениями из-за выхода этой страны из состава СССР, и в 1996 г. часть Эстонской Православной Церкви примкнула к Константинопольскому Патриархату.

В конце XX в. отмечается особенно активное участие константинопольской стороны в событиях раскола, что не может не привлекать внимания и способствует поиску истинных причин и мотивов действий Константинопольского Патриархата.

Предыстория раскола

Предварительный период раскола ЭПЦ, произошедшего в конце XX века, можно условно ограничить временным интервалом с 1920-х гг. по 1978 г. Крайними точками этого периода является предоставление автономии Эстонской Церкви томосом Константинопольского Патриарха Мелетия IV и отмена этого томоса решением Патриарха Димитрия в 1978 г.

Характер взаимоотношений между двумя Патриархатами в этот период определялся действиями митрополита Александра (Паулуса), который в 1920-х гг. проявил инициативу, попросив в Стамбуле признания автокефалии ЭПЦ, в 1940-х гг. объявил себя признанным властями единственным ответственным главою ЭПЦ, а в 1948 г. в Стокгольме учредил Синод для управления 17 эстонскими приходами, расположенными в 6 странах.

Исследуя события указанного периода, можно заметить, как постепенно усиливалось влияние Константинопольского Патриархата на ЭПЦ, которая изначально полностью относилась к Московскому Патриархату.

Так, период с 1919 по 1923 гг. в истории ЭПЦ полностью связан с деятельностью Московского Патриархата: последовательно в эти годы была учреждена независимая Эстонская епархия, затем Эстонской Церкви была предоставлена автономия, которая продолжалась до того дня, когда начинаются действия со стороны Константинопольского Патриархата. А именно: 7 июля 1923 г. вступает в действие Патриарший и синодальный акт патриарха Мелетия IV о переподчинении Эстонской Церкви Синоду Константинопольского Патриархата. Период автономии Эстонской Церкви при Константинопольском Патриархате продолжается с 1923 по 1941 гг.

В 1941 г. был выпущен акт о присоединении из бывшей Эстонской автокефалии к матери церкви Российской митр. Александра (Паулуса), однако в этом же году начинается так называемый период «эстонской схизмы», который продолжается до 1945 г. В 1948 г. митрополит Александр (Паулус) учреждает Стокгольмский Синод для управления эстонскими приходами в разных странах, и «сотрудничество» с Константинопольским Патриархатом в этот период продолжается. В частности, в 1953 г., после смерти митрополита Александра, эстонские приходы были включены в местные епархиальные структуры Константинопольского Патриархата.

Формальным прекращением вмешательства Константинопольского Патриархата в дела Эстонской Православной Церкви должно было послужить Деяние Патриарха Димитрия о прекращении действия томоса Мелетия IV от 1978 г.

Однако результаты деятельности митрополита Александра — прежде всего, томос Патриарха Мелетия IV и Стокгольмский синод — послужили основой для кампании Константинопольского Патриархата по захвату Эстонской Православной Церкви в 1990-х годах. Именно Стокгольмский синод перехватил управление ПЦЭ в начале 90-х гг. В 1993 г. установилось

сотрудничество клириков и мирян ЭПЦ (Х. Тоссо, протоиерея Э. Кирса и диакона Айвара Сарапик) со Стокгольмским Синодом. А в 1995 г. решением Константинопольского Патриарха Варфоломея был восстановлен томос Мелетия IV.

События раскола в Эстонской Православной Церкви в 1990-х гг.

Началом нового этапа конфликта между Московским и Константинопольским Патриархатами можно считать начало 1990-х гг., когда произошел перехват управления Православной Эстонской Церковью Стокгольмским Синодом, которое продолжалось с 22.08.1991 по 14.09.1993. Именно на этом этапе возникают предпосылки для будущего имущественного вопроса между двумя Патриархатами. А именно — 22.08.1991 Корнилий, епископ Таллинский, предоставил Хенно Тоссо (референту епископа по имущественно-хозяйственным вопросам) доверенность как представителю Епархиального управления по восстановлению прав собственности Православной Церкви Эстонии на отчужденное от нее имущество. Несмотря на то, что в это время активно обсуждается вопрос восстановления прав собственности Православной Церкви Эстонии на имущество в условиях создания независимого эстонского государства, в Уставе «Православного фонда», председателем которого был Х. Тоссо, эта цель упомянута не была.

Дальнейшее развитие событий, которые привели к расколу, отличается активными действиями Константинопольского Патриархата, прежде всего, личным участием Патриарха Варфоломея в эстонском вопросе. Как видно из представленного ниже хронологического обзора, действия Патриарха Варфоломея во многом представляли собой ответную и непреклонную реакцию на ту или иную инициативу Московского Патриархата.

Так, 26 апреля 1993 г. был возобновлен самоуправляемый статус ЭПЦ томосом Святейшего Патриарха Алексия. В ответ на это действие, спустя три года, томос Мелетия IV (от 1923 г.) был возобновлен святейшим Патриархом Константинопольским Варфоломеем. В этом же году на территории Эстонии учреждается «автономная православная Эстонская митрополия».

В период между 1993 и 1996 гг. также можно проследить определенные параллели в действиях двух Патриархатов. Одновременно, 29 апреля 1993 г., состоялись Собор Эстонской Православной Церкви в Пюхтицком Успенском монастыре (с вручением томоса о восстановлении автономии) и альтернативное собрание «членов приходов Апостольско-Православной Церкви граждан Эстонской Республики» под председательством клирика Константинопольского Патриархата Николая Суурсеета.

17 ноября 1993 г. состоялся Собор Эстонской Апостольско-Православной Церкви Московского Патриархата в таллинском Александро-Невском кафе-

дральном соборе. Во время Собора был принят Устав ЭАПЦ 1935 г. Ровно через год, в ноябре 1994 г., прошла встреча делегации Московского Патриархата с патриархом Варфоломеем в Стамбуле по поводу противоправных действий Синода ЭАПЦ и нарушении прав православных верующих в Эстонии. Следующая встреча подобного уровня состоялась в феврале 1995 г. А именно: представители Константинопольского Патриархата встретились с патриархом Алексием II и архиепископом Таллинским и всея Эстонии Корнилием в Москве. Стоит отметить, что данная встреча была организована после того, как 4–6 февраля 1995 г. делегация Константинопольского Патриархата посетила Эстонию без предварительного согласования с Московским Патриархатом.

С 1994 г. начинается этап переговоров по эстонскому вопросу, во время которого представители обоих Патриархатов встречаются для обсуждения развивающегося конфликта. Кроме того, ведется активная переписка между патриархами. Анализ писем, отправленных Константинопольским патриархатом, в том числе и представителям правительственных кругов Эстонии, свидетельствует полной уверенности Патриархата в его правах в отношении Эстонской Православной Церкви. В частности, в письме, адресованном Э. Липмаа, министру по европейским делам Эстонской Республики, Патриарх Варфоломей отмечает большой интерес «к урегулированию нашим Вселенским Патриархатом вопроса, волнующего православных жителей Вашей страны» [7. С. 271]. Параллельно Константинопольский Патриархат продолжает осуществлять выбранную стратегию по упрочению контроля над Эстонской Православной Церковью.

Так, во время несогласованного с Москвой визита в феврале 1995 г. делегация Константинопольского Патриархата официально признает епископа Корнилия единственным законным архиереем всех православных в Эстонии. А 29 мая 1995 г., спустя 11 дней после того как патриарх Алексий II официально заявил о несогласии с идеей о создании на территории Московского Патриархата параллельной юрисдикции, патриарх Варфоломей объявляет о неизбежности восстановления прежнего канонического порядка, согласно томосу от 1923 г. Это было объявлено во время встречи патриарха Варфоломея с делегацией раскольников из Эстонии в Финляндии, посвященной вопросу устранения зависимости ЭПЦ от Москвы.

Представляет интерес официальная переписка, которая велась в отношении эстонского вопроса в июле 1995 г. Так, 12 июля 1995 г. патриарх Алексий II получил письмо от патриарха Варфоломея, в котором содержались обвинения в «антиканонических деяниях», совершавшихся «по указке и под давлением тоталитарного атеистического режима» [4. С. 263]. Ответное письмо, опровергающее данные обвинения, было отправлено патриархом Московским и всея Руси Алексием II Патриарху Константинопольскому Варфоломею 20 июля.

Начало 1996 г. ознаменовало собой кульминационную точку в назревшем конфликте между двумя Патриархатами. 3 января состоялись

переговоры делегации РПЦ, возглавляемой митрополитом Кириллом, с Константинопольской стороной по урегулированию ситуации в Эстонии. Было принято следующее общее решение: все православные приходы в Эстонии независимо от их канонического самоопределения должны быть зарегистрированы как правопреемники соответствующих довоенных приходов. На следующий день, 4 января, выходит послание Константинопольского Патриархата православным общинам Эстонии. В послании объявляется о планируемом возобновлении автономии ЭАПЦ на основе томоса Патриарха Мелетия IV от 1923 г и разделении приходов на две юрисдикции. Протест против этого послания Константинопольского Патриархата был высказан Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в его послании православной пастве Эстонии 17 января 1996 г. Несмотря на это, 20 февраля 1996 г. Патриарх Варфоломей подписал «Патриарший и Синодальный акт о возобновлении действия Патриаршего и Синодального томоса от 1923 г. об Эстонской православной митрополии». Крайняя точка конфликта отразилась в событии временного прекращения евхаристического общения между Константинопольским и Московским Патриархатами с 23 февраля по 16 мая 1996 г.

В целом действия Константинопольского Патриархата в период 1990-х гг. отличаются решительностью, граничащей с агрессивностью, а принимаемые им решения изначально не предполагали согласования и дальнейшего обсуждения с Московским Патриархатом.

Стоит отметить, что наводят на определенные размышления отдельные факты из биографии патриарха Варфоломея, отставного офицера турецкой армии, который, по свидетельству недавно рассекреченных документов, был избран на пост патриарха при содействии США [9]. Патриарх Варфоломей с середины 1990-х гг. конфликтует с Русской Православной Церковью: «сперва в Эстонии, которую объявил „своей территорией“. А потом, в 2018, на Украине — где вопреки канонам легализовал местных раскольников» [9], — сообщает информационное агентство РИА Новости. Критическую оценку личности Патриарха Варфоломея дает и митрополит Волоколамский Иларион, который отмечает, что Константинопольский Патриархат действует под руководством США и финансируется американцами: «Патриарх Варфоломей является частью большого геополитического проекта — проекта, направленного на дальнейшее ослабление России» [5].

Таким образом, пик конфликта между двумя Патриархатами, который выливается в окончательный раскол в Эстонской Православной Церкви, приходится на начало 1996 г. В начале января в результате переговоров между Московским и Константинопольским Патриархатами было выработано общее решение о необходимости регистрации всех православных приходов как правопреемников соответствующих доходов. На следующий день патриарх Варфоломей объявляет о скором возобновлении автономии ЭАПЦ и разделе-

нии приходов на две юрисдикции, а через две недели подписывает соответствующий акт.

После разрыва евхаристического общения между двумя Патриархатами и его восстановления в том же 1996 г. в течение нескольких лет ведутся переговоры делегаций Московского и Константинопольского Патриархатов. В рамках этих переговоров было принято общее решение о предоставлении свободы выбора для православных эстонцев их юрисдикционной принадлежности. На фоне этого соглашения константинопольская сторона проводила обширную агитацию среди православных эстонских общин. Параллельно, «при поддержке государственных структур Эстонии продолжалась регистрация приходов в константинопольской ЭАПЦ» [2. С. 65].

Кроме того, важнейшим вопросом обсуждений между двумя Патриархатами стало выполнение Цюрихского соглашения 1996 г., согласно которому предполагалось двустороннее сотрудничество, направленное на предоставление имущественных прав всем православным эстонцам. «Приходилось констатировать, что Константинопольский Патриархат всячески затягивает исполнение достигнутых в Цюрихе договоренностей» [2. С. 78], — отмечает протоиерей Николай (Балашов).

Взаимоотношения между двумя Патриархатами в условиях мирового политического кризиса 20-х гг. XXI в.

Итак, поведение Константинопольского Патриархата в XX веке в отношении к Эстонской Церкви свидетельствует о стремлении Патриархата расширить территорию его влияния за счет присоединения новой территории. В целом антиканоничные действия Константинопольского Патриархата проявились «в поддержке раскола православия в Эстонии» [10. С. 1].

Последствия раскола в Эстонской Православной Церкви, произошедшего в конце прошлого столетия, продолжают и принимают новый оборот в XXI веке.

Территория Эстонии, как отмечает митрополит Таллинский и всея Эстонии Евгений, послужила для Константинопольского патриархата «испытательной площадкой для подготовки экспансии на Украину» [6. С. 4]. Об этом же говорит и протоиерей Николай Балашов, когда отмечает, что возобновление томоса 1923 г. представляет собой «приготовления к незаконному вторжению Константинопольского Патриарха на Украину двумя десятилетиями позднее» [1].

В дополнение к вышеприведенным комментариям можно добавить, что если в ситуации с Украиной можно проследить определенную историческую связь между Киевской и Константинопольской митрополиями, то в отношении Эстонской Православной Церкви у Константинопольского Патриархата никогда не было никаких исторических прав на эту территорию. Несмотря на это, сам

Константинопольский патриархат считает, что эстонское Православие провело под омофором Вселенского Патриархата 429 лет, поскольку «по крайней мере до 1459 г. вся Русская Православная Церковь находилась под омофором нашей Матери Церкви Константинопольской» [8. С. 276].

В условиях мирового политического кризиса 2022 г. конфликт между двумя Патриархатами обостряется. Эстонская Православная Церковь Московского Патриархата подвергается усиленным нападкам в средствах массовой информации. Этим нападкам противостоит митрополит Таллинский и всея Эстонии Евгений, который 17 августа 2022 г. обратился к своей пастве с наставлением молиться об Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата словами молитвы, специально утвержденной во время заседания Таллинского Епархиального Совета 15 августа 2022 г. Немного ранее, 12 августа, на официальном сайте Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата был опубликован ответ Церкви на статью эстонского историка А. Крааса «Церковный раскол или воля Москвы?», в которой относительно истории Православия в Эстонии содержатся «либо выдумки, либо искаженное преподнесение фактов и голословные утверждения» [3]. В опровержении на эту статью подчеркивается, что существование на территории Эстонии двух церковных структур обусловлено «совместными усилиями раскольников и недобросовестных госчиновников» [3].

Усиление нападков на Эстонскую Православную Церковь в 2022 г. отражается и в открытых заявлениях отдельных представителей Эстонской Православной Апостольской Церкви, в частности, «экумениста» Орентия Кампуса, который в апреле назвал Московский Патриархат преступной организацией и призвал правительство Эстонии устранить Церковь, относящуюся к Московскому Патриархату [11].

Заключение

Проведенный обзор хронологии конфликта в Эстонской Православной Церкви свидетельствует о том, что раскол 1990-х гг. — это результат стратегии Константинопольского Патриархата, осуществление которой возможно только при поддержке эстонского правительства.

Сравнивая стратегию Константинопольского Патриархата в отношении эстонского вопроса, можно заметить, что если в 20-х гг. XX в. патриарх Мелетий IV просто воспользовался сложной политической ситуацией, связанной с отделением Эстонии от России, где установилась советская власть, то в 90-х гг. налицо схема по захвату территории влияния. Использование Стокгольмского «синода» как организации, состоящей из нескольких человек, и более того, расположенной на территории другого государства, апелляция к русофобии эстонского правительства и другие инструменты — все это привело к формированию псевдоцерковной организации и ее признанию.

Очевидно, что выход из создавшегося конфликта возможен только при сотрудничестве церкви и государства. Стоит отметить, что особенно-сти политической обстановки таковы, что Москва имеет рычаги влияния, чтобы надавить на эстонское правительство и выдвинуть соответствующие условия. В XXI веке, в условиях завершения европейских дотаций и мирового политического кризиса в целом, Эстония может быть заинтересована в развитии отношений с Россией, что, возможно, принесет стране дополнительные источники дохода в виде инвестиций и транзита. Для этого эстонскому правительству, прежде всего, следует определиться, в какой мере возвращение исторических прав Эстонской Церкви Московского Патриархата является более выгодным для государства, чем сотрудничество с Константинопольским Патриархатом.

Библиографический список

1. Автономия Эстонской Православной Церкви: страницы истории. Доклад заместителя председателя ОВЦС Московского Патриархата протоиерея Н. Балашова. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5725898.html> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Балашов Н., прот., Прекуп И., прот. Мораль и право vs политическая целесообразность? Из истории церковно-государственных отношений в Эстонии // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX в. / Отв. ред. Г.П.Мурашко, А.И.Филимонова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 45–101.
3. Возражение на систематические нападки в адрес Эстонской Православной Церкви. URL: <https://orthodox.ee/articles/vozzrazhenije-na-sistematicheskije-napadki-v-adres-epcnp/> (дата обращения: 01.09.2022).
4. Из Письма Патриарха Константинопольского Варфоломея Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II от 12 июля 1995 г // Православие в Эстонии / ред. прот. Н. Балашов, С.Л. Кравец. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 2. С. 263–264.
5. Митрополит Волоколамский Иларион: Над Поместной Православной Церковью нет какой-либо иной власти, кроме власти Самого Бога. URL: <http://xn--80aaxb5ahcm5a5h.xn--p1ai/db/text/5330417.html> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Осмысление уроков новейшей истории Православия в Эстонии // Православный собеседник: специальный выпуск. 2022. Т. 51. № 2. С. 2–6.
7. Письмо Патриарха Константинопольского Варфоломея министру по европейским делам Эстонской Республики Э. Липмаа от 25 июля 1995 г // Православие в Эстонии / ред. прот. Н. Балашов, С.Л. Кравец. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 2. С. 270–271.
8. Письмо Патриарха Константинопольского Варфоломея Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II от 3 сентября 1995 г. // Православие в Эстонии / ред. прот. Н. Балашов, С.Л. Кравец. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 2. С. 273–286.
9. План «Патриарх»: с кем «агенты ЦРУ в рясах» затеяли большую игру. URL: <https://ria.ru/20211213/spetssluzhby-1763180351.html> (дата обращения: 01.09.2022).
10. Суть и причина разделений, происходящих в православном мире // Православный собеседник: специальный выпуск. 2022. Т. 51. № 1. С. 1.
11. Avalik Palve. Orenti Kampus: Vabariigi valitsus, palun keelake Eesti territooriumil Moskva patriarhaadi tegevus. URL: <https://epl.delfi.ee/artikkel/96328365/avalik-palve-orenti-kampus-vabariigi-valitsus-palun-keelake-estti-territooriumil-moskva-patriarhaadi-tegevus> (дата обращения: 01.09.2022).

References

1. Autonomy of the Estonian Orthodox Church: pages of history. Report by Archpriest Balashov, deputy chairman of the Moscow Patriarchate DECR. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5725898.html> [Accessed: 01.09.2022]. (In Russ.).
2. Balashov N., Archpriest; Prekup I., Archpriest. Moral and Legal vs Political Expediency? From the History of Church-State Relations in Estonia. State and Church in the USSR and East European Countries during the Political Crises of the Second Half of the 20th Century. Edited by G.P. Murashko, A.I. Filimonova. Moscow: Institute of Slavonic Studies of RAS; St. Petersburg: Nestor-History, 2013, p. 45–101. (In Russ.).
3. Objection to systematic attacks against the Estonian Orthodox Church. Available from: <https://orthodox.ee/articles/vozzrazhenije-na-sistematicheskije-napadki-v-adres-epcmp/> [Accessed: 01.09.2022]. (In Russ.).
4. From a letter by Patriarch Bartholomew of Constantinople to Patriarch Alexis II of Moscow and All Russia written on July 12th, 1995. Orthodoxy in Estonia. Edited by Archpriest N. Balashov, S.L. Kravets. Moscow: Orthodox Encyclopedia; 2010. V. 2, p. 263–264. (In Russ.).
5. Metropolitan Hilarion of Volokolamsk: There is no authority over the Local Orthodox Church except that of God Himself. Available from: <http://xn--80aaxb5ahcm5a5h.xn--plai/db/text/5330417.html> [Accessed:01.09.2022]. (In Russ.).
6. Reflecting on the lessons of recent history of Orthodoxy in Estonia. *Orthodox Interlocutor: special edition*. 2022;51(1):2–6. (In Russ.).
7. Letter from Bartholomew, Patriarch of Constantinople to Eduard Lipmaa, Minister for European Affairs of the Republic of Estonia from July 25th, 1995. Orthodoxy in Estonia, eds. Moscow: Orthodox Encyclopedia; 2010. V. 2, p. 270–271. (In Russ.).
8. Letter of Bartholomew of Constantinople to Patriarch Alexiy II of Moscow and All Russia, September 3rd, 1995. Orthodoxy in Estonia. Edited by Archpriest N. Balashov, S.L. Kravets. Moscow: Orthodox Encyclopedia; 2010. V. 2, p. 273–286. (In Russ.).
9. Plan “Patriarch”: who the “CIA agents in cassocks” started the big game with. Available from: <https://ria.ru/20211213/spetssluzhby-1763180351.html> [Accessed: 01.09.2022]. (In Russ.).
10. Essence and reason for the divisions taking place in the Orthodox world. *Orthodox Interlocutor: special issue*. 2022;51(1):1. (In Russ.).
11. Avalik Palve. Orenti Kampus: Vabariigi valitsus, palun keelake Eesti territooriumil Moskva patriarhaadi tegevus. Available from: <https://epl.delfi.ee/artikkel/96328365/avalik-palve-orenti-kampus-vabariigi-valitsus-palun-keelake-estti-territooriumil-moskva-patriarhaadi-tegevus> [Accessed: 01.09.2022]. (In Russ.).

Информация об авторе:

Кудласевич Николай Николаевич — аспирант кафедры истории церкви, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: nikola3.3@mai.ru. ORCID: 0000-0003-0511-2901

Information about the author:

Kudlasevich Nikolai Nikolaevich — postgraduate student of the Department of the Church History, Lomonosov Moscow State University, e-mail: nikola3.3@mai.ru. ORCID: 0000-0003-0511-2901

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-207-215

EDN: XTRXOT

Научная статья / Research article

«Страсбургские чудеса Пресвятой Марии» и влияние городского собора на паломничества в Эльзасе в XIII в.

Л.М. Корбан, Е.А. Попова

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 e-popova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы обуславливается исторической преемственностью культурных традиций и моделей религиозного почитания объектов духовного наследия в городской среде, а также их вариативностью, в зависимости от конкретных обстоятельств. Цель исследования — выявить формы влияния уникального места концентрации духовной жизни — Страсбургского собора Девы Марии на индивидуальные стратегии средневековых паломников в конкретном регионе. Особый интерес в процессе исследования представляют записи из сочинения «Страсбургские чудеса Пресвятой Марии», содержащие эпизоды чудесных событий и исцелений, имевших место в страсбургской кафедральной церкви в 1280 г. В ходе анализа этого и других исторических сочинений мы получили представление о культурном восприятии паломниками процесса строительства собора, их религиозном досуге и взаимодействии с горожанами и городской средой. Выяснено, что при взаимодействии паломников и городских жителей с конкретным местом концентрации духовной жизни, с учетом масштаба его культурного и религиозного значения для региона, наблюдаются особые, экзальтированные формы религиозной деятельности — публичные заявления о чудесных исцелениях и т. п. Акт «чуда», в свою очередь, превращается в церемонию, участие в которой обладает высокой социальной ценностью и представляет главный интерес для зрителей и свидетелей. Исследование расширяет существующие научные представления о формах и особенностях средневекового католического благочестия, дополняя их общую картину эпизодом взаимодействия верующих с уникальным религиозным объектом.

Ключевые слова: духовная жизнь, средневековый город, средневековый урбанизм, собор

История статьи: Поступила в редакцию: 13.10.2022. Принята к публикации: 08.02.2023.

© Корбан Л.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Корбан Л.М., Попова Е.А. «Страсбургские чудеса Пресвятой Марии» и влияние городского собора на паломничества в Эльзасе в XIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 207–215. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-207-215>

“Strasbourg Miracles of the Blessed Mary” and the Influence of the City Cathedral Church on Pilgrimages in Alsace in the 13th Century

L.M. Korban, E.A. Popova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
117198, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia

 e-popova@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the historical continuity of the cultural traditions and models of religious worship of objects of spiritual heritage in the urban habitat as well as their [traditions and models] variability depending on the particular circumstances. The purpose of the study is to identify the forms of influence of a unique place of concentration of the spiritual life namely the Strasbourg Cathedral of the Virgin Mary on the individual strategies of medieval pilgrims in the particular region. During the process of research the particular interest presents the writing “Strasbourg Miracles of the Blessed Mary” containing episodes of the miraculous events and healings which took place in the Strasbourg Cathedral church in 1280. In the process of analyzing this and other historical writings we got an overview of the pilgrims' cultural perception of the Cathedral construction process, their religious leisure and interaction with urban dwellers and habitat. It was found that in the process of engagement between pilgrims and urban dwellers with a specific place of concentration of spiritual life (taking into account the scale of its [place] of cultural and religious significance for the region) there are seen special, exalted forms of religious activity namely public statements about the miraculous healings etc. The act of “miracle”, in its turn, becomes into a ceremony where a participant has a high social value and presents the primary interest for spectators and witnesses. Thus, the study expands the existing scientific ideas about the forms and peculiarities of the medieval Catholic piety completing their general picture by an episode of the faithful's interaction with a unique religious object.

Keywords: spiritual life, medieval city, medieval urbanism, cathedral

Article history: Received: 13.10.2022. Accepted: 08.02.2023.

For citation: Korban L.M., Popova E.A. “Strasbourg Miracles of the Blessed Mary” and the Influence of the City Cathedral Church on Pilgrimages in Alsace in the 13th Century. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(2):207–215. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-207-215>

«Страсбургские чудеса Пресвятой Марии» — сочинение из группы исторических документов под общим наименованием «кодекс Элленхарда». В основу повествования легли эпизоды чудесных событий и исцелений, имевших место в страсбургской кафедральной церкви в 1280 г. Впервые они были пись-

менно зафиксированы местным священником, опираясь на заметки которого, нотариус страсбургской курии Готфрид из Энсмингена десять лет спустя написал свой труд.

Записи последовательно охватывают период с 28 июля по 29 сентября («с воскресенья после праздника блаженного апостола Иакова до следующего за ним праздника блаженного Михаила»). Описание большей части инцидентов сопровождается сведениями об участниках (городских и сельских жителях разных сословий), в том числе топографическими наименованиями, опираясь на которые можно рассмотреть географию движения паломников к Страсбургу и получить представление об ареале и культурно-социальной основе его влияния как локального паломнического центра в конкретный исторический период и в связи с конкретным историческим обстоятельством.

Таким образом, мы рассматриваем средневековые паломничества (в отдельно взятом регионе), в контексте их корреляции с возникновением нового, уникального места концентрации духовной жизни и его религиозной и светской спецификой. В этой связи нам необходимо очертить форму влияния места на индивидуальные стратегии паломников в разных обстоятельствах, учитывая при этом роль нарративного источника и его заказчика в изложении и передачи информации.

Мы также умышленно ввели в исследование нейтральное и обобщенное понятие «места концентрации духовной жизни», подчеркивая центральную роль города и горожан, в качестве независимых акторов взаимодействий с церковными институтами, самостоятельно наделяющих ту или иную часть городского пространства статусом места концентрации духовной жизни. Таким образом, оно [место] — всякое строение, территория и объект, связанный с отправлением горожанами религиозных обрядов и прочих действий духовного характера, свойственных средневековому благочестию.

Для дальнейшей интерпретации полученных сведений необходимо пояснить ключевой момент, связанный с пунктом назначения всех перечисленных в источнике паломничеств. Речь идет о знаменитом ныне кафедральном соборе Страсбурга, который в это время находился на стадии активного строительства. Так, в 1277 г. страсбургский епископ Конрад обратился к верующим с просьбой о посильной помощи в строительстве и пообещал даровать прибывшим рабочим индульгенции [1. С. 42]. Филипп Грандидье сообщает о множестве людей, откликнувшихся на призыв церкви и направившихся в Страсбург даже из отдаленных областей Австрии. Вместе с тем он пишет об эффекте, который чудесные исцеления в соборе оказали на внимание верующих к его строительству [1. С. 42]. В нашем представлении религиозное возбуждение, вызванное строительством собора и дарованным отпущением грехов, спровоцировало распространение слухов о чудесах, совершаемых по воле покровительницы Страсбурга — пресвятой Девы Марии. Потому всплеск интереса паломников к городу мы будем рассматривать преимуще-

ственно с перспективы возведения нового, уникального места концентрации духовной жизни. Разумеется, невозможно отрицать или даже игнорировать существенные изменения в социокультурной жизни региона (в том числе в исследуемой сфере), вызванные политическими последствиями минувшей борьбы городских жителей Эльзаса с сеньориальным господством епископов Страсбурга, однако наше научное устремление направлено в более узкую (быть может ограниченную) сферу, готовящую почву для дальнейших исследований большей компетенции.

Топонимы, приведенные в источнике, весьма разнообразны. Это крупные культурные и политические центры, такие как Кельн или Вормс [2. Р. 115–116], малые города недалеко от Страсбурга или монастыри в разных уголках Эльзаса. И те и другие равно важны для нашего исследования, и, тем не менее, в записях наиболее часто (исключая случаи исцеления жителей Страсбурга) упоминаются небольшие города в радиусе 25–30 километров от Страсбурга. При этом основная их часть располагается на западе и северо-западе (Дюнценхайм, Маурсмюнстер и др.). Далее следуют также небольшие населенные пункты, расположенные, однако, на более значительном удалении от Страсбурга, в том числе на востоке (в Бадене и Вюртемберге) [2. С. 117] и юге (в Швейцарии) [2. С. 116]. На третьем месте по частоте упоминаний располагаются крупные и средние города на севере и востоке от Страсбурга, стоящие на реке Рейн (Кельн, Вормс) или находящиеся в небольшом отдалении от нее (Аахен, Фрейбург). Наконец, монастыри встречаются в источнике примерно столько же раз, сколько и крупные города, и речь, как правило, идет об обителях к юго-востоку (до Фрайбурга) и северо-востоку от Страсбурга, по ту сторону Рейна. Также два монастыря располагаются на западе, в пределах тридцати километров от города.

Итак, является ли обозначенный нами ранее ареал наиболее явных эпизодов паломничества из городов, лежащих в радиусе 30 км вокруг Страсбурга, постоянным?

Первые сведения о чудесах касаются исключительно жителей Страсбурга [2. Р. 114–115], однако по прошествии некоторого небольшого промежутка времени (вероятно, нескольких дней)¹ мы начинаем сталкиваться со случаями исцеления людей, прибывших из отмеченных нами городов (Дангольсхайм, Бишофсхайм) [2. Р. 114–115]. Вполне вероятно, что к тому времени слухи уже распространились по ближайшим населенным пунктам, однако это не дает повода однозначно утверждать, что прежде в Страсбурге отсутствовали паломники. Так, например, мы почти в самом начале читаем об исцелении мальчика из Невиллера — города в значительном удалении от Страсбурга (136 км)

¹ Нельзя точно датировать каждый отдельный случай исцеления. В источнике указано начало совершения чудес (28 июля) и их конец (29 сентября). Мы знаем также, что примерно в конце первой четверти/трети совершенных чудес говорится о том, что с их начала минуло только тринадцать дней.

[2. С. 114]. Далее следует заметка о женщине из Нидерландов, вернувшей себе зрение [2. С. 115]. В тексте источника мы также встречаем историю хромого мужчины из Саарбурга (60 км на запад от Страсбурга), неоднократно просившего ранее «блаженного Николая у ворот» (церковь Св. Николая), а значит уже посещавшего город с целью паломничества [2. С. 116].

Вместе с тем мы точно знаем, что часть изложенных в источнике эпизодов паломничества мотивировалась непосредственно слухами о происходящих в городе чудесах. В записи, касающейся исцеления слепой женщины из Венденхайма (около 20-ти километров к западу от Страсбурга), прямо говорится — «когда и там стало известно о чудесах Преславной Девы, один воин по имени Х. Хофмессер сказал ей: „Мать, ты должна пойти к Пресвятой Деве в Страсбург; и как другие люди, так и ты обретешь там милость“» [2. С. 115].

Существование прежде активных и постоянных перемещений паломников из крупных городов, названных в источнике, в Страсбург маловероятно. Вормс и Аахен обладают собственными реликвиями и местами концентрации духовной жизни, и факт того, что их упоминания встречаются практически в самом конце записей [2. Р. 116–117], указывает на слухи о чудесах как главную причину этих паломничеств. Вместе с тем, связывая кратковременный приток большого числа паломников для исцеления с долговременным процессом строительства и эксплуатации великолепного собора, мы можем предположить, что город начинал постепенно привлекать больше верующих, желавших увидеть и посетить столь значимое для средневековой христианской культуры место.

Эпизод, уже упомянутый ранее, развивает наше предположение: за шестнадцать лет до описываемых событий некая женщина, страдающая от слепоты, отправилась в сопровождении сына из Кельна в обитель блаженной Одилии Гогенбургской. В городке Венденхайм мужчина оставил мать и скрылся, так что той пришлось жить на попечении местных жителей, вплоть до того, как слухи о чудесах „Преславной девы“ не дошли до этих мест. Тогда, отправившись в Страсбург, женщина получила долгожданное исцеление, за что „все дружно воздали благодарность Всевышнему и Пресвятой Деве“ [2. С. 115].

Значимость фигуры Одилии Эльзасской и монастыря Гогенбург для духовной жизни региона и других областей (Кельн располагается примерно в 300-х километрах на Севере) бесспорна (сам Карл Великий посетил некогда гробницу святой и взял оттуда частицу ее руки). Тем не менее в тексте источника отсутствуют какие бы то ни было сведения о пребывании слепой женщины в обители блаженной. Даже если сын целенаправленно бросил ее по пути в монастырь, остается неясным, почему за 16 лет она так и не посетила Гогенбург, расположенный на расстоянии всего пятидесяти километров от Венденхайма. И даже если женщина побывала в обители, отсутствие упоминаний об этом указывает на тщетность ее стараний.

Мы полагаем, что данный отрывок иллюстрирует стремление авторов подчеркнуть собственную значимость Страсбурга как духовного и паломнического центра, способного конкурировать с иными религиозными достопримечательностями в регионе. Например, из анналов Кольмара нам известно, что вскоре после появления первых слухов об исцелениях: «Наплыв [народа] в [долину] Леберталь, к святому Эгидию², прекратился и двинулся к Страсбургу, потому что, как говорили, Святая Дева свершала там многочисленные чудеса» [3. С. 40]. Грандидье пишет, что одновременно с тем, как в XIII в. в упадок пришли местные серебряные шахты, паломничества в Эшери прекратились [4. С. 14] и, вполне вероятно, свой вклад в это внес страсбургский кафедральный собор (в любом случае Страсбург получил приток новых паломников). В пользу такого тезиса также говорит случай воскрешения мальчика из Фрейбурга, которого сначала положили там на алтарь святого Николая, но он так и не ожил; затем его положили на алтарь Пресвятой Девы, и он был возвращен к жизни [2. С. 116]. Данный акцент не кажется нам случайным, поскольку довольно явно указывает на особую роль небесной покровительницы Страсбурга в духовной жизни региона и прилегающих к нему областей. К слову, предположения такого рода подкрепляются личностью самого заказчика и идейного вдохновителя «записей» — прокуратора фабрики страсбургской церкви — Элленхарда Великого [2. С. 92], то есть человека, непосредственно возглавлявшего хозяйственное обеспечение строительства собора.

Наконец, нельзя пройти мимо еще одного любопытного последствия исцелений верующих в Страсбурге для духовной жизни региона. В анналах Кольмара вместе с упоминанием страсбургских чудес говорится: «На неделе после праздника святого Августина была большая давка [народа] у большого монастыря в Кольмаре из-за чудес, которые там происходили» [3. С. 40]. Вероятнее всего, религиозная экзальтация на фоне слухов о чудесах в Страсбурге достигла таких масштабов, что известия о них стали приходить из прочих городов и монастырей, привлекая также паломников, пусть и в меньшем количестве.

Взаимодействие верующих с городом и городской средой, в рамках всплеска паломничества, в источнике представлено сообразно его специфике — акценту на самих чудесах и их божественной составляющей. За кадром авторского изложения остается большинство сведений, раскрывающих экономические отношения города и паломников: снабжение прибывших пищей, деятельность мясников и т. д. То, что все же предстает перед нами, касается в основном пожертвований и благодарностей от людей, получивших желанное исцеление. С другой стороны, исследователю открываются социальные интеракции паломни-

² Имя было искажено переводчиками. По словам Ж. Либлина, речь идет о гробнице св. Эке-риха в Эшери.

ков с горожанами Страсбурга и их согражданами; символические и духовные действия очевидцев и участников чудесных событий, подчас личные, но бесспорно направленные к месту концентрации духовной жизни.

Итак, народ в источнике предстает перед нами полноправным актором процесса сотворения чуда, наблюдая его и своим присутствием подтверждая правдивость и значимость случившегося. В тексте мы неоднократно сталкиваемся со словами «на виду у всего народа» [2. С. 116], завершающими сотворенное чудо. Как правило, сам субъект явления обращается к горожанам, с целью засвидетельствовать случившееся, даже если те не присутствовали при самом чуде. Так, например, мужчина, укравший топор, вошел с ним храм и не мог выйти до тех пор, пока не пообещал вернуть его владельцу. Затем они вместе с хозяином топора пришли и рассказали об этом народу [8. С. 114]. При этом наблюдатели порой также по собственной инициативе поручаются за знакомого исцеленного, как это было в случае с хромой женщиной из Мармутье, правдивость слов которой подтвердил прокуратор местной фабрики [2. С. 116].

Горожане также эмоционально сопереживают страждущему и исцеленному, плача от горя и радости. В источнике мы читаем о хромом из Саарбурга, слезно просящем Богоматерь позволить ему умереть, на глазах у рыдающих очевидцев [2. С. 116], или о плачущих от радости соседях прозревшей женщины из Дунценхайма [2. С. 115].

Косвенными участниками чудесных событий также являются сограждане исцеленных, прибывших из других городов. Из текста источника следует то, что известие о счастливом избавлении их товарища от недуга, как правило, объединяет людей и побуждает их организовать торжественную процессию-паломничество в место свершившегося чуда, дабы воздать хвалу Деве Марии. Впечатляет случай массового паломничества жителей Мармутье (по словам автора — всех, в том числе аристократов) и монахов одноименной обители в Страсбург, после полученного известия об исцелении хромой женщины. Те «почтительно пришли босиком и с мощами и торжественно пропели мессу в честь Пресвятой Девы» [2. С. 116]. Остальные подобные случаи не обладают таким размахом, однако в них жители также отправляются в Страсбург — прославить Богоматерь. Поскольку обычные паломничества были зачастую связаны с данными местным святым обетами, такие массовые богомолья из благодарности и преклонения перед Девой Марией вполне могли увеличивать число обетов и, соответственно, привлечь больше верующих в Страсбург во время праздников и иных религиозных событий.

Стоит также отметить, что порой слухи о чудесах производили эффект, кажущийся нам двусмысленным или, по меньшей мере, странным. Так, евреи Мармутье, услышав о прозрении слепой из их города, пообещали креститься, если это окажется правдой [2. С. 116]. Такое едва ли возможно себе представить, особенно на фоне растущего в регионе антисемитизма, упоми-

нения проявлений которого мы с избытком наблюдаем в больших анналах Кольмара. В действительности это больше похоже на конъюнктурное утверждение составителем документа доминирования христианства над иудаизмом, что в целом является интересной интерпретацией автором описываемых событий.

Наконец, перейдем к более индивидуализированным формам взаимодействия паломников с городской средой и местом концентрации духовной жизни.

Распространенная в средние века практика вотивных подношений³ представлена в источнике довольно широко. Как правило, это традиционные костыли исцеленных, оставляемые ими у церкви [2. С. 115], однако вместе с тем встречаются весьма необычные дары. Так, например, мы читаем историю миннезингера, схваченного в землях графа Юлихского и пообещавшего в случае своего спасения прийти к Пресвятой Деве. Получив просимое, он оставил свою виолу у собора, в знак правдивости случившегося. Дары такого рода выступают, по словам Н.Ф. Ускова, «зримым свидетельством чудодейственности местных святынь» [5. С. 203], а значит добавляют штрих к картине облика местного духовного центра.

Пожертвование — также традиционная религиозная практика, встречается нам в тексте источника лишь однажды. Прозревшая женщина из Дунценхайма вернулась в собор вместе с соседями и «пожертвовала на ризницу 22 кварталы хлеба и после ежегодно платила за себя Пресвятой Деве ценз — один ливр воска» [2. С. 115]. В действительности, donация (особенно длящаяся), вероятнее всего, закрепляла поминание сделавшего ее человека во время церковных служб; являлась символическим свидетельством заслуги верующего перед приходом и богом. И правда, автор упоминает прозвище женщины — «из Ранде», чего, кстати, в записях удостаиваются всего несколько исцеленных горожан Страсбурга (простые паломники, конечно, также жертвовали на строительство и обслуживание храма, однако в центре повествования записей находятся непосредственные участники чудес).

Подводя итог рассмотрению связи отдельно взятого места концентрации духовной жизни с индивидуальными стратегиями городского населения в рамках религиозных церемоний, мы отмечаем отсутствие концептуального деления в них [стратегиях] на светские и религиозные стороны. Эпизоды исцелений, чудес и шествий подчеркивают связь между формой и содержанием явления, в котором внутренняя духовная составляющая фиксируется внешним, драматическим свидетельством христианского благочестия. При этом возможные досуговые и развлекательные аспекты паломничества стираются значимостью имевших место событий, поскольку социальной ценностью

³ Символическое подношение богу или святому предмета, олицетворяющего исполнение духовного обета, взятого на себя.

и интересом обладает религиозно-экзальтированное соучастие чуду. В этой связи особо выделяется публичный характер актов религиозной деятельности. Паломничество из индивидуального и личного явления легко переходит в разряд общественных и даже массовых. Совместное шествие к собору жителей населенного пункта словно фиксирует общее почтение социальной группы (в том числе в эпизоде с крещением евреев) местной, страсбургской святыне, которая возвышается над прочими общественными интересами ее представителей. Нарративная специфика источника, в свою очередь, рисует (в метафорическом представлении) картину возникающего в темноте повседневной жизни света веры, к которому из окрестных селений тянутся страждущие и убогие, возвращая затем часть божественной благодати домой. Стремление автора зафиксировать духовную значимость родного города перемежается с общей потребностью в привлечении жертвователей и работников для идущего строительства, которое также представляется непрерывной религиозной акцией, требующей общественного доверия и внутренних, духовных усилий.

Библиография / References

1. Grandidier PA. Essais Historiques Et Topographiques Sur L'Église Cathédrale De Strasbourg. Strasbourg; 1782.
2. Ellenhardi. Argentinensis annales et chronica. Ed.Ph. Jaffé (Tab. I). MGH, SS. Bd. XVII. Hannover., 1861.
3. Annalen und Chronik von Kolmar. Übersetzt von H. Pabst. 2. Auflage. Neu bearbeitet von Wilhelm Wattenbach. Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit. 2. Ausgabe. Band 75. Leipzig., 1897.
4. Grandidier PA. Vues Pittoresques De L'Alsace. Strasbourg; 1785.
5. Uskov N.F. Monashestvo v dukhovnoi zhizni goroda. Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. [Uskov N.F. Monasticism in the spiritual life of the city. In: City in the medieval civilization of Western Europe] Т. 2. М; 2000, p. 196–221. (In Russ.).
6. Усков Н.Ф. Монашество в духовной жизни города. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. М; 2000, p. 196–221.
7. Hunkler T. Geschichte der Stadt Colmar und umliegenden Gegend. Colmar., 1838.
8. Strobel A. Vaterländische Geschichte des Elsasses, von der frühesten bis auf die gegenwärtige Zeit. Zweite Teil. Straßburg; 1842.
9. Finke H. Ungedruckte Dominikanerbriefe des 13. Jahrhunderts. Paderborn., 1891.

Информация об авторах:

Корбан Леонид Максимович — бакалавр кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, e-mail: leoncorban@gmail.com

Попова Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, e-mail: e-popova@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-3754-3581

Information about authors:

Korban Leonid — Bachelor of the Department of World History, RUDN University, e-mail: leoncorban@gmail.com

Popova Elena A. — PhD (In History), Associate Professor of the Department of World history, RUDN University, e-mail: e-popova@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-3754-3581

ИЗ ИСТОРИИ АФРИКИ AFRICAN STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-216-232

EDN: ZLYPSU

Научная статья / Research article

«Самый замечательный человек среди арабов, суахили и полукровок»: образ Типпу-Типа в мемуарах и путевых заметках европейцев второй половины XIX в.

В.Н. Брындина

Институт Африки Российской академии наук (ИАФР РАН),
123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

 bryndina2015@yandex.ru

Аннотация. Главной целью является систематизация и представление имеющихся в письменных источниках упоминаний и описаний, касающихся личности и деятельности занзибарского дельца, одной из самых влиятельных фигур Восточной и Центральной Африки середины — второй половины XIX в. Хамеда бин Мохаммеда аль-Мурджеби, более известного как Типпу-Тип. Корпус источников составляют мемуары и путевые заметки европейских путешественников, колониальных деятелей и миссионеров, лично знавших и встречавшихся с Типпу-Типом. Рассматриваются основные черты образа Типпу-Типа, его эволюция от «самого замечательного человека среди арабов, суахили и полукровок» до «главного работорговца», олицетворения всего зла арабской работорговли, под флагом борьбы с которой происходил раздел Африки колониальными державами. Особое внимание уделяется конфликту Типпу-Типа с Г.М. Стэнли в ходе печально известной экспедиции по спасению Эмина-паши; также рассматриваются свидетельства участия Типпу-Типа и подчиненных ему людей в набегах на местное население Центральной Африки с целью захвата рабов и слоновой кости.

Ключевые слова: Типпу-Тип, Стэнли, европейские путешественники в Восточной и Центральной Африке, мемуары и путевые заметки, работорговля, маньема

История статьи: Поступила в редакцию: 05.10.2022. Принята к публикации: 07.02.2023.

Для цитирования: Брындина В.Н. «Самый замечательный человек среди арабов, суахили и полукровок»: образ Типпу-Типа в мемуарах и путевых заметках европейцев

© Брындина В.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

вт. пол. XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 216–232. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-216-232>

Информация о финансировании: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00734, <https://rscf.ru/project/22-28-00734/>

“The Most Remarkable Man among Arabs, Waswahili, and Half-Castes in Africa”: The Image of Tippu Tip in the Memories and Travelogues of Europeans in the Second Half of the 19th Century

V.N. Bryndina

The Institute for African Studies (IAS),
30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001

 bryndina2015@yandex.ru

Abstract. The main purpose of the article is to systemize and represent the references and descriptions of Hamed bin Mohammed al-Murjabi available in written sources. Hamed bin Mohammed, who is better known as Tippu Tip, was a Zanzibar merchant and one of the most influential figures in East and Central Africa in the second half of the 19th century. Corpus of sources are represented by memories and travelogues of the European explorers, colonial officials and missionaries, who personally knew Tippu Tip. The article examines the main features of his image and its evolution from “the most remarkable man among Arabs, Swahili, and Half-Castes” to “a renowned slave trader”, who embodies all evil of the Arab slave trade. The particular attention is paid to the conflict between Tippu Tip and Henry M. Stanley during the infamous Emin Pasha Relief Expedition; it is also considered evidences of Tippu Tip’s participation in raids on the local population of Central Africa in order to capture slaves and ivory.

Keywords: Tippu Tip, Henry M. Stanley, European Explorers in East and Central Africa, Memories and Travelogues, Slave-trade, Manyema

Article history: Received: 05.10.2022. Accepted: 07.02.2023.

For citation: Bryndina VN. “The Most Remarkable Man among Arabs, Waswahili, and Half-Castes in Africa”: The Image of Tippu Tip in the Memories and Travelogues of Europeans in the Second Half of the 19th Century. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(2):216–232. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-216-232>

Funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00734, <https://rscf.ru/project/22-28-00734/>

Введение

Жизнь занзибарского торговца Хамеда бин Мохаммеда аль-Мурджеби, более известного как Типпу-Тип (1837–1905), оказалась в значительной степени связана с европейскими географическими открытиями в Восточной и Центральной Африке, а также с последующей колонизацией региона.

Благодаря встречам с европейскими путешественниками, миссионерами, колониальными деятелями его образ оказался запечатлен в целом ряде источников мемуарного жанра, которые позволяют проследить отношение европейцев к этому «арабу»-мусульманину, представителю чуждой исламской цивилизации на еще более чужой и неизведанной африканской земле.

Хамед бин Мохаммед родился на Занзибаре в семье Мохаммеда бин Джумы аль-Мурджеби, араба оманского происхождения, занимавшегося торговлей и практически постоянно проживавшего в Таборе¹ [1. С. 11]. В возрасте 18 лет Хамед начал самостоятельно путешествовать и заниматься крайне выгодным на тот момент бизнесом — торговлей слоновой костью, постепенно становясь очень влиятельным дельцом в Центральной Африке. В 1860-х он распространил свое влияние над богатым слоновой костью регионом Утетера, находящимся между реками Ломани и Луалаба, и обосновался в месте под названием Касонго. Там он встретился с известными европейскими путешественниками и исследователями региона Давидом Ливингстоном, Верни Л. Камероном и Генри М. Стэнли, пришедшими туда с целью изучения рек Нил и Конго; в 1880-х земли, подконтрольные Типпу-Типу, вошли в состав Свободного государства Конго. Джером Беккер и Камиль Кокильхат, находившиеся на службе у бельгийского короля Леопольда II, оставили описания своих встреч с Типпу-Типом. В начале 1880-х он также встретился с русским путешественником немецкого происхождения Василием Юнкером и немецким исследователем Германом фон Висманом; к 1886–1889 гг. относится самый обширный пласт описаний Типпу-Типа, оставленных участниками так называемой экспедиции по спасению Эмина-паши (см. ниже) — Генри М. Стэнли, Джеймсом Джеймсоном, Эдмундом Барттелотом, Уильямом Стейерсом, Томасом Парком, Артуром Джепсоном, Джоном Троупом и Хербертом Вардом. В этот же период Типпу-Тип был запечатлен на страницах дневника Элизе Тривера, находящегося на службе Свободного государства Конго.

1867–1887 гг.: ранние свидетельства о Типпу-Типе

Первым из европейских путешественников с Типпу-Типом встретился Давид Ливингстон². В 1867 г. во время своего последнего путешествия Ливингстон, испытывая трудности, заручился поддержкой занзибарского торговца. Он написал в своем дневнике:

«Шли два с половиной часа на запад к деревне Понда, где проживает глава арабов, прозванный местными Типпу-Тип, его имя Хамед бин Мохаммед

¹ Табора — город в центральной части современной Танзании. Во второй половине XIX в. являлся одним из крупнейших торговых центров восточноафриканского региона.

² Давид Ливингстон (1813–1873) — шотландский миссионер и путешественник, внесший огромный вклад в дело изучения географии Африки. Именно Ливингстон 17 ноября 1855 г. открыл водопад Виктория.

бин Джума Бораджиб. Он вручил нам козу, кусок белого калико³, четыре большие связки бус, а также мешок сорго и извинился, так как этого было немного. Он потерял очень много в столкновении с Нсамой» [2. Р. 222–223].

Рассуждая о работорговле, он писал:

«Я рад тому, что стал свидетелем их способа торговли слоновой костью и рабами. Он противоположен жестоким методам торговцев Килвы [...] Если кто-то захочет изобразить работорговлю в ее наиболее привлекательной или как минимум менее предосудительной форме, он должен сопровождать этих джентльменов, поданных султана Занзибара. Если же кто-то хочет описать этот трафик в его самых отвратительных аспектах, он должен следовать за торговцами из Килвы, вдоль дороги на Ньяссу, или за португальскими полукровками от Тетте к реке Шир» [2. С. 260].

В 1874 г. Типпу-Тип помогал другому европейскому путешественнику Верни Л. Камерону⁴, который отправился на поиски Давида Ливингстона. Вот что путешественник написал о нем:

«Через два дня после прибытия Типпу-Тип посетил меня. Он был привлекательным человеком, величайшим денди среди торговцев, которых я когда-либо видел. Несмотря на то, что он был абсолютно черным, он являлся истинным арабом, и, как ни странно, примесь негритянской крови не делала его идеи и манеры менее арабскими [...] Он и его отец являются двумя самыми богатыми и влиятельными занзибарскими торговцами» [3. С. 270].

Камерон также касался вопроса работорговли:

«Моему комфортному пребыванию в лагере Типпу-Типа мешало количество рабов в цепях, которые встречались мне на каждом шагу, но, за исключением того, что их лишили свободы и заключили в тюрьму, чтобы те не сбежали, их жизнь была относительно легкой, и их хорошо кормили» [3. С. 280–281]; «Типпу-Тип и многие арабские торговцы утверждали, что они были бы рады найти другие средства транспортировки своих товаров вместо того, чтобы доверять рабам, но, не считая работорговлю абстрактным грехом, они пользовались имеющимися в их распоряжении средствами. Немногие рабы вывозятся из Маньемы⁵ арабами с целью получения прибыли, но их захватывают для пополнения гаремов, занятия сельским хозяйством, и для работы в качестве носильщиков» [3. С. 281].

³ Вид хлопка; в Восточной Африке XIX в. эта ткань была более известна под названием *marekani*, так как этот дешевый, но более прочный по сравнению с индийскими и английскими тканями хлопок доставлялся из Америки. В регионе выполнял важную роль одного из видов местной валюты.

⁴ Верни Ловетт Камерон (1844–1894) — английский путешественник, известный тем, что во время экспедиции 1873–1875 гг. первым из европейцев пересек Экваториальную Африку от Индийского океана до Атлантического.

⁵ Маньема — область на территории современной Демократической Республики Конго, где находилась резиденция Типпу-Типа Касонго.

В 1876 г. Генри М. Стэнли⁶, которому Типпу-Тип также помогал в ходе экспедиции, писал про него следующее:

«Последним пришел знаменитый Хамед бин Мохаммед по прозвищу Типпу-Тип. [...] Он был высоким мужчиной в самом расцвете сил, негроидной внешности, с черной бородой, прямолинейный и быстрый в движениях. Он являлся воплощением энергии и силы. У него было интеллигентное лицо, его глаза нервно подергивались, блестящие белые зубы идеальной формы. Его сопровождала большая свита молодых арабов, которые смотрели на него как на вождя. [...] С видом благовоспитанного араба и с почти придворными манерами он приветствовал меня в деревне Мвана Мамба. Его рабы были наготове с циновками и валиками, он же полулежал напротив [...]. Понаблюдав за ним несколько минут, я пришел к выводу, что этот араб был замечательным человеком — самым замечательным человеком, которого я встречал среди арабов, суахили и полукровок в Африке» [4. С. 95];

«Он был опрятен, его одежда была безусловно белой, феска совершенно новой, его талия была опоясана богатым поясом, кинжал был украшен великолепной серебряной филигранью; он был подобен арабскому джентльмену, живущему в комфорте» [4. С. 96];

«Описанный выше человек был арабом, сопровождавшим Камерона через Луалабу до Утетеры. [...] Естественно, поэтому в Ньянгве⁷ не было человека, чьи свидетельства были бы более ценными, чем свидетельства Типпу-Типа» [4. С. 96];

«Шейха Хамеда бин Мохаммеда — он же Типпу-Тип, он же Мтипула — мы уже знаем. Сегодня он мягок и вежлив, полон энтузиазма и уверен, что мы без труда добьемся успеха» [4. С. 128].

Джером Беккер⁸ встретился с Типпу-Типом в 1881 г. Он написал о нем следующее:

«Я вряд ли рассчитывал встретиться со столь важным персонажем, о котором столь подробно отзывались путешественники по африканским странам. Хамед бин Мохаммед, прозванный Типпу-Типом из-за подергивания

⁶ Генри Мортон Стэнли (1841–1904) — американский журналист британского происхождения, путешественник, наиболее известный в связи с экспедицией 1871–1872 гг., целью которой было найти Давида Ливингстона, считавшегося пропавшим без вести в Центральной Африке. Встреча с Ливингстоном в Уджиджи на берегах озера Танганьика принесла Стэнли мировую известность.

⁷ Ньянгве — город в области Маньема, в XIX в. являвшийся крупным торговым центром. Это место стало известно в Европе после публикации дневника последней экспедиции Давида Ливингстона, в котором путешественник подробно описал «резню в Ньянгве», в ходе которой арабы убили порядка 400 местных жителей.

⁸ Джером Беккер (1850–1912) — бельгийский исследователь. Находясь на службе Международной африканской ассоциации и Свободного государства Конго, возглавил ряд экспедиций в Центральную Африку.

глаз [...], только что прибыл в Табору, следуя на побережье с большим караваном слоновой кости» [5. С. 34];

«Сын араба с Занзибара и женщины из Мримы (территория Багамойо), Типпу-Тип уже десять лет живет в Маньеме. Он пользуется огромной популярностью не только на территории, находящейся под его властью, но и у соседних племен. К его огромным плантациям прикреплены тысячи рабов, которые фанатично преданы своему хозяину, а также торговле слоновой костью, все источники которой этот купец смог монополизировать. Он [...] является завоевателем и организатором, создавшим в Центральной Африке настоящую империю, где он правит как абсолютный хозяин, хотя номинально является подданным Сеййида Баргаша⁹» [5. С. 34];

«В Типпу-Типе, несмотря на смешение кровей, преобладает арабский характер, что проявляется осознанно и неосознанно в патриархальных добродетелях. Его власть над собой, его неукротимое мужество, его пронизательный ум, и наконец, постоянный успех его начинаний [...] делают его и Мирамбо¹⁰ своего рода героями, прославляемыми всеми черными рапсодами Восточной Африки. Пренебрегая роскошью [...], Типпу-Тип скромно поселился в Итуру, где [...] он живет вдали от всех политических и коммерческих интриг, как и от всякого тщеславия и хвастовства» [5. С. 35];

«Узнав, что в Чем-Чеме поселился новый европеец, Типпу-Тип поспешил навестить меня в сопровождении двух акид¹¹ и дюжины рабов, вооруженных ружьями. Сильный шум, поднявшийся снаружи, предупредил меня о приближении этой великой личности. Верхом на великолепных ослах, прибывших напрямиком из Маската, Хамед бин Хамед и его помощники шли посреди большой толпы, которая приветствовала их восторженными возгласами. Сорока лет, высокий, гибкий, крепкий и держащийся с высочайшим достоинством, Типпу-Тип сочетает в себе черный цвет лица африканца с правильностью и благородством арабского типа. Он великий лорд в высшем смысле этого слова. Его одежда состоит из просторного желтого джохо¹², тонко расшитого золотом, и рубашки ослепительной белизны» [5. С. 35];

«Я научился уважать этого человека и любить за его энергию, преданность и великодушие. Я считаю, что ему предназначено внести ценный вклад в нашу работу. На память я дарю ему непромокаемый плащ, который защитит его в пути от дождя» [5. С. 151].

⁹ Баргаш ибн Саид (1836–1888) — султан Занзибара.

¹⁰ Мирамбо (1840–1884) — вождь народа ньямвези, во второй половине XIX в. создавший сильное государство в регионе Таборы и оказывал сильное сопротивление арабским торговцам.

¹¹ Акида (суах. akida) — местный староста, мелкий администратор.

¹² Джохо (суах. joho) — мужское длинное свободное верхнее платье с вышивкой.

Герман фон Висман¹³ встретился с Типпу-Типом в 1882 г. и оставил следующие краткие заметки:

«Касонго прибыл ко мне примерно с шестьюдесятью носильщиками оружия, жалуясь на ужасы посещения южных районов полчищами Типпу-Типа» [6. С. 180]; «Низшие арабы или полукровки с побережья, не такие могущественные, как Типпу-Тип [...], часто давали более влиятельным вождям несколько ружей, с помощью которых последние охотились для них на рабов» [6. С. 190].

Камиль Кокильхат¹⁴ встретился с Типпу-Типом в 1882 г. Он написал:

«Прежде всего следует упомянуть, что в 65 километрах к юго-востоку [от Ньянгве. — В.Б.] расположена резиденция знаменитого Типпу-Типа, где этот вождь сосредоточил тысячу последователей» [7. С. 386]; «Пользуясь огромным авторитетом среди всего своего народа, этот арабский вождь хочет сравняться с европейцами в учтивости и непринужденности манер, и ему это удается» [7. С. 410].

В 1886 г. Василий Юнкер¹⁵ встретился с Типпу-Типом в Таборе. Вот что он написал:

«Не так давно в Таборе расположился лагерем караван знаменитого араба-полукровки Хамеда бин Мохаммеда, более известного как Типпу-Тип, прибывшего с караваном слоновой кости из своих владений, находящихся на крайнем западе» [8. С. 559]; «На следующее утро я позвал Типпу-Типа, которого я вскоре научился ценить как честного и решительного человека, и который, несмотря на занятие работорговлей, [был наделен. — В.Б.] определенным чувством справедливости и терпимости к чужим верованиям. Он сердечно принял меня и, к моему удивлению, я обнаружил, что он осведомлен не только о моем путешествии из Экватории¹⁶, но и о положении Эмина-паши» [8. С. 561]; «С Типпу-Типом я продолжил поддерживать дружеские отношения, и главной темой наших разговоров было положение дел в Экваториальной провинции Эмина. Он показал, что готов возглавить экспедицию в тот регион, откровенно оговорив [что готов сделать это. — В.Б.] за долю слоновой кости, которую Эмин накопил там» [8. С. 556].

Уильям Холман Бентли¹⁷ встретился с Типпу-Типом между 1884 и 1887 г. Его сообщение довольно краткое:

¹³ Герман фон Висман (1853–1905) — немецкий исследователь и колониальный деятель, в 1895–1896 гг. являлся губернатором Германской Восточной Африки.

¹⁴ Камиль Кокильхат (1853–1891) — бельгийский исследователь и колониальный служащий, в 1890–1891 гг. являлся губернатором Свободного государства Конго.

¹⁵ Василий Васильевич Юнкер (1840–1892) — русский географ и путешественник, один из первых русских исследователей Африки.

¹⁶ Экватория — южная провинция Англо-Египетского Судана.

¹⁷ Уильям Холман Бентли (1855–1905) — английский миссионер Баптистского миссионерского общества.

«В Рождественский сочельник мы посетили Типпу-Типа, который гостеприимно принял нас и спросил, не может ли он быть полезен в пересылке писем в Уджиджи¹⁸ или на восточное побережье, куда он отправлял депеши каждые две недели через Ньянгве» [9. С. 103].

Описания Типпу-Типа на данном этапе полны искреннего восхищения и признания его авторитета. Европейцы оценивают его статус очень высоко: «глава арабов», «арабский вождь», «арабский лидер» и даже «великий лорд». Они подчеркивают, что Типпу-Тип — известная личность, и выделяют его на фоне других, пишут о нем как о «знаменитом арабе-полукровке», «самом богатом и влиятельном занзибарском торговце», а также называют его «величайшим денди среди торговцев». Европейцы также отмечают, что «примесь африканской крови» не мешает ему быть «истинным арабом» и «арабским джентльменом». Характеризуя же личные качества Типпу-Типа, они пишут о его щедрости, гостеприимстве, благовоспитанности, мягкости, честности, решительности, мужестве и проницательном уме.

На данном этапе никто из европейцев не называет Типпу-Типа работником: указывается, что упомянутые в мемуарах рабы использовались в качестве носильщиков, работников плантаций, слуг или охраны. Примечательно, что Ливингстон, при всей своей нетерпимости к работорговле, в положительном ключе отзывался о том, как Типпу-Тип и его соратники ведут торговые дела, и противопоставлял их жестоким работникам Килвы.

1887–1890 гг.: Типпу-Тип — губернатор Стэнли-Фолс. Экспедиция по спасению Эмина-паши

В 1886–1889 гг. Генри М. Стэнли возглавлял так называемую экспедицию по спасению Эмина-паши¹⁹, с 1878 г. занимавшего пост губернатора Экватории, которая после взятия Хартума махдистами в 1885 г. оказалась отрезанной от внешнего мира. Стэнли решил продвигаться к цели длинным маршрутом с западного побережья: по плану экспедиция должна была отправиться в Каир, оттуда — на Занзибар для найма носильщиков, затем вокруг Южной Африки к устью р. Конго и вверх по Конго до р. Арувими на пароходах, где Стэнли планировал оборудовать лагерь и откуда впоследствии должен был отправиться на восток к озеру Альберт и Экватории. Его главной целью был город Ваделаи, где предположительно находился Эмин-паша²⁰.

¹⁸ Уджиджи — в XIX в. крупный торговый центр, расположенный на восточном берегу оз. Танганьика.

¹⁹ Эмин-паша (1840–1892) — урожденный Эдуард Шницер, путешественник и исследователь Африки, администратор, позже немецкий колониальный деятель.

²⁰ Об экспедиции по спасению Эмина-паши подробнее см.: Smith Iain R. The Emin Pasha Relief Expedition, 1886–1890. Oxford, Clarendon Press, 1972; Pakenham T. Hon. The scramble for Africa. Perennial, 1992. P. 316–336.

В 1886 г. Стэнли прибыл на Занзибар для встречи с Типпу-Типом. Там они заключили договор, по которому торговец должен был предоставить Стэнли 600 носильщиков, чтобы те помогли доставить амуницию Эмину-паше. Так как ходили слухи, что последний накопил в Ваделаи порядка 75 тонн слоновой кости [10. С. 64], существовала договоренность о том, что на обратном пути носильщики переправят слоновую кость на Занзибар. Согласно заключенному договору Типпу-Тип становился губернатором Стэнли-Фолс²¹; договор также запрещал ему и его людям торговать рабами [10. С. 71]. Из мемуаров Стэнли видно, что он негативно оценивает роль Типпу-Типа²². Вспоминая их первое путешествие, он писал: «...отчаянная работа по исследованию вопроса этой великой реки [Луалабы. — В.Б], вдоль которой мы путешествовали с Типпу-Типом, когда этот ныне известный араб оставил меня в центре Африки» [10. С. 53].

Он также писал: «Сейчас Типпу-Тип более великий человек, чем он был в 1877 году, когда сопровождал мой караван [до места. — В.Б], где мы начали спускаться по р. Конго» [10. С. 63]; «Он вложил свое с трудом заработанное состояние в ружья и порох. Смелые арабы стекаются под его знамя, и сейчас он является некоронованным королем региона между Стэнли-Фолс и озером Танганьика. Он командует тысячами людей, привыкших к бою и дикой экваториальной жизни» [10. С. 63].

В феврале 1887 г. экспедиция отплыла с Занзибара и 18 марта прибыла в порт Банана в устье реки Конго. Здесь выяснилось, что пароходов, которые должны были быть предоставлены для дальнейшего продвижения по реке, нет. Местные миссии и Португальская торговая компания смогли предоставить Стэнли несколько пароходов, однако этого было недостаточно для перевозки более 700 членов экспедиции. Стэнли пришла идея разделить: была сформирована Передовая колонна с ним во главе и Тыловая колонна во главе с Эдмундом Барттелотом. Также Стэнли пришлось оставить часть пороха в Леопольдвилле. Он полагал, что Типпу-Тип без проблем сможет приобрести порох в Стэнли-Фолс, но, как оказалось позднее, он сильно ошибался — это и стало главной причиной последующего конфликта исследователя и арабского торговца. Члены Тыловой колонны расположились лагерем в местечке Ямбуа и ожидали носильщиков Типпу-Типа. В ожидании они провели 11 месяцев, но так и не смогли выдвинуться на помощь Стэнли — у Типпу-Типа не получилось добыть порох, необходимый для защиты каравана с носильщиками. За эти 11 месяцев из 270 человек Тыловой колонны в живых оста-

²¹ Стэнли-Фолс — один из округов Свободного государства Конго.

²² После встречи в 1876 г. у Стэнли и Типпу-Типа возникли друг к другу взаимные претензии. Стэнли считал, что торговец не выполнил условия договора, так как оставил его в Ньянгле, тем самым не помог продвинуться дальше на запад, о чем изначально была договоренность. Типпу-Тип же считал, что полностью выполнил условия договора и сделал для Стэнли все возможное, путешественник же не заплатил ему обещанную сумму.

лись только 60; Стэнли, прибывший в Ямбуа 17 августа 1889 г., также узнал о смерти Эдмунда Барттелота и Джеймса Джеймсона²³.

Хотя в результате этой экспедиции ему удалось встретиться с Эминопашой, положение последнего вовсе не было безнадежным; в провале экспедиции и гибели более 200 человек Тыловой колонны (в дополнение к огромным потерям в Передовой колонне) Стэнли обвинил Типпу-Типа. Уже после завершения экспедиции он писал о нем следующее²⁴:

«Типпу-Тип, он же шейх Хамед бин Мохаммед, арабского происхождения, уроженец восточноафриканского побережья. В его подчинении — тысячи человек. Он известный работороговец, страстно желающий расширить [территорию. — В.Б] своих завоеваний, [а также. — В.Б] торговлю рабами и слоновой костью [...]. Проявляя крайнюю доброжелательность, оказывая щедрое гостеприимство и множество мелких любезностей офицерам экспедиции, он отсрочил выполнение условий своего торжественного контракта [...] и только после 11 месяцев систематической задержки передал [носильщиков. — В.Б] своим белым друзьям» [10. Р. 498–499].

Джеймс Джеймсон, участник экспедиции по спасению Эмина-паши, писал:

«Представьте мое удивление, когда я услышал, что знаменитый Типпу-Тип проследует с нами в Конго и к Эмину-паше, и что 600 его бойцов будут ожидать нас в Стэнли-Фолс. После обеда в консульстве нас всех представили Типпу-Типу, прекрасному старому арабу, очень живому пожилому джентльмену» [11. С. 3]; «Мы прибыли на водопад [Стэнли-Фолс. — В.Б] около пяти часов. Типпу-Тип сам спустился, чтобы встретить нас, и провел нас в свой приемный дом, где собрались его брат и все его подчиненные. Он угостил нас вкусными жареными бананами, чаем и кофе» [11. С. 120]; «Типпу-Тип, своей заботой о других демонстрировал, что является настоящим джентльменом. Он заметил, что у Варда нет зонтика, и отдал ему свой» [11. С. 130]. Он отмечал проявленную Типпу-Типом заботу: «Типпу-Тип снабжает меня лучшей едой и собирается каждое утро присылать мне молоко» [11. С. 257].

Джеймсон, также касаясь ситуации с носильщиками, писал:

«Типпу-Тип узнал, что он [Стэнли. — В.Б] не может этого сделать [предоставить обещанный порох. — В.Б], так как весь порох и капсули еще в Леопольдвиле, поэтому он был сильно раздражен и сначала не собирался никого посылать, но майор Барттелот уговорил его» [11. С. 74]; «Очевидно, что у Типпу-Типа есть много людей, желающих отправиться на охоту за ра-

²³ Джеймс Джеймсон (1856–1888) — британский исследователь, в 1878–1881 г. путешествовал по Южной Африке, а в 1887 г. поступил на службу к Стэнли.

²⁴ После экспедиции по спасению Эмина-паши между Стэнли и Типпу-Типом началась открытая вражда, путешественник даже подал на последнего в суд. Подробнее об этом см.: Gray J.M. Stanley versus Tipoo Tib // Tanganyika Notes and Records. № 18. 1944. Pp. 11 — 28; Laing S. Tippu Tip. Ivory, Slavery and Discovery in the Scramble for Africa. Pp. 255 — 260.

бами и слоновой костью, но при этом он не может найти людей для нас» [11. С. 146].

Много внимания в дневнике Джеймесон уделяет тому, как он и другие офицеры Тыловой колонны пытались добиться от Типпу-Типа людей, то и дело отправляясь то в Стэнли-Фолс, то в Касонго. Он раз за разом подчеркивал, насколько все они зависят от Типпу-Типа [11. С. 224, 262]:

«На днях мы с Барттелотом покинули наш лагерь в Ябмуа, чтобы приехать сюда [в Стэнли-Фолс. — В.Б.] и увидеть Типпу-Типа, но он в Касонго, примерно в 300 милях отсюда. [...] Я должен отправиться туда завтра и совершить утомительное путешествие в тридцать дней, чтобы увидеть великого Типпу-Типа и заставить его прийти к определенным условиям раз и навсегда» [11. С. 223–224].

Джеймесон касался вопроса работорговли, в его повествовании также есть свидетельства бесчинств людей Типпу-Типа и местной практики захвата слоновой кости: «В этой стране не так много „регулярной работорговли“. Арабская практика состоит в захвате местных женщин и удержании их до тех пор, пока они не будут выкуплены за слоновую кость» [11. С. 242–243]; «Вечером Типпу-Тип напал на деревню и сжег ее на следующее утро» [11. С. 123].

Эдмунд Барттелот, также член экспедиции по спасению Эмина-паши, в 1887 г. писал о Типпу-Типе следующее:

«Что могло заставить этого могущественного работорговца столь поспешно, без предупреждения или приготовлений, оставить все свои дела и [...] взяться за это благотворительное предприятие со своим бывшим другом мистером Стэнли?» [12. С. 58]; «Вы, конечно, слышали, что с нами на борту великий работорговец Типпу-Тип. Его страна называется Маньема в Верхнем Конго, и я полагаю, что он проделает с нами весь путь до Ваделаи. Он пожилой мужчина, около 6 футов и 2 дюймов²⁵, с красивым, властным и умным лицом» [12. С. 63].

Барттелот негативно оценивал договоренности Стэнли с Типпу-Типом и также упоминал о зверствах людей последнего: «Какое бы взаимопонимание ни существовало между Стэнли и Типпу-Типом, договоренности, заключенные на Занзибаре, были опрометчивыми и поспешными, а также разрушительными для исхода экспедиции мистера Стэнли и для местных вокруг Стэнли-Фолс, чьи деревни были разграблены и сожжены, а жители замучены, истреблены или угнаны в рабство бандами людей, которые работают на главного работорговца Типпу-Типа, губернатора Стэнли-Фолс» [12. С. 60].

Говоря о ситуации вокруг экспедиции, Барттелот так же, как и Джеймесон, был скорее склонен обвинять Стэнли, а не Типпу-Типа. Он писал, что вина

²⁵ Примерно 187 см.

американца заключается в том, что он поставил судьбу Тыловой колонны в зависимость от человека, который, по выражению самого Стэнли, «совершенно не заслуживает доверия» [12. С. 115]. Однако Барттелот также указывал, что Стэнли сам не выполнил условия договора, не предоставив Типпу-Типу капсули и порох, что и вызвало затруднения при выдвигании носильщиков [12. С. 119, 124–125]. Ссылаясь на Джеймсона, он писал, что по этой причине торговец ненавидит Стэнли [12. С. 238–239]. Оба офицера сходились во мнении, что судьба Тыловой колонны была полностью в руках Типпу-Типа и что он ничего не мог с этим сделать [12. С. 219].

Уильям Стейрс²⁶ оставил следующую краткую заметку о Типпу-Типе: «Типпу-Тип теперь является губернатором Стэнли-Фолс и поэтому имеет там практически полную власть» [13. С. 69].

Томас Парк²⁷, врач, также принявший участие в экспедиции Стэнли в 1887 г., писал следующее:

«Доктор Хасси познакомил меня со знаменитым Типпу-Типом, охотником за слоновой костью и бывшим работником. Он, безусловно, выдающийся человек как физически, так и морально. Его внешний вид впечатляет, ростом он почти шесть футов²⁸, с яркими пронизательными черными глазами. Он вежлив, обходится с имперским достоинством и учтивостью. Его карьера романтична — сначала раб²⁹, затем авантюрист с Занзибара, торговавший слоновой костью и рабами, теперь же ему удалось утвердиться в качестве некоронованного короля на берегах Среднего Конго» [14. Р. 18, см. также 491].

Артур Джемсон³⁰ оставил краткую заметку:

«Весть, которую он [гонец. — В.Б.] сообщил, заключалась в том, что Стэнли прибыл с чудесным пулеметом, который косит людей сотнями, и что он также привел с собой огромную орду маньема³¹ Типпу-Типа [...]. Местные рассказывали с явным преувеличением, какими ужасными людьми были эти арабские похитители рабов» [15. С. 408].

В 1890 г. другой участник экспедиции Стэнли, Джон Троуп писал: «На Занзибаре господин Стэнли снова встретил Типпу-Типа, великого арабского вождя, чья штаб-квартира находилась в Стэнли-Фолс на реке Конго и чье влияние ощущалось далеко за пределами Касонго, откуда тот при-

²⁶ Уильям Стейрс (1863–1892) — канадско-британский офицер, известен своим участием в экспедиции по спасению Эмина-паша, а также тем, что возглавил экспедицию 1891 г. с целью захвата Катанги (впоследствии южная провинция Бельгийского Конго).

²⁷ Томас Парк (1857–1893) — офицер британской армии и врач.

²⁸ Примерно 183 см.

²⁹ Источник этого утверждения неизвестен; в мемуарах Варда (см. ниже) его мать называют «настоящей африканской рабыней», также по неизвестной причине (в реальности она была дочерью одного из правителей народности ньямвези).

³⁰ Артур Джемсон (1859–1908) — офицер британской армии.

³¹ Маньема — народ, проживающий на территории современной Демократической Республики Конго. В XIX в. часто поступали на службу к арабским торговцам.

был на Занзибар по хорошо известному караванному пути через Уджиджи и Табору. По нему он также отправляет всю свою слоновую кость на Занзибар, а взамен [...] получает запасы пороха, ткани и т. д. Он крупный землевладелец на Занзибаре, вложивший значительные суммы в собственность, и, несомненно, он намеревается поселиться там со своими многочисленными женами, когда состарится или когда устанет от набегов на рабов в этих районах Конго» [16. С. 43–44].

Троуп также называет Типпу-Типа работорговцем [16. С. 48]. Касаясь темы работорговли, он писал: «Типпу-Типа можно рассматривать как своего рода царя, правящего зависимыми князьками. Маньема используются главным образом для того, чтобы добывать слоновую кость для своих хозяев, либо отбирая ее силой у местных, либо захватывая местных женщин и детей и требуя слоновую кость в качестве выкупа. Эти маньема не находятся под строгим надзором арабов [...] но не следует забывать, что они зависят от Типпу-Типа» [16. С. 53].

Троуп, говоря об их первой встрече, называет Типпу-Типа «великим» и «арабским вождем» [16. С. 93–94]. Он пишет следующее:

«С 1876 года он несколько постарел, но описание Стэнли подходило ему, если только добавить, что его черная борода побелела. Он был человеком красивой наружности, и мы легко могли видеть, что его последователи уважали и восхищались им, а в некотором смысле его поведение вызывало восхищение и у белых людей. Он был проницательным, интеллигентным человеком, легко читал характеры окружающих и знал, как лучше с ними обращаться. Его влияние было достаточно сильным, чтобы он стал могущественным вождем» [16. С. 177–178].

Касаясь темы поставки носильщиков экспедиции по спасению Эмина-паши, Троуп становится на сторону Типпу-Типа и пишет следующее: «Не следует забывать, что промедление, выглядевшее как предательство, было, вероятно, во многом связано с тем, что Типпу-Тип с трудом уговорил своих последователей стать нашими носильщиками. Эти маньема дикие и недисциплинированные, их никогда не учили носить грузы» [16. С. 263].

Херберт Вард³², также участник экспедиции, в 1891 г. писал:

«Начальником этих налетчиков и в то же время, как это ни странно, признанным представителем правительства, имеющего целью цивилизовать Африку и спасти ее народ от этих самых набегов, является Хамед бен Мохаммед бин Джума, более известный как Типпу-Тип» [17. С.164];

«Он одновременно является губернатором территории Свободного государства Конго в Стэнли-Фолс и лидером арабов, обосновавшихся в этом районе, и цель их пребывания там была прямо противоположна целям и политике Свободного государства. Кажется странным, даже неве-

³² Херберт Вард (1863–1919) — британский путешественник, художник и скульптор.

роятным, что один человек представляет две такие противоборствующие силы, и все же, как я надеюсь показать в этой статье, Типпу-Тип может быть верным слугой правительства, все еще претендуя на звание арабского лидера. Он оказывал мощное влияние на своих соотечественников — влияние, которое, хотя и было недостаточным, чтобы обуздать потакание инстинкту набегов его союзников и друзей, все же было достаточно сильным, чтобы сохранить нетронутым мир на его территории и заставить тех, кто нуждается в рабах для своих караванов [...], отправляться дальше в поисках жертв» [17. С. 166–167].

«Эти факты необходимо иметь в виду при критике Типпу-Типа, ибо, будучи хорошим мусульманином (каким он сам себя считает) он может быть обходительным, вежливым и внимательным к другим, [но в то же время. — В.Б] проливать кровь неверных, как воду [17. С. 167];

«По внешнему виду Хамед бин Мохаммед мало чем отличается от [любого другого. — В.Б] старого седобородого негра — кожа у него очень черная из-за негритянской крови его матери, а возможно, и бабушки, — но в его взгляде читается ум, что сразу же выдает его происхождение от других предков [арабов. — В.Б]» [17. С. 168].

В другой книге Вард писал следующее:

«Самым видным из всех так называемых арабов, занимавшихся набегами ради рабов в Центральной Африке, был Типпу-Тип. Его настоящее имя — Хамад бин Мохаммед; его отец был арабом-полукровкой с Занзибара, а его мать была чистокровной африканской рабыней из Мримы» [18. С. 61].

Касаясь работорговли, он писал:

«Появление арабских налетчиков на рабов в стране к западу от Ньянгве под командованием печально известного Типпу-Типа датируется 1877 годом — годом, когда Стэнли совершил свое памятное путешествие через Африку от Занзибара до устья реки Конго. На самом деле именно благодаря этому знаменитому путешествию Стэнли арабские похитители рабов объединились и последовали за Стэнли на запад вниз по реке Луалаба» [18. С. 62].

Элизе Тривер³³, находившийся на службе Свободного государства Конго, писал о Типпу-Типе следующее:

«Сам Типпу-Тип, богатый араб, истинный вождь Центральной Африки, обязан своим именем особому тикку [...]. Его настоящее имя Хамед бен Мохаммед бен Юма Лимариаби, но в Европе мало кто знает его под этим именем» [19. Р. 61–62];

³³ Элизе Тривер (1842–1922) — французский путешественник. Известен тем, что в 1889 г. первым из своих соотечественников пересек Экваториальную Африку от Атлантического до Индийского океана.

Он добавляет: «Благодаря рекомендациям, которые он дал своим многочисленным друзьям, я повсюду пользовался самым радушным приемом» [19. С. 85];

«Прежде всего, Типпу-Тип — торговец, который очень хорошо знает цену золоту. Хотя он исполнял обязанности губернатора станции Фолс, он, тем не менее, сохранил свою резиденцию в Касонго в Маньеме. Он полукровка, сын араба и негритянки, его рост выше среднего, у него покатый лоб, седящая борода и приплюснутый нос. Все указывает на черное происхождение, тем не менее его великолепный образ производит впечатление» [19. С. 85];

«Его влияние не опирается на очень значительные силы. Хозяин Центральной Африки, султан, банкир, торговец, охотник за слоновой костью и рабами, имеет под своим влиянием не более 3000 или 4000 арабов с Занзибара» [19. С. 86];

«После трех дней в Кизингатини мы с Типпу-Типом стали хорошими друзьями [...]. Никто не может пройти без его разрешения, но он легко его дает. Предоставленный самому себе [...], без поддержки султана Типпу-Типа я, конечно, не прошел бы и десяти лье³⁴, без того чтобы местные не ограбили меня и, возможно, не перерезали мне горло. Типпу-Тип — король, хозяин, правитель этой огромной страны, все его боятся и подчиняются ему» [19. Р. 89–90].

В этот период образ Типпу-Типа дополняется новыми деталями. Хотя его личность в целом, власть и влияние вкупе с такими положительными качествами, как гостеприимство, доброжелательность и проницательность, продолжают вызывать огромное восхищение со стороны европейцев, последние все чаще называют его «работоторговцем», пишут о том, что он мстителен, раздражителен и нетерпим. Они все чаще пишут про «орды маньема», которые несут страх и разрушение, и называют Типпу-Типа «начальником налетчиков».

Заключение

Мы видим, что образ Типпу-Типа на страницах мемуаров и путевых заметок европейцев не был статичным. Первые исследователи Восточной Африки описывали его исключительно в положительном свете: для них он был своего рода союзником, помогавшим в деле исследования ранее неизведанных областей. В более поздних описаниях, оставленных главным образом членами экспедиции по спасению Эмина-паши и колониальными служащими Свободного государства Конго, образ Типпу-Типа трансформируется и приобретает негативные черты, а сам он из союзника превращается больше в противника. Это нельзя связать напрямую с про-

³⁴ Около 44 км.

валом экспедиции по спасению Эмина-паши и обвинениями со стороны Стэнли и некоторых других участников экспедиции в связи с гибелью людей в Тыловой колонне; в более поздний период Типпу-Тип начинает олицетворять арабскую работорговлю, а начинающийся раздел Африки и колониальные притязания европейских держав во многом оправдываются необходимостью борьбы с этим злом. В этом плане примечателен некролог, опубликованный в «Таймс» 14 июня 1905 г., в котором Типпу-Тип назван «арабским торговцем и работорговцем» [1. С. 277]. Эта краткая заметка свидетельствует об окончательном закреплении в европейском общественном сознании ассоциации Типпу-Типа именно с работорговлей. Сообщение о смерти человека, ее олицетворявшего, оказалось достойным внимания европейского читателя, ведь смерть «главного работорговца региона» могла в целом знаменовать победу над работорговлей, с которой, изначально благодаря усилиями Ливингстона, так рьяно боролась метрополия.

Библиографический список / References

1. Laing S. Tippu Tip. Ivory, Slavery and Discovery in the Scramble for Africa. Dar-es-Salaam, Mkuki na Nyota; 2019.
2. Livingstone D. The Last Journals of David Livingstone in Central Africa from 1865 to His Death. V. 1. L. : John Murray; 1874.
3. Cameron V.L. Across Africa. L. : Daldy, Isbister & Co; 1877.
4. Stanley H.M. Through the Dark continent; or, The sources of the Nile around the great lakes of equatorial Africa, and down the Livingstone river to the Atlantic ocean. N.Y. : Harper & Brothers, Publishers; 1878.
5. Becker J. La vie en Afrique ou trois ans dans l'Afrique centrale. Paris : J. Lebègue; 1887.
6. Wissmann Von H. My second journey through Equatorial Africa from the Congo to the Zambezi. L. : Chatto & Windus, Piccadilly; 1891.
7. Coquilhat C. Sur le Haut-Congo. Paris : J. Lebègue; 1888.
8. W. Junker. Travels in Africa during the years 1875–1886. L. : Chapman and Hall; 1892.
9. Bentley W. Holman. Pioneering on the Congo. L. : The Religious tract society; 1900.
10. Stanley H.M. In darkest Africa; or, The quest, rescue, and retreat of Emin, governor of Equatoria. V. 1. N.Y. : C. Scribner's Sons; 1890.
11. Jameson J.S. The story of the rear column of the Emin Pasha relief expedition. N.Y. : National Pub. Co.
12. Barttelot E.M. The Life of Edmund Musgrave Barttelot; being an Account of his Services for the Relief of Kandahar, of Gordon and of Emin; from his Letters and Diary. L. : Richard Bentley and Son; 1890.
13. Stairs W.G. African exploits: the diaries of William Stairs, 1887–1892. Montreal : McGill-Queen's University Press; 1998.
14. Parke T.H. My personal experiences in equatorial Africa, as medical officer of the Emin Pasha relief expedition. N.Y. : C. Scribner; 1891.
15. Mounteney-Jephson A.J. Emin Pasha And The Rebellion At The Equator. L. : Sampson Low Marston Searle & Rivington Ltd; 1890.
16. Troup J.R. With Stanley's rear column. L. : Chapman and Hall, Ltd.; 1890.
17. Ward H. Five years with the Congo cannibals. L. : Chatto & Windus; 1891.

18. Ward H. A voice from the Congo, comprising stories, anecdotes, and descriptive notes. N.Y. : C. Scribner's Sons; 1910.
19. Trivier E. Mon voyage au continent noir: la «Gironde» en Afrique. Paris : Firmin Didot; 1891.
20. Moloney J.A. With Captain Stairs to Katanga. L. : S. Low, Marston; 1893.
21. Vincent F. Actual Africa; Or, The Coming Continent: A Tour of Exploration. N.Y. : D. Appleton & Company; 1895.
22. Meinertzhagen R. Kenya diary, 1902–1906. Edinburgh, Oliver and Boyd; 1957.
23. Swann A.J. Fighting the slave-hunters in Central Africa. A record of twenty-six years of travel and adventure round the Great Lakes and of the overthrow of Tip-ju-Tib, Rimaliza and other great slave-traders. L. : Seeley and Co. Limited; 1910.

Информация об авторе:

Брындина Валентина Николаевна — младший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии, Института Африки РАН, e-mail: bryndina2015@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6528-4345, SPIN (РИНЦ ID): 1866-3797

Information about the author:

Bryndina Valentina Nikolaevna — Junior Research Fellow, Center for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, e-mail: bryndina2015@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6528-4345, SPIN (РИНЦ ID): 1866-3797

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-233-238

EDN: AASJOP

Рецензия на книгу: Morieux R. *The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 2019

Р. И. Уразбахтин

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9

 ruslan.ruslan-95@yandex.ru

История статьи: Поступила в редакцию: 02.12.2022. Принята к публикации: 01.02.2023.

Для цитирования: *Уразбахтин Р.И.* Рецензия на книгу: Morieux R. *The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 2019 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 233–238. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-233-238>

Book Review: Morieux R. *The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 2019

R.I. Urazbakhtin

Saint-Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russia, 199034

 ruslan.ruslan-95@yandex.ru

Article history: Received: 02.12.2022. Accepted: 01.02.2023.

For citation: Urazbakhtin R.I. Book Review: Morieux R. *The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 2019. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(2):233–238. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-233-238>

© Уразбахтин Р.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Рено Морьё — британский историк французского происхождения, чьи научные интересы лежат в области франко-английских отношений XVIII в. Но не международных, а, скорее, социальных. Так, в одной из своих монографий он рассматривает Ла Манш не как границу между французским и английским обществом, а как место их взаимодействия: он изучает, чем был Английский канал для картографов, юристов, чиновников, мигрантов, рыбаков и торговцев по обе его стороны [1]. Новая книга Р. Морьё [2] лежит в русле социально-антропологического подхода к военной истории, в рамках которого изучается проблема «Человека на войне» [3]. Причем не только на собственно передовой [4, с. 4]. Среди прочего рассматривается и судьба военнопленных. Именно им посвящена эта книга. Автор концентрируется на пленных англо-французских войн XVIII — нач. XIX вв.

В российской историографии тема военнопленных Нового времени уже не нова, но отечественные специалисты традиционно уделяют преимущественное внимание войне 1812 г., особенно французам в России [5]. Исследований о солдатах Наполеона, попавших в английский плен, нам неизвестно.

Но не только темой выделяется книга Р. Морьё. Сам подход и методология исследования вызывают интерес. В отечественной литературе о военнопленных эпохи Наполеоновских войн рассматриваются в основном вопросы численности, транспортировки и географии и особенностей содержания заключенных, т.е. вопросы фактологические. Р. Морьё пишет социальную историю общества пленных в Англии. Кто такой пленный в Западной Европе в XVIII— нач. XIX вв.? Чем он отличался от раба или преступника? Насколько правовые нормы в определении этого статуса реально соблюдались на практике? Как положение военнопленного менялось географически? Как была устроена жизнь в плену? Насколько прошлые социальные категории попавших в плен имели смысл в тюрьме? Социальный порядок в лагерях для военнопленных копировал общество «воли», или строил свое? Насколько «непроницаемы» были стены военных тюрем?

Начинает Р. Морьё свою книгу с правовых вопросов. Однако первая глава посвящена не столько законодательству, сколько его реальному применению на практике. Автор пишет, что статус военнопленного не был закреплен и постоянно менялся в зависимости от конкретной ситуации. На европейском театре боевых действий складывалась одна практика, в американских колониях — другая. Спорными являлись вопросы о статусе ирландцев, гугенотов, американцев, повстанцев. Как должны поступить англичане, к которым в плен попал матрос с французского корабля, являющийся английским подданным? Спорным был и вопрос о статусе женщин и, в целом, гражданских. Англичане во второй половине XVIII в. на-

стаивали на том, что их должны отпускать сразу, говоря, ведь так должны поступать джентльмены. Французы считали, что женщины должны принимать участие в обмене пленными наравне с мужчинами. В качестве аргументов выдвигался тезис о равноправии полов. Однако, пишет Р. Морьё, дело было в том, что англичанки много путешествовали морем, в отличие от француженок. Поэтому в годы Семилетней войны многие из них попали к французам в плен, и последние были заинтересованы в том, чтобы менять их на своих собственных солдат. В общем, автор называет категорию «военнопленного» в эту эпоху «пористой».

Причина этого заключалась в том, что государства того времени не были такими всеобъемлющими структурами, как сейчас, и могли контролировать происходящее на местах куда хуже. В вопросе содержания и транспортировки пленных они порой прибегали к помощи частных лиц. Для самих заключенных это имело самые прямые последствия.

Далее автор рассматривает кампании «гуманитарного патриотизма» в Англии во второй половине XVIII в. Государства и общества того времени стремились занять более выгодную моральную позицию по отношению к врагу, и поэтому старались не только максимально «цивилизованно» относиться к пленным противникам, но и сделать так, чтобы об этом узнали все. Поэтому в 1759–1760 гг. в Англии прошла целая филантропическая кампания благотворительности в пользу пленных французов. Автор рассматривает практическое влияние этой кампании на условия содержания заключенных. Имелись и противники такого «гуманного» отношения к пленным.

Но если Семилетняя война впервые ознаменовалась массовым гуманизмом по отношению к военнопленным, то Революционные и Наполеоновские войны своей невиданной доселе жестокостью, казалось бы, порвали с «галантными» войнами XVIII в. Однако, пишет, автор, в отношении к пленным в 1793–1815 гг. имелась прямая преемственность с прошлым.

Так как Р. Морьё изучает в первую очередь именно «общество пленных», за рамками книги остались вопросы обмена пленными, судьбы после плена, изменения отношения в целом к военному плену в эту эпоху. Однако автор изучает и такой вопрос, как транспортировка пленных. Наоборот, пишет он, историки тюрем напрасно игнорируют этот аспект, ограничивая свои исследования стенами тюрем. Р. Морьё считает, что военнопленные на самом деле никогда не были полностью оседлыми. И имеющиеся в распоряжении автора этой рецензии документы тюрьмы г. Чатем это подтверждают — более половины побывавших в ней в 1803–1814 гг. французов закончили свой плен в каких-то других местах. При перевозках по морю из-за нехватки рабочих рук для управления кораблем использовались сами заключенные. Таким образом, указывает автор, категория пленного в XVIII в. была весьма обратима.

Изучает Р. Морье и структуру военных тюрем. Специализированные тюрьмы для военнопленных как раз появляются в XVIII в. Автор наблюдает, как их заключенные меняли это пространство под свои нужды.

Военный плен, по мнению историка, — это форма испытания общества. Наибольший вызов социальному бросает содержание пленника на воле «под честное слово» — невозможная в наши дни, но типичная для того времени форма плена, когда полностью исчезают стены, а враг оказывается смешан с местным обществом: живет в нем и активно с ним взаимодействует. На пленных «на слове» оказывалось огромное давление, и это показывает, что, пишет Р. Морье, культура «цивилизованности» еще не полностью распространилась на английское общество того времени.

Также автор рассматривает, насколько прошлые социальные категории имели смысл в тюрьме. Особый интерес здесь представляют чернокожие моряки и военные, попавшие в английский плен: зачастую они становились рабами, даже если до этого были свободными. Однако в целом же, заключает автор, доминировавшие группы продолжали доминировать и в плену.

В последней главе Р. Морье задается вопросом, существовала ли структура социального порядка внутри военной тюрьмы: были ли «исконно» тюремные формы социальных отношений и регулирования конфликтов? Автор не согласен с тезисом И. Гофмана [6] о том, что тюрьма была тотальным институтом [2. С. 293]. Он говорит о том, что хотя на определенном уровне заключенные и надзиратели находились в оппозиции, в целом же они делили общее пространство и вместе его видоизменяли. Формальные правила там были не всегда превыше всего, а приезжавшие в тюрьмы рынки и периодические побеги уничтожали пространственную замкнутость таких учреждений.

Англо-французские войны Нового времени, заключает автор, были эпохой противостояния между государственным императивом войны и морально-правовыми нормами. Если англичане в вопросе военнопленных настаивали на уважении традиционных норм, то французы выступали за их пересмотр согласно новым представлениям о справедливости. Это непонимание, достигшее апогея в годы Наполеоновских войн, было щедро оплачено горькими судьбами самих пленных. Изобретение концепции «военнопленного» не положило конец древним способам плена вроде рабства и заложников. С другой стороны, заключает Р. Морье, тюрьмы никогда не были полностью огорожены от мира, и неволя поддерживала связи между воюющими странами, изобретая новые формы социальных отношений.

Завершается книга изучением самого известного военнопленного эпохи Наполеоновских войн — самого Наполеона. Как проходили дебаты о его судьбе? Кто, как и зачем принимал решение о его статусе военно-

пленного? Чем его статус отличался от традиционных практик военного плена? Как при этом обходились «мешавшие» законы? Этот пример, как и вся книга в целом, показывает, что понятие «военнопленный» в Новое время было скорее категорией практики, а не нормативной категорией, не было четко определено и находилось под большим влиянием местных обычаев.

Эта книга имеет значительный объем, но при этом весьма лаконична. Четко структурирована: каждая глава имеет выделенное вступление-анонс и заключение. Заслуживает уважения и комплекс источников, на который опирается монография: множество неопубликованных документов из британских и французских архивов.

Сама по себе тема, а также свежий, но при том обстоятельный подход и обширный пласт архивных источников делают работу Р. Морье особенно интересной для отечественных специалистов.

Библиографический список

1. Morieux R. The Channel. England, France and the Construction of a Maritime Border in the Eighteenth Century. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 418 p.
2. Morieux R. The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. Oxford : Oxford University Press, 2019. 427 p.
3. Вовси Э., Земцов В.Н., Зозая Монтеc М., Ивченко Л.Л., Петито Н., Промыслов Н.В., Форрест А. Наполеоновские войны в национальных историографиях Европы и Америки: материалы «круглого стола» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 4 (20). URL: <https://history.jes.su/s207987840000501-0-1/> (дата обращения 18.11.2022)
4. Сеньявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-antropologiya-opyt-stanovleniya-i-razvitiya-novoy-nauchnoy-otrasli> (дата обращения: 18.11.2022).
5. Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. Мемуары. Исследования / отв. сост. Б.П. Миловидов, СПб.: Крига, 2012. 608 с.
6. Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019. 464 с.

References

1. Morieux R. The Channel. England, France and the Construction of a Maritime Border in the Eighteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press; 2016.
2. Morieux R. The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. Oxford: Oxford University Press; 2019.
3. Vovsi E, Zemtsov VN, Zozaya Montes M, Ivchenko LL, Petiteau N, Promyslov NV, Forrest A. Napoleonovskie vojny v nacional'nyh istoriografiyah Evropy i Ameriki: materialy «kruglogo stola». *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 2013;4(20). Available from: <https://history.jes.su/s207987840000501-0-1/> [Accessed November 18, 2022.]. (In Russ.).

4. Senyavskaya E.S. Voennaya antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoj nauchnoj otrasli. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2016; 1–2 (14). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-antropologiya-opyt-stanovleniya-i-razvitiya-novoy-nauchnoy-otrasli> [Accessed November 18, 2022.] (In Russ.).
5. Milovidov B.P., ed. Voennoplennye armii Napoleona v Rossii. 1806–1814. *Memuary. Issledovaniya*. Saint-Petersburg: Kruga; 2012. (In Russ.).
6. Goffman E. *Asylums: Essays on the Condition of the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Moscow: Elementarnye formy; 2019. (In Russ.).

Информация об авторе:

Уразбахтин Руслан Ильдарович — аспирант кафедры истории Нового и Новейшего времени, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ruslan.ruslan-95@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9715-9995 Elibrary SPIN-код: 7034–5730

Information about the author:

Urazbakhtin Ruslan — postgraduate student of the Department of Modern and Contemporary History, St. Petersburg State University, e-mail: ruslan.ruslan-95@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9715-9995

ИСПРАВЛЕНИЯ ERRATA ET CORRIGENDA

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-2-239-241

EDN: LUOGVB

Исправление к статье «Формирование египетской коллекции Национального музея Республики Татарстан: вклад в развитие отечественной египтологии»

А.А. Аксенова ✉

Университет Лион 2,
69007, Франция, г. Лион, ул. Пастер, 86
✉ anastasia.aksenova@univ-lyon2.fr

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021; 13(2):211–229. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-2-211-229>

1. На страницах 213, 219 «саркофаг Гори» следует читать «саркофаг Хори».
2. На странице 215 «несколько ушебти из голубого фаянса с надписью (jmn-m-jpt), также (bj ntr mr Nsj-jmn)» следует читать «несколько ушебти из голубого фаянса с надписью (jmn-m-jpt)»¹.
3. На странице 219 «муляжи канопов Амсета» следует читать «слепок вазы-канопа с головой Амсета».
4. Текст на странице 223 «Национальный архив Республики Татарстан. — Ф.977 Казанский университет: Извещение попечителя Казанского учебного округа о пожертвовании Прутченко в дар университету вещей из Египта (2 сентября 1868 г. — 27 сентября 1868 г.). — Оп. 4. — No 5174–5119. С. 4–5.

¹ Цит. по: Berlev O, Hodjash S. *Catalogue of the monuments of Ancient Egypt*. Fribourg: Univ. Press; Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998, p. 90–91.

National archive of the Republic of Tatarstan. — F.977 Kazan University: Notice of the trustee of the Kazan educational district of Prutchenko's donation to the university of things from Egypt (September 2, 1868 – September 27, 1868). — Op. 4 – No 5174–5119.»

следует считать подрисовочной подписью к изображениям на страницах 224, 225.

В конце подписи следует читать:

«Фото предоставлены Государственным архивом Республики Татарстан. Photos provided by the State Archives of the Republic of Tatarstan.»

5. На странице 228 название приложения 7 «Иллюстрации некоторых предметов из коллекции» следует читать «Иллюстрации некоторых предметов из собрания Национального музея Республики Татарстан»

6. На страницах 228–229 в приложении 7 названия памятников под изображениями, опубликованные в оригинальной статье согласно данным, официально предоставленным музеем², следует читать:

1. Папирусный фрагмент книги Ам-Дуат, 1069–945 гг. до н. э., XXI династия, папирус, 11×8,2 см. Инв. номер: НМРТ КП-5404/4. Из собрания Национального музея Республики Татарстан. Фото предоставлено музеем.

2. Скарабей Великого принца RNJJ, 945–715 гг. до н.э., XXII–XXIII династии, фаянс, 8,8×5,9×3,5 см. Инв. номер: НМРТ КП-5404/5. Из собрания Национального музея Республики Татарстан. Фото предоставлено музеем.

3. Фрагмент саркофага DJ-JMNW, 1069–945 гг. до н. э., XXI династия, дерево, 31×24×4 см. Инв. номер: НМРТ КП-31070/2. Из собрания Национального музея Республики Татарстан. Фото предоставлено музеем³.

Допущенные опечатки и ошибки не влияют на выводы статьи. Исправления внесены в онлайн версию статьи.

Автор и редакция журнала приносят извинения читателям за наличие опечаток и ошибок в тексте статьи. Автор статьи приносит извинения за первоначальную некорректную информацию.

² 1) Книга Ам-дуат. 1069–945 гг. до н. э. Памятник неизвестен. Древний Египет. Папирус. 11×8,2 см.

2) Скарабей-печать. Великого принца RNJJ правителя XIV нома Ле. 945–715 гг. до н.э. Древний Египет. Фаянс, формовка, обжиг. 8,8×5,9×3,5 см.

3) Фрагмент саркофага египтянки из дома DJ-JMNW... с изображением богини Хатор. 1069–945 гг. до н. э. Древний Египет. Дерево.

³ Berlev O., Hodjash S. *Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt from the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorusia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic states*. Fribourg: Univ. Press; Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998, p. 141, 234–235, 19.

**Correction: Corrigendum:
Formation of the Egyptian collection
of the National Museum of the Republic of Tatarstan:
a contribution to the development of Russian Egyptology**

A.A. Aksenova ✉

University of Lyon 2,
86, rue Pasteur, Lyon, France, 69007

✉ anastasia.aksenova@univ-lyon2.fr

RUDN Journal of World History. 2021;13 (2):211–229. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-2-211-229>

Misprints and errors do not affect the conclusions of the article. Corrections have been made to the online version of the article.

The author and the editors of the journal apologize to the readers for the presence of typos and errors in the text of the article. The author of the article apologizes for the initial incorrect information.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
